

2023. Т. 14. № 2

**Учредитель
и издатель:**
Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Политические науки

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы,
технологии
- 5.5.3. Государственное управление
и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – **85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2023. Vol. 14. No. 2

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий факультета прикладной политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanova – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the School of Oriental Studies of the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, State University of Education, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, State University of Education, Russian Federation

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

А.А. Шаповалов

Военная политика Древнего Рима в Северной Африке
во второй половине II в. до н.э.
в оценке отечественной историографии 11

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Г.В. Талина

Россия на пути к рекрутской повинности
и подушному налогообложению 26

М.К. Чиняков

Первые командиры Особых пехотных полков
российской армии (1916–1917):
опыт групповой социально-демографической
и профессиональной характеристики 39

В.Ж. Цветков

Особенности формирования и основные приемы
пропаганды аграрно-крестьянской политики
Особого Совещания при Главнокомандующем
Вооруженными силами Юга России в 1919 г. 50

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

И.Ю. Савенкова

«Ост-Индская компания не требует
безотлагательного лечения...»: проблема
британского управления Индией в памфлете
Джеймса Босуэлла «Письмо к шотландскому народу»
(1783 г.). 69

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Т.Л. Лабутина

Впечатления британского посла лорда Дж. Гиндфорда
о пребывании при дворе
императрицы Елизаветы Петровны 90

О.А. Никонов

Рефлексия Великобритании на создание
советско-палестинского товарного рынка 109

Е.О. Савченко

Специфика американо-иорданских отношений
на современном этапе развития
мировой политической системы 130

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

М.В. Батшев, С.А. Трифонова

Я в первый раз делаю путешествие, и впредь наука.
Рецензия на книгу: Сергей Иванович Тургенев.
Поездка в Голландию в 1811 году.
СПб.: Нестор-История, 2022 151

А.Н. Бураков

Клио на Парнасе.
Рецензия на книгу: Молодяков В.Э.
Фроцкий, или Заговор Мефистофеля.
Историческая разгадка. СПб., 2023 157

Contents

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

A.A. Shapovalov

Military policy of Ancient Rome in North Africa
in the second half of the II century BC in the assessment
of Russian historiography. 11

RUSSIAN HISTORY

G.V. Talina

Russia on its way to recruiting duty
and per capita taxation 26

M.K. Chinyakov

The first commanders of the Special Infantry Regiments
of the Russian Army (1916–1917):
The experience of group socio-demographic
and professional characteristics. 39

V.Z. Tsvetkov

Features of the formation and basic methods
of propaganda of the agrarian and peasant policy
of the Special Meeting under the Commander-in-Chief
of the Armed Forces of the South of Russia in 1919. 50

GENERAL HISTORY

I.Yu. Savenkova

“The East India Company was proved to require
no desperate remedy...”: The problem
of the British administration in India
in a James Boswell’s pamphlet
“A letter to the people of Scotland” 69

INTERNATIONAL RELATIONS: HISTORY AND PRESENT DAY

T.L. Labutina

Impressions of the British Ambassador
Lord J. Hyndford about the stay
at the court of Empress Elizabeth Petrovna. 90

O.A. Nikonov

British reflection on the creation
of a Soviet-Palestinian commodity market 109

E.O. Savchenko

The key features of US-Jordanian relations
at current stage of the world political system 130

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

M.V. Batshev, S.A. Trifonova

«I'm making a trip for the first time,
and from now on science».
Book review: Sergey Ivanovich Turgenev.
A trip to Holland in 1811. St. Petersburg, 2022 151

Burlakov A.N.

Clio on Parnassus.
Book review: Molodyakov V.E. Frotsky,
or the Conspiracy of Mephistopheles.
Historical clue. St. Petersburg, 2023 157

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-11-25

УДК: 94

А.А. Шаповалов

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Военная политика Древнего Рима в Северной Африке во второй половине II в. до н.э. в оценке отечественной историографии

В рамках трех периодов отечественной историографии (имперском, советском и современном) выявлены основные исследовательские концепции анализа военной политики Древнего Рима в контексте его общей и политической истории, подходы к имперскому статусу, территориальным экспансиям, внешней политике в Африке, отношениям с зависимыми и подчиненными государственными образованиями. Показаны сходства, преемственность и различия историографических этапов, внешние и внутренние факторы, ограничения, влиявшие на объективность и полноту исследований. Прослежена эволюция доктринальных представлений в геополитике, истории военного дела, частично – в источниковедении.

Ключевые слова: отечественная историография истории Древнего Рима, Карфаген, провинция Африка, римская провинциальная система, Третья Пуническая война, Югуртинская война

© Шаповалов А.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаповалов А.А. Военная политика Древнего Рима в Северной Африке во второй половине II в. до н.э. в оценке отечественной историографии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 11–25. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-11-25

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-11-25

A.A. Shapovalov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Military policy of Ancient Rome in North Africa in the second half of the II century BC in the assessment of Russian historiography

Within the framework of three periods of Russian historiography (imperial, Soviet, and modern), the main research concepts of the analysis of the military policy of Ancient Rome, in the context of its general and political history, approaches to the imperial status, territorial expansions, foreign policy in Africa, relations with dependent and subordinate state formations. The similarities, continuity and differences of the historiographic stages, external and internal factors, limitations that affected the objectivity and completeness of the research are shown. The evolution of doctrinal ideas in geopolitics, the history of military affairs, and in part, source studies is traced.

Key words: Russian historiography of Ancient Rome, Carthage, province Africa, Rome provincial system, Third Punic War, Yugurtin War

FOR CITATION: Shapovalov A.A. Military policy of ancient Rome in North Africa in the second half of the II century BC in the assessment of Russian historiography. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 11–25. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-11-25

Военная политика империй, прежде всего Римской, всегда оставалась в фокусе внимания исследователей, исходя из классической формулировки К. Клаузевица: «война есть продолжение (орудие) политики» [12, с. 16]. Несмотря на международно-правовую неприменимость этого положения со второй половины XX в. (Преамбула и ст. 1 Устава ООН), война и сегодня продолжает выполнять упомянутую функцию. В этой связи сохраняет актуальность изучение исследовательских подходов к военной политике Рима, ее компонентов, как в рамках классической «триады» К. Клаузевица, концепций «пан-идей» «большого пространства» (которое завоевывал Рим) К. Хаусхофера [32, с. 27–29], так и с более современных позиций.

Все классики геополитики и военные теоретики, так или иначе, но строили свои теории, опираясь на военно-геополитическую историю Древнего Рима. Неслучайно поэтому Югуртинская война признается современными авторами «рубежным событием» [6, с. 4] римской истории.

Исследователей продолжает интересовать мотивация, методы и общая проблематика расширения государств за пределы своих «естественных» границ, отражение реальных и готовность к потенциальным угрозам, военное планирование, подготовка и расстановка войск, т.е. факторы, во многом определявшие политику римских императоров.

В этой связи сохраняет актуальность исследование военной политики Древнего Рима в Северной Африке во второй половине II в. до н.э. В отечественной историографии истории Древнего Рима, как и его военной политики, устоялись традиционные хронологические рамки, обусловленные сменой исследовательских парадигм и идеологий: 1) до 1917 г.; 2) советский период (до 1991 г. включительно); 3) постсоветский [11, с. 14], которых мы и будем придерживаться.

Систематизируем круг основных проблем завоевательной политики Древнего Рима в Северной Африке второй половины II в. до н.э., исследуемых в отечественной литературе, выделив в качестве квинтэссенции такой политики Югуртинскую войну.

Во-первых, это общие предпосылки усиления влияния Рима в Северной Африке и в связи с этим политическое и социально-экономическое развитие Рима, состояние армии. Во-вторых, это военная политика Рима в отношении Карфагена, военные действия (Пунические войны), которые привели к его падению и переходу региона под контроль Рима. Базовыми вопросами в историографии здесь стали причины военной экспансии Рима. В-третьих, политическая ситуация в Нумидии после 118 г. до н.э., смерти царя Миципсы, раздела царства, гражданской войны, захвата власти Югуртой и войны с Римом. Основными

исследовательскими вопросами данной темы стало выявление мотивов политики Рима в отношении Югурты, общей стратегии внешней политики на африканском направлении, боеготовности армии и коррупции в военном аппарате. На всех трех этапах в фокусе научного внимания оставалась римская военная стратегия и тактика в военных действиях против нумидийских войск, специфика набора солдат в римскую армию и реформа Гая Мария. Особое внимание уделялось выявлению причин длительных неудач римской армии, их взаимосвязи с факторами внутреннего развития Рима, результативности военной реформы.

На первом историографическом этапе (до 1917 г.) магистральным направлением исследований была оценка военной стратегии и мощи римской армии, ее оснащенности, истоков военных побед Рима в Африке. В этот период отчетливо проявилась определенная ограниченность исследовательской методологии. Авторы, писавшие по теме, видели причины побед Рима и его экспансии в Африке в большей степени в субъективных факторах, таких как качества полководцев, моральный дух и храбрость легионеров, уровень их подготовки и т.п. При этом практически полностью игнорировался социально-экономический аспект. В этом смысле экономика и социально-политические институции Рима в русской историографии слабо связывались с боеспособностью армии и мотивацией территориальной экспансии.

Этот подход был характерен не только для анализа Древнего Рима, он в целом доминировал в тот период в военной истории. Присущ он и фундаментальному обобщающему труду Н.С. Голицына, который подробно останавливается на особенностях военной стратегии и тактики сторон карфагено-римских войн, уделяя пристальное внимание расстановке войск, полководческим талантам при захвате Римом Северной Африки, в то же время фактически игнорируя при этом социально-экономический контекст [8].

Одной из попыток его введения в научный анализ стала работа военного историка Н.П. Михневича, в которой автор, хотя и факультативно, но все же предпринимает попытку связать военные успехи и неудачи Рима в борьбе с Карфагеном с политическим и экономическим факторами развития римского общества. Так, Михневич указывает на то, что особенности политического режима Рима и уровень его экономического развития оказывали непосредственное влияние на ход Пунических войн [19, с. 100]. В то же время методы и оценка такого влияния в работе отсутствуют и фактически замещены некоторой идеализацией военнополководческого искусства, характерной для всей военно-исторической науки того времени, долгое время испытывавшей на себе влияние «полководческих» подходов в анализе более поздних европейских войн.

Марксистский анализ военной политики Рима строился на базе классового подхода и, как это было характерно для начала XX в., теории империализма. Так, выступая 6 (19) октября 1917 г. по вопросу новой партийной программы, В.И. Ленин признал войну Рима и Карфагена «с обеих сторон империалистской», полагая таковой, вне времени, когда бы она не происходила, «всякую войну, в которой обе воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, “кому больше угнетать или грабить”» [16, с. 362]. Применительно к войне Рима и Карфагена ленинская позиция не была оригинальна, а в определенной мере представляла собой попытку развития идей Р.Ю. Виппера, который в конце 1900-х гг. однозначно характеризовал захватническую политику Рима в Африке как империализм, в том числе и в социально-экономическом аспекте¹. Элементы марксистской классовой и политэкономической теории, использованные ученым, позволили сделать вывод о том, что военные действия Рима в рассматриваемом регионе, с одной стороны, привели к значительному расширению рабства, а с другой – содействовали зарождению капиталистических отношений в античном мире. Столь противоречивое суждение никак не могло обосновывать римский империализм на основе лишь одного признака территориальных захватов.

В целом, на первом этапе отечественная историография заложила солидный фундамент для дальнейшего изучения рассматриваемой темы. Тогда был выявлен, переведен и вовлечен в научный оборот огромный массив античных источников, собрана и систематизирована фактология римской экспансии в Северную Африку, даны обстоятельные характеристики политикам и полководцам, оценена боеспособность армий противоборствующих сторон. В рамках относительной академической свободы русские историки могли без ограничений оперировать данными зарубежных коллег. Некоторая ограниченность в методологии, игнорирование социально-экономического контекста, неразвитость геополитического анализа несколько сузили возможности исследователей.

¹ На рубеже XIX–XX вв., после выхода монографии Дж. Гобсона «Империализм», это понятие оказалось в центре научной дискуссии, которая распространилась не только на текущие экономические, как это показано у Р. Гильфердинга и В.И. Ленина [7; 17] и международные отношения, но и далеко вглубь истории, особенно касаясь истории империй. И, хотя в рамках политэкономического мэйнстрима определение империализма совершенно не подходило для экономики Римской империи, за исключением лишь «территориального раздела мира», именно этот единственный фрагмент часто и не вполне корректно использовали как признак некоего раннего или «античного империализма», из-за чего вся эта концепция выглядела натянуто. Не преодолела указанного противоречия и концепция ультраимпериализма К. Каутского, выдвинутая в 1914 г. Сегодня концепция античного (римского) «империализма» развита в работах В.О. Никишина [21].

На втором, советском, историографическом этапе североафриканская военная политика Рима подвергалась интенсивному исследованию, включая и анализ непосредственно Югуртинской войны. Важно, что военными действиям Рима против Карфагена, результатом которых стало уничтожение последнего и формирование римской провинции Африка, Югуртинской войной, занимались ученые разных направлений и школ. Приступая к их анализу, следует помнить об идеологических и методологических ограничениях, в силу которых, как полагала Г.Д. Алексеева, историческая наука почти не развивалась, а вместе с обществом «была превращена в закрытую, замкнутую систему, постепенно теряющую свои потенциальные возможности для развития, для обновления и реформирования» [1, с. 11]. Советская историография, как подчеркивал в свое время Ю.Н. Афанасьев, вообще не могла считаться собственно историографическим явлением, а лишь специфическим «научно-политическим феноменом, гармонично вписанным в систему тоталитарного государства и приспособленным к обслуживанию его идейно-политических потребностей» [3, с. 37]. К анализу проблем античности это относится в меньшей степени, ввиду существенно меньшей политизации и идеологизации предмета исследования.

Марксистская методология способствовала ощутимому смещению акцентов с подробного описания военных действий и полководческих талантов, что можно было наблюдать в работах авторов предшествующего периода, на обобщения, анализ совокупности причин, факторов хода и результатов военных кампаний, обусловленность их результатов не только военными факторами, но и политическими. На них при исследовании Югуртинской войны обратила внимание А.В. Игнатенко, акцентируя внимание на военной реформе Гая Мария [9, с. 65]. В то же время ощущалось доминирование классового подхода, с позиций которого рассматривалась и история античности. Примером тому может служить диссертация [23] и последующие работы Б.П. Селецкого, сегментирующие диссертацию по регионам [24; 25].

В своем фундаментальном труде С.И. Ковалёв [14] подробно анализировал особенности римской военной системы в период войны с Нумидией. Здесь же дан обстоятельный анализ Югуртинской войны, а боевые действия показаны как один из наиболее значимых индикаторов упадка государственной и военной систем Рима. Так, неудачи римской армии во время войны с Югуртой автор обосновывает кризисом государственного управления и устройства Рима, общим упадком политической системы под властью узкой группы нобилитета, коррупцией, в том числе и в армии.

Развивая тему кризиса римской государственности, Ковалёв акцентирует внимание на деградации армии, критикуя ее состояние. Ссылаясь на Саллюстия, автор выделял широкий круг проблем: упадок морального духа солдат, грабежи и падение дисциплины. Критический подход к античному источнику позволяет автору, констатируя взяточничество и низкую боеспособность римских войск, стремиться к объективности в оценке их действий в сражениях. В то же время Ковалёв мог быть и предельно критичен: «Дисциплина страшно упала: воины массами дезертировали, перебежали к неприятелю, занимались грабежами. Командный состав был еще хуже. Офицеры брали взятки с неприятеля и проводили время в кутежах»² [14, с. 66]. Исследователь стремился беспристрастно оценивать события, стремился определить причины существенного ослабления римской армии. В результате он пришел к выводу о необходимости замены гражданского ополчения на регулярную армию, а также негативном влиянии на армию существовавшего имущественного ценза.

Первым из отечественных историков Ковалёв подробно анализировал Югуртинскую войну, раскрыл ее значение для Рима. Именно военные действия в Нумидии, как он полагал, вскрыли несовершенство римской военной системы и системы управления, ознаменовав подъем демократического движения.

Обстоятельно анализировал развитие отношений между Римом и Карфагеном, включая и войны между ними, К.А. Ревяко. В одной из первых в отечественной историографии монографий по истории Пунических войн автор, наряду с чисто военными аспектами, уделяет пристальное внимание социально-политическому контексту, факторам, оказывающим влияние на состояние армии каждого из государств [22].

В числе причин присоединения к Риму территорий в Северной Африке Ревяко видит недалновидную и негибкую политику Карфагена, основной целью правящих кругов которого было исключительно извлечение выгоды. В отличие от них, Рим, форсируя территориальную экспансию, имел более проработанную и дальновидную стратегию внешней политики. Примечательно, что Ревяко отрицает решающую или исключительную роль отдельных исторических личностей в завоевании Римом территорий на Севере Африки, указывая на значимость социально-политических факторов и относительной (пусть и снижающейся) эффективности государственного строя и его базовых институтов.

² Эта позиция уточнена, если не сказать опровергнута, в современных исследованиях, в соответствии с которыми в начале войны римские полководцы проявляли осторожность ввиду вполне объективных трудностей, а не по причине коррупции [34].

Прослеживая становление римской провинции на территории бывшего Карфагена, автор отмечает заинтересованность римской правящей элиты в этих землях. Он детально анализирует административное устройство провинции Африка, критически опираясь при этом на труды античных авторов, выявляя неочевидные ошибки и проблемные аспекты и отмечая существующие в них неточности [22, с. 10].

В этом плане следует обратить внимание на работу С.Л. Утченко. Рассматривая военные действия против Нумидии, исследователь уделяет особенное внимание военной реформе Гая Мария, которая, по его мнению, коренным образом изменила римскую армию и стала одним из решающих факторов победы Рима над Югуртой [27, с. 123–125].

Первым в отечественной историографии Утченко отмечает, что реформирование армии Рима повлияло не только на боеспособность и дисциплину рядовых солдат, но и в значительной степени подняло авторитет командного состава. В то же время авторитетные полководцы могли использовать находившиеся в распоряжении легионы для усиления политического влияния в стремлении к власти. В этом смысле военная реформа, как обоснованно полагает Утченко, положила начало не только усилению армии, но и переходу политической системы Рима к военной диктатуре. В то же время укрепление авторитета армии, как отмечает ученый, не очистило ее от коррупции. Он ссылается на широкий общественный резонанс, вызванный фактами подкупа Югуртой римского военного командования, а также на материалы и итоги судебных процессов над коррупционерами, связанными с Югуртой [27]. Общий вывод Утченко состоит в том, что военная реформа сыграла решающую роль в победе Рима в Югуртинской войне, хотя неоднократные неудачи в этой кампании имеют источником падение боеспособности римской армии, причины которой лежат в социальных, экономических и политических факторах развития Римского государства.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. на фоне разработки концепции правового государства усилился интерес к историко-правовым исследованиям, в которых выявлялись предпосылки и причины трансформации политической системы Древнего Рима от военной демократии к военной диктатуре [10].

Также следует отметить, что для советской историографии периода «перестройки» был характерен акцент на биографические исследования выдающихся римских политиков и военачальников, которые одерживали победы, укрепляли и расширяли государство. В числе таких исследований отметим работу Н.Н. Трухиной [26].

Третий, современный этап развития историографии характерен деидеологизацией, плюрализмом методологий и мнений, а также широким

использованием достижений зарубежной науки. В этом плане современная российская историография Рима, вероятно, должна если не строиться на базе, то, по меньшей мере, учитывать геополитические концепции, объясняющие формирование, расширение, кризис и закат империй [20], принимая во внимание широко распространенные представления о ЕС как о новой «империи» [21; 30].

В исследованиях по истории Рима целесообразно рассматривать империю с позиции современной геополитики как масштабное по территории, экспансионистское по цели, самодостаточное, но всегда временное политическое образование. В ряду континентальных (теллурократия) и морских (талассократия) империй, Рим представляет собой некий смешанный тип. Экономика империй всегда в ситуации напряжения и неопределенности, т.к. развивается экстенсивно, вслед за распространением суверенитета над новыми территориями [5, с. 342]. Империи всегда не хватает ресурсов, чтобы поддерживать экспансию и сложную систему управления. В определенной для каждой империи момент наступает перенапряжение, сигнализируя о пределе экспансии, империя слабеет и разрушается.

В рамках своей политической парадигмы империя как государство ориентирована на доминирование, как над провинциями, так и над не входящими в ее орбиту (юрисдикцию) государствами или территориями, что усложняет внешнюю политику [27, с. 124].

Свойство любой империи, в том числе и Римской, – способность на пике могущества быть центром силы. Переход государства в имперскую стадию трансформирует его в политику доминирования, концентрации политических и военных ресурсов в имперском центре, политическая власть в котором, как это бывало в Риме, может быть неустойчива. Для империи критически важны адекватное геополитическое позиционирование, основанное на долгосрочном стратегическом планировании [2, с. 126].

Анализ современной отечественной литературы по теме демонстрирует лишь фрагментарное использование геополитических концепций, что не формирует междисциплинарных подходов и предопределяет определенную узость анализа, его актуализации.

В то же время современная историография насыщена исследованиями по Югуртинской войне, особенностям провинциального устройства Древнего Рима. Так, К.В. Рыжов подробно рассматривает военные действия Рима против Югурты. Развивая взгляды Утченко, он акцентирует внимание на роли военной реформы Гая Мария в победе над Нумидийским царем, подчеркивая, что именно изменения в комплектовании римской армии, произведенные консулом, позволили существенно

улучшить военную дисциплину и боеспособность римских войск. Рыжов подробно рассматривает этапы реформы: увеличение срока службы, введение государственного обеспечения солдат оружием и амуницией и отмену имущественного ценза³.

Кроме того, опираясь на Саллюстия, К.В. Рыжов, как и предыдущие исследователи, выделяет коррупцию римской государственной и военной элиты, что и позволяло Югурте в течение продолжительного времени избегать атак римской армии или уменьшать последствия своих действий. При этом К.В. Рыжов, соглашаясь с античным автором, отмечает военные способности полководцев Югурты, которые, однако, не могли длительно противостоять Риму. В отличие от Ковалёва, цитируемый автор не характеризует Югуртинскую войну как неизбежный результат деградации римского государственного аппарата, но поясняет причины коррупции военной элиты в продажности отдельных лиц⁴.

Важным аспектом исследований остается динамика социально-классового состава армии Рима периода поздней Республики. По оценке И.В. Меркулова, именно «военнообязанные пролетарии», «в критические моменты» призываемые на службу, составили в результате реформы Гая Мария «пролетарскую армию» [18, с. 69].

А.П. Беликов рассматривает особенности регионального управления и провинциального устройства Рима, аргументировано связывая их с внутренними политическими процессами перераспределения верховной власти и общим кризисом римской системы управления в целом. В отношениях Рима с его провинциями, автор отмечает, прежде всего, эксплуатацию покоренных народов, многочисленность налогов, податной гнет, рисуя, таким образом, картину колониального по своей сути устройства. В числе главных причин перехода Рима к провинциальному устройству Беликов называет стремление к дальнейшей экспансии [4], чем фактически солидаризируется с исследованиями советского периода.

Отдельным направлением современной историографии следует назвать анализ античных источников. Так, анализируя «Югуртинскую войну» Саллюстия, А.В. Короленков выделяет ресурсно-экономический аспект, акцентируя внимание на описании автором природно-климатических условий Северо-Западной Африки, плодородии земли – тогда основного средства производства, перспектив животноводства [15, с. 154]. Короленкову удалось выявить подходы Саллюстия к анализу экономического поведения римлян, развращенных победа-

³ Рыжов К.В. Югуртинская война. Нашествие кимвров. URL: <http://www.proza.ru/2015/05/15/200> (дата обращения: 11.03.2023).

⁴ Там же.

ми и провинциями. Автор указывает на стяжательство «доблестных потомков Ромула», на то, что для Саллюстия *avaritia* был интересен как не столько моральный порок, а как квазиэкономический мотиватор, не производства, а грабежа, который деформировал систему ценностей *respublica* [15, с. 155].

Анализируя «Югуртинскую войну» Саллюстия, Н.М. Кацман, традиционно причисляя автора к писателям-моралистам, обращает внимание на пессимизм в оценке морально-нравственных качеств современников, на то, что Саллюстий не просто политически пристрастен, а, как утверждает Кацман, «ярко выраженный тенденциозный писатель», пусть и «блестящий стилист», который «описывает волнуемые эпизоды войны, держа читателя в постоянном напряжении, знакомя читателя с непривычными и неудобными для римлян методами ведения войны, которыми пользовался Югурта, а также с интригами и подкупам римских сенаторов и полководцев» [12, с. 227]. Стиль Саллюстия, по оценке автора, краткость, сжатые, часто бессюзные предложения, «буквально переполненными мыслями, за которыми слова как бы не успевают» [Там же]. Такой подход «держит читателя в постоянном напряжении, заставляя его дополнять, «додумывать», улавливать между строк недосказанное» [Там же], чем и занимались многочисленные исследователи Югуртинской войны.

В целом, в рамках третьего историографического этапа существенно раздвинуты рамки методологии. В качестве приоритетных направлений выбран переход Рима к системе провинциального устройства, выявлена специфика римской региональной политики, в том числе в Северной Африке. Анализ военных действий между Римом и Нумидийским правителем Югуртой был дополнен социально-экономическим аспектом.

В современной историографии по-прежнему актуальны военная тактика и военное искусство Древнего Рима и их противников, но рассматриваются они уже в широком геополитическом и социально-экономическом контекстах. В то же время эти аспекты, применительно, например, к Югуртинской войне, нуждаются в комплексном монографическом анализе, принимая во внимание имеющийся в литературе дисбаланс в сторону описания периода, предшествующего военным действиям между Римом и Нумидией. То же относится и к Третьей Пунической войне, которая стала завершением длинной череды войн между Римом и Карфагеном.

Отметим активное и тщательное изучение опыта формирования военной организации и системы комплектования личным составом армий в развитых рабовладельческих государствах Древнего Рима и Карфагена. В исследуемый период были заложены базы организационной структуры вооруженных сил.

Югуртинская война явилась одним из значимых событий II в. до н.э. Данное положение обусловлено не масштабностью военных действий, но наличием кризиса в социально-экономической и политической системе Рима, широким распространением коррупции, значительным снижением боеспособности римской армии, что показали данные военные действия. Кроме того, указанный период в истории Рима ознаменован приобретением государством статуса сильнейшей средиземноморской державы.

Библиографический список / References

1. Алексеева Г.Д. Предисловие // Историческая наука в России в XX веке / Алексеева Г.Д., Сахаров А.Н., Сидорова Л.А. и др. М., 1997. С. 3–12. [Alekseeva G.D. Foreword. *Alekseeva G.D., Saharov A.N., Sidorova L.A. et al. Istoricheskaya nauka v Rossii v XX veke*. Moscow, 1997. Pp. 3–12. (In Rus.)]
2. Асеев А.Д., Шишков В.В. Империя в зеркале геополитики // Управление. 2019. Вып. 7. № 1. С. 121–127. [Aseev A.D., Shishkov V.V. Empire in the mirror of geopolitics. *Upravlenie*. 2019. Vol. 7. No. 1. Pp. 121–127. (In Rus.)]
3. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 146–168. [Afanasiev Yu.N. The phenomenon of Soviet historiography. *Sovetskaya istoriografiya*. Moscow, 1996. Pp. 146–168. (In Rus.)]
4. Беликов А.П. Альтернативы оформления власти Рима: клиента или провинция? // Античное общество IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов: 5–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 66–74. [Belikov A.P. Alternatives for formalizing the power of Rome: Clientele or province? *Antichnoe obshchestvo IV: Vlast i obshchestvo v antichnosti*. St. Petersburg, 2001. Pp. 66–74. (In Rus.)]
5. Брубанк Дж., Купер Ф. Траектория империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 325–361. [Brubank J., Cooper F. The trajectory of empire. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma*. Moscow, 2010. Pp. 325–361. (In Rus.)]
6. Воробьев Р.В. К вопросу о правовых аспектах взаимоотношений Рима с мавритано-нумидийскими царствами в конце III – второй трети I в. до н.э. // Запад–Восток. 2009. № 2. С. 5–10. [Vorobyov R.V. To the question of the legal aspects of relations between Rome and the Mauritanian-Numidian kingdoms at the end of the 3rd – the second third of the 1st centuries BC. *Zapad–Vostok*. 2009. No. 2. Pp. 5–10. (In Rus.)]
7. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма (по изд. 1910 г.). М., 2022. [Hilferding R. *Finansovyj kapital. Novejshaya faza v razvitanii kapitalizma* [Das Finanzkapital. Eine Studie über der jüngsteEntwicklung des Kapitalismus.]. Moscow, 2022.]
8. Голицын А.П. От начала 2-й Пунической войны до начала войн Юлия Цезаря в Галлии (218 г. – 58 г. до Р.Х.) // Всеобщая история военного искусства. М., 1995. Ч. III. С. 417–527. [Golitsyn A.P. From the beginning of the 2nd Punic War to the beginning of the wars of Julius Caesar in Gaul

- (218–58 BC). *Vseobshchaya istoriya voennogo iskusstva*. Moscow, 1995. Part III. Pp. 417–527. (In Rus.)]
9. Игнатенко А.В. Обострение политической борьбы в Риме в годы Югуртинской войны и военная реформа Гая Мария // Ученые записки Хабаровского педагогического института. 1958. Т. 3. С. 94–107. [Ignatenko A.V. The aggravation of the political struggle in Rome during the Yugurtin war and the military reform of Gaia Maria. *Uchenye zapiski Habarovskogo pedagogicheskogo instituta*. 1958. Vol. 3. Pp. 94–107. (In Rus.)]
  10. Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре (историко-правовое исследование). Свердловск, 1988. [Ignatenko A.V. *Drevnij Rim: ot voennoj demokratii k voennoj diktature (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Ancient Rome: From military democracy to military dictatorship (historical and legal research)]. Sverdlovsk, 1988.]
  11. История Древнего Рима: Учебник для вузов по специальности «История» / Кузищин В.И., Маяк И.Л., Гвоздева И.А. и др.; Под ред. В.И. Кузищина. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2000. [Kuzishchin V.I., Mayak I.L., Gvozdev I.A. et al. *Istoriya Drevnego Rima* [History of Ancient Rome]. V.I. Kuzishchin (ed.). Moscow, 2000.]
  12. Кацман Н.Л. Язык и стиль Саллюстия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2008. Вып. XII. С. 224–236. [Katsman N.L. The language and style of Sallust. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2008. Vol. XII. Pp. 224–236. (In Rus.)]
  13. Клаузевиц К. О войне. М., 1934. [Clausewitz K. *O vojne* [About the war]. Moscow, 1934.]
  14. Ковалев С.И. История Рима / Под ред. Э.Д. Фролова. Испр. и доп. СПб., 2003. [Kovalev S.I. *Istoriya Rima* [History of Rome]. E.D. Frolov (ed.). St. Petersburg, 2003.]
  15. Короленков А.В. Заметки об экономическом факторе в сочинениях Саллюстия // Античный мир и археология. 2010. № 14. С. 152–162. [Korolenkov A.V. Notes on the economic factor in the writings of Sallust. *Antichnyj mir i arheologiya*. 2010. No. 14. Pp. 152–162. (In Rus.)]
  16. Ленин В.И. К пересмотру партийной программы (6–8 (19–21) октября 1917 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 34. С. 351–381. [Lenin V.I. Lenin V.I. To revise the party program. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow, 1969. Vol. 34. Pp. 351–381. (In Rus.)]
  17. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 27. С. 299–426. [Lenin V.I. Imperialism as the highest stage of capitalism. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow, 1969. Vol. 27. Pp. 299–426. (In Rus.)]
  18. Меркулов И.В. К вопросу о привлечении бедных граждан на военную службу в республиканском Риме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2. С. 66–72. [Merkulov I.V. On the issue of recruiting poor citizens for military service in Republican Rome. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhhdunarodnye otnosheniya*. 2010. No. 2. Pp. 66–72. (In Rus.)]
  19. Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1896. [Mihnevich N.P. *Istoriya voennogo iskusstva s drevnejshih vremen do nachala devyatnadcatoگو stoletiya* [History

- of military art from ancient times to the beginning of the nineteenth century]. St. Petersburg, 1896.]
20. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Пер. с нем. Л.В. Ланника; Под ред. Т.А. Граблевской. М., 2015. [Münkler H. Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA [Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten]. Transl. from German. Moscow, 2015.]
  21. Никишин В.О. Pax Romana и римский «империализм» в I в. н.э. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2019. Вып. 11. № 1. С. 76–90. [Nikishin V.O. Pax Romana and the Roman “imperialism” in I century AD. *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 76–90. (In Rus.)]
  22. Ревяко К.А. Пунические войны. Минск, 1982. [Revyako K.A. Punicheskie vojny [Punic Wars]. Minsk, 1982.]
  23. Селецкий Б.П. Социально-политическая борьба в Риме в период Югуртинской войны: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951. [Seletsky B.P. Socialno-politicheskaya borba v Rime v period Yugurtinskoj vojny [Socio-political struggle in Rome during the Yugurtin War]. PhD dis. Leningrad, 1951.]
  24. Селецкий Б.П. Социально-политическая борьба в Нумидии накануне Югуртинской войны // Вестник древней истории. 1964. № 2. С. 149–155. [Seletsky B.P. Socio-political struggle in Numidia on the eve of the Yugurtin War. *Vestnik drevney istorii*. 1964. No. 2. Pp. 149–155. (In Rus.)]
  25. Селецкий Б.П. К вопросу о социально-политической борьбе в Риме в период Югуртинской войны // Вестник древней истории. 1970. № 4. С. 36–54. [Seletsky B.P. On the question of the socio-political struggle in Rome during the Yugurtin War. *Vestnik drevney istorii*. 1970. No. 4. Pp. 36–54. (In Rus.)]
  26. Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. [Truhina N.N. Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoj respubliki [Politics and politicians of the “Golden Age” of the Roman Republic]. Moscow, 1986.]
  27. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. [Utchenko S.L. Krizis i padenie Rimskoj respubliki [Crisis and the fall of the Roman Republic]. Moscow, 1965.]
  28. Филиппов А.Ф. Империя живет, пока есть представление об имперской миссии // Политический журнал. 2005. № 24 (75). С. 32–39. [Filippov A.F. Empire lives while there is an idea of the imperial mission. *Politicheskij zhurnal*. 2005. Vol. 24 (75). Pp. 32–39. (In Rus.)]
  29. Шифман И.И. Карфаген. СПб., 2006. [Shifman I.I. Karfagen [Carthage]. St. Petersburg, 2006.]
  30. Шишков В.В. Европейский Союз – от идеи наднационального суверенитета к новой западноевропейской «Империи»: проблемы и перспективы европейской интеграции // Антиномии. 2014. Вып. 14. № 1. С. 93–106. [Shishkov V.V. The European Union – from the idea of supranational sovereignty to a new Western European “Empire”: Problems and prospects of European integration. *Antinomii*. 2014. Vol. 14. No. 1. Pp. 93–106. (In Rus.)]
  31. Herberg-Rothe A. Clauzewitz’s “Wondrous Trinity” as a coordinate system of war and violent conflict. *International Journal of Conflict and Violence*. 2009. Vol. 3. Pp. 204–219.
  32. Haushofer K. Apologie der deutschen «Geopolitik». *Jacobsen H.-A. Karl Haushofer. Leben und Werk*. Boppard am Rhein, 1979. Bd. I. S. 639–652.

33. Parker V.L. Romae omnia venalia esse. Sallust's development of a thesis and the prehistory of the Jugurthine War. *Historia*. 2004. Bd. 53. Ht. 4. S. 408–423.
34. Zielonka J. Europe as empire: The nature of the enlarged European Union. Oxford, 2006.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022, принята к публикации 29.03.2023

The article was received on 21.11.2022, accepted for publication 29.03.2023

Сведения об авторе/ About the author

Шаповалов Александр Александрович – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexander A. Shapovalov – postgraduate student at the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: Saprano007@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-26-38

УДК: 9

Г.В. ТалинаМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Россия на пути к рекрутской повинности и подушному налогообложению

Статья посвящена реформированию прямого налогообложения и комплектования вооруженных сил в России XVII – первой четверти XVIII в. Изменения в военной и финансовой сферах в историографии обычно рассматриваются отдельно. Задачи настоящей статьи состоят в том, чтобы проанализировать обе системы в комплексе и взаимовлиянии; определить основные этапы их эволюции, выявить качественные изменения, свойственные каждому этапу, оценить эффективность нововведений, соотнести российский опыт в данных сферах с основными векторами реформирования в Европе. Решить эти задачи позволяют историко-генетический и сравнительно-исторический методы. Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что политика Петра I в рассматриваемых в статье сферах была преемственна по отношению к политике первых Романовых. Сменяющие друг друга окладные единицы соха, двор, ревизская мужская душа одновременно использовались для комплектования вооруженных сил. Важнейшим стимулом в переходе сначала к подворному, а затем подушному налогообложению стало введение и расширение практики принудительного набора крестьян в армию по государственной норме – рекрутчины.

Ключевые слова: российское подворное налогообложение, российское подушное налогообложение, становление бюджетного планирования в России, рекрутская повинность, реформы первых Романовых и Петра I

© Талина Г.В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Талина Г.В. Россия на пути к рекрутской повинности и подушному налогообложению // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 26 – 38. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-26-38

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-26-38

G.V. Talina

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119495, Russian Federation

Russia on its way to recruiting duty and per capita taxation

The article deals with the direct taxation system reform and bringing up to strength of Armed Forces in Russia in the XVII – first quarter of the XVIII century. Changes in the military and financial sectors in historiographic overview are usually considered separately. The objectives of this article are comprehensive analysis of both systems in their inter-correlation; determination of their main evolution stages, identification of qualitative changes peculiar for each evolution stage, assessment of effectiveness of innovations as well as comparison of the Russian experience in these sectors with the main vectors of reform in Europe. The historical-genetic and comparative-historical methods allow us dealing with these issues. The study led us to the conclusion that the policy of Peter the Great in the sectors considered in the article was successive to the policy of the first Romanovs. The successive units of taxation “sokha”, “yard”, and “revizskaya man’s soul” were simultaneously used for bringing up to strength of Armed Forces. The most important incentive in the transition first to the hearth money and then to poll taxation was the introduction and extension of the commandeering or recruitment practice with recruitment of peasants into the army as per national code.

Key words: Russian household taxation, Russian per capita taxation, the formation of budgetary planning in Russia, the recruitment duty, the reforms of the first Romanovs and Peter the Great

FOR CITATION: Talina G.V. Russia on its way to recruiting duty and per capita taxation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 26–38. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-26-38

Рекрутчина и подушная подать являются одними из самых известных нововведений и своего рода символами правления Петра I. Они зарождались в военное время, когда для победы над самыми грозными противниками Россия нуждалась в боеспособной армии, в которой вопросы финансового обеспечения и быстро восполнявшегося контингента решены в полной мере. Рекрутская повинность просуществовала до 1874 г., подушная подать была окончательно отменена только с 1 января 1887 г. Петр создал систему, функционировавшую многие десятилетия, действовавшую в условиях и войны, и мира.

Реформы в военной и финансовой сферах в историографии обычно рассматриваются отдельно. Между тем важнейший итог петровского правления состоял в том, что ревизская мужская душа стала основой налогообложения и комплектования армии. Появление новой окладной единицы не означало того, что ее предшественницы (соха и двор) не использовались Россией одновременно в системах налогообложения и формирования вооруженных сил. Задачи настоящей статьи состоят в том, чтобы рассмотреть обе системы в комплексе и взаимовлиянии; определить основные этапы их эволюции в XVII – первой четверти XVIII вв., выявить качественные изменения, свойственные каждому этапу, оценить эффективность нововведений, соотнести российский опыт в данных сферах с основными векторами реформирования в Европе. Решить задачи позволяют историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

XVII в. в Европе в целом связан с утверждением таких явлений, как «финансовое хозяйство» (совокупность доходов, расходов, долгов государства) и «бюджет». Из-за роста расходов на содержание армии и бюрократии налоги из чрезвычайного стали постоянным источником дохода. Прямые налоги сочетались с косвенными. В экономически развитой Англии середины XVII в. Т. Гоббс отдавал предпочтение косвенным налогам как самым равномерным и справедливым, но к концу XVII в. Дж. Локк все более склонялся к тому, что лучшим объектом налогообложения выступает земля [14, с. 75–76].

Эффективность прямого налогообложения напрямую зависела от количества налогоплательщиков. Недаром Швеция, освободив при королеве Кристине (1632–1654) феодалов от уплаты налогов с наследственных имений, в 1655 и 1680 гг. при королях Карле X Густаве

и Карле XI была вынуждена провести редукцию, вернув захваченные дворянами земли в казну и уменьшив к началу Северной войны дворянское землевладение вдвое. Задача пополнения казны была прямым следствием реформ комплектования армии. Еще в первой трети XVII в. при Густаве II Адольфе Швеция стала практиковать рекрутскую повинность, доведя численность армии до 70 тыс. человек, и затрачивая на момент 1629 г. на вооруженные силы 90% бюджета. В 1680 г. от рекрутчины отказались в пользу территориально-поселенных войск. Солдат в армию теперь поставляли группы крестьянских дворов – индельты, выделявшие солдату участок земли, дом, обмундирование, дополнительные продукты питания. Вооружение и снаряжение являлись задачей государства. Индельта дополнялась вербовкой, за счет которой формировалась наемная армия на жалованье государства. В конце XVII – начале XVIII в. на содержание армии в мирное время уходило немногим менее 23% бюджета, в военное – 132% (с учетом запасов оружия и боеприпасов – 103%). При этом 37,7% составляли расходы частных лиц, имевших патенты на формирование вербованных частей, 65,3% – расходы государства [2, с. 12–15, 19, 24–25]. Рекрутчина была отвергнута шведами как непосильная в финансовом отношении система.

В Московском царстве государственным налогом облагались все земли. За выполнение повинностей отвечали светские и духовные землевладельцы, мирской сход у черносошных крестьян. Взошедшие на русский престол после Смуты Романовы унаследовали от последних Рюриковичей посошное обложение. (Основной единицей прямого обложения соха стала еще при Иване III.) Трансформироваться в подворное обложение соха начала с 1646 г., окончательно уйдя в прошлое в 1679 г. В рамках «долгого» этапа посошно-подворного обложения в стране зарождался прообраз рекрутской повинности – наборы даточных людей. Основные результаты этапа были достигнуты при царе Алексее Михайловиче. Условно сам этап можно назвать алексеевским.

Соха представляла собой определенное количество пахотной земли крестьян или посадских дворов городских жителей. Крестьянская соха являлась совокупностью 500 четей доброй, 600 четей средней и 700 четей худой земли; в монастырской каждая из трех долей увеличивалась на 100 четей. Помещичья соха в сумме разных по качеству земель превышала 3000 четей [7, с. 185]. Городская промышленная соха составляла 40 дворов лучших торговых людей, 80 – средних, 160 молодых, 320 – слободских, 480 бобыльских дворов [12, с. 66]. С сохи взималось определенное количество ополченцев для русского войска, так называемых посошных людей.

В правление Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, как и ранее, в России не существовало единого государственного органа – адресата налоговых поступлений и единой росписи – ведомости, сводящей показатели разных адресатов. Доходы в виде денег и различных товаров частично расходовались на местах, большинство поступали в органы центрального управления – приказы. Эти учреждения делились на те, что собирали налоги и обеспечивали свою деятельность, и те, что получали средства из приказов с финансовым функционалом. Среди финансовых общегосударственную компетенцию имели приказы Большого прихода, Большой казны, Новая четверть, объединенные в 1680 г. К территориальным относились Земский приказ, Новгородская, Устюжская, Костромская, Галицкая четверти, Казанский Дворец, Сибирский приказ. Своего рода государствами в государстве, населенными огромным количеством крестьян, были владения царской фамилии и Русской православной церкви. За денежные подати с крестьян здесь соответственно отвечали приказы Большого Дворца и Монастырский [8, с. 37].

К концу царствования Михаила Федоровича общий бюджет Московского царства составлял 1 100 000 руб., из которых 20–25% расходовались на местные нужды, примерно 875 000 руб. доставлялись в центр [11, с. 25]. Стремясь к пополнению казны, в алексеевский период Россия действовала в духе общеевропейских тенденций, проводя различные эксперименты с введением косвенных налогов, а также активно эксплуатируя монетную регалию. Однако повышение акциза на соль стало причиной Соляного бунта, а введение медных денег с официальным принудительным курсом – к Медному бунту. В итоге усовершенствование прямого налогообложения становилось задачей преемников Алексея Михайловича.

В правление Алексея Михайловича Россия существенно активизировала политику по возвращению утраченных в Смуту земель, на повестку встал вопрос содержания армии, ведущей активные боевые действия. В начале этого царствования был сделан первый шаг к подворному обложению. В 1646–1648 гг. была проведена перепись населения, затронувшая практически всю страну. Если и были исключения, то они касались разоренных территорий. Например, Курский уезд зимой 1645–1646 гг. подвергся набегам крымских и ногайских татар [4, с. 27]. Переписные книги стали основой как для окончательного установления с 1649 г. крепостного права, так и для подворного обложения некоторыми прямыми и чрезвычайными налогами.

Одновременно с этим в конце 1640-х гг. стали осуществляться наборы даточных людей. Этот способ комплектования в первую очередь был связан с солдатскими полками. Сами же солдаты наряду с рейтарами,

драгунами, гусарами относились к новому (иноземному) строю, зародившемуся в стране еще в период Смуты и распространившемуся в период Смоленской войны 1632–1634 гг. Тогда к наборам даточных не прибегали, используя альтернативный способ комплектования – планомерный набор наемников – выходцев из иностранных государств. Однако самые боеспособные из них были задействованы в войнах с участием своих государств. Иностранные государи, такие как шведский король Густав Адольф, могли официально запрещать найм в своих войсках [5, с. 97–102]. С 1632 г. в солдаты стали брать всех желающих, бывших свободными. Было сформировано шесть полков [6, с. 392–393]. Учитывая, что в период активных военных действий против Речи Посполитой и Швеции 1654–1667 гг. Россия располагала 55 солдатскими полками общей численностью не менее 50–60 тыс. человек, вопрос о комплектовании вооруженных сил только за счет наемников и охочих людей переставал быть актуальным.

Изначально рекрутчину вводили в пограничных гарнизонах, например, в 1649 г. на границе со Швецией. Норма набора составляла 1 солдат с одного крестьянского двора, но могла быть увеличена для многочисленных семей. Одновременно определялся и возраст рекрута – от 20 до 50 лет [21, с. 141–142]. Когда крестьян и бобылей рекрутировали в солдатскую службу, царь указывал впредь не брать с них в государствену казну данные и оброчные деньги. Освобождение от уплаты налогов рассматривали как замену государеву жалованью¹. Поскольку даточных сразу стали брать с двора, зарождавшаяся рекрутчина актуализировала эту единицу обложения налогами и повинностями.

В войну 1654–1667 гг. рекрутчина стала массовым явлением и постоянной повинностью всего тяглого населения. Со 100 дворов вотчинников, помещиков, монастырей в год брали 1 солдата, но были и наборы сверх нормы – дважды в год 1 солдат с 20 дворов [10, с. 158]. Наборы 1658, 1659, 1660 гг. поставили в солдатскую службу 51 тыс. даточных людей [16, с. 180], а в целом за время этой войны рекрутчина пополнила армию примерно на 100 тыс. человек.

Следует отметить, что в период активных военных действий и больших потерь личного состава даточными людьми пополнялись не только солдаты. Рейтарские части доукомплектовывались крестьянами светских и духовных феодалов всей страны по норме 1 человек со 100 дворов. Когда речь шла о представителях Боярской думы, брали крестьян с тех, «кто не в службе и не в посольствах» [цит. по: 10, с. 155].

¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1846. № 65. С. 232.

Нижестоящие светские чины были обязаны поставлять рекрутов, если сами владельцы прекратили службу по старости или болезни. Драгунские части пополнялись даточными «с Украинных городов и с волостей, с торговых людей и с крестьян, которые живут за царем и за монастырями» [цит. по: 10, с. 155].

Следующий этап развития взаимодействующих систем прямого налогообложения и комплектования вооруженных сил можно условно назвать «подворным», федоровским.

Основные новшества пришлись на царствование Федора Алексеевича, которое, как и правление его отца, было отмечено переписью населения. Переписные книги 1678–1679 гг. увеличили количество налогоплательщиков за счет категорий, не владевших землей, но владевших отдельными дворами [20, с. 421]. Указом от 5 сентября 1679 г. стрелецкие деньги, данные, полоняничные, четвертные, ямские, пищальные и мелкие сборы были заменены единым прямым налогом «на его государево жалованье московским стрельцам» – стрелецкими деньгами². Окладной единицей окончательно стал двор, при этом дворовое число служило для определения общего оклада того или иного посада или уезда, дальнейшую раскладку они производили внутри себя. Тем самым сохранялся принцип мирской раскладки повинностей между отдельными плательщиками. Всего планировалось собирать в год немногим более 152 657 руб., что было больше ежегодного стрелецкого жалования и вызвало жалобы налогоплательщиков. По указу 5 сентября 1681 г. оклад понизили. При этом разделили все города с уездами на 10 разрядов с разной ставкой налога от 80 коп. до 2 руб.³ Недоимки могли достигать 25% [Там же, с. 422–423].

В 1680 г. была оформлена роспись государственных доходов и расходов, характеризующая 35 приказов. Доход составил 1 220 367 руб., расход – 1 125 323 руб. По подсчетам П.Н. Милюкова, на прямые налоги приходилось 44% от суммы денежных поступлений (24,6% – обычные, 19,4% – экстраординарные), на косвенные – 53,3%, на пошлины – 2,7%. До 700 тыс. рублей (более 62% от всех расходов) ежегодно уходило на содержание армии [13, с. 74–75].

В отличие от царствования Алексея Михайловича при Федоре Алексеевиче не приветствовалось пополнение даточными людьми конницы. В период военно-окружной реформы действительная полковая служба характеризовалась как служба в регулярных полках. Было определено,

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. IV. СПб., 1836. № 250. С. 345.

³ Там же. С. 349–351.

что конница состоит из «служилых по отечеству» дворян, а вольные и даточные люди из податных сословий, «служилые по прибору» формируют пехоту. Федор одновременно решал и задачу создания одной из самых многочисленных армий в Европе. Только в военном походе 1679 г. было задействовано 129 300 русских воинов. К ним по «Росписи перечневой» 1680 г. добавлялись 50 тыс. казаков гетмана Самойловича. В основном составе армии (без Московского разряда, не перешедшего на чины нового строя) пехота в 1,5 раза превосходила конницу, что было характерной тенденцией всех развитых армий Европы, при этом на постоянной службе находилось 67,5% русских войск [3, с. 203–207, 212].

Развитие начинаний Федора Алексеевича при регентстве Софьи во многом было предопределено тем, что одним из самых активных реформаторов двух этих периодов был В.В. Голицын. Он участвовал в проведении налоговой реформы 1679 г., введившей подворное обложение и стрелецкие деньги, возглавил комиссию для «земских дел» в 1681 г., контролировал сбор налогов до 1689 г. [19, с. 9].

На стыке XVII и XVIII вв. начался финальный, петровский этап становления рекрутчины и подушной подати. Меры, связанные с комплектованием армии, осуществлялись первыми.

До 1705 г. в России рекрутчина сочеталась с набором в службу «охочих» людей. В 1699–1705 гг. Петр предпринял попытки вести войну ограниченным воинским контингентом. Существовал запрет на поступление в службу пашенных крестьян – основной рабочей силы. Набирали дворовых, крепостных ремесленников с «промыслами» менее 30 руб. в год, бобылей, ямщиков. К 1705 г. стала ясна необходимость резкого увеличения армии, сама система организации и проведения рекрутских наборов наконец сложилась. Указ от 20 февраля 1705 г. предписывал брать в солдаты рекрутов со всех городов и уездов, с посадов, дворцовых волостей, конюшенных слобод, с монастырей, церквей и церковных иерархов, с имеретинских царя и царевича, носителей думных чинов, ближних людей, всех помещиков и вотчинников (включая вдов и недорослей), с крестьян, бобылей, деловых. Каждые 20 дворов должны были поставить солдата в возрасте от 15 до 20 лет. Если во владении того или иного лица не насчитывалось 20 и более дворов, он был обязан поставлять рекрутов вскладчину с другими. Дворы, с которых брали рекрутов, определялись по переписным книгам, составленным при Федоре Алексеевиче. Кормом и обмундированием рекрутов должны были обеспечить их бывшие владельцы⁴.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Т. IV. СПб., 1830. № 2036. С. 291–295.

С 1705 по 1711 г. наборами рекрутов занимался Поместный приказ, норма 1 рекрут с 20 тяглых дворов продлилась вплоть до полтавской виктории. За плату человека, обязанного поступить в солдаты, мог заменить другой. С 1711 по 1718 г. набором рекрутов занимались Сенат и губернии. Основной формой стали «номерные» (массовые) наборы, норма стала мягче – 1 рекрут с 33–100 дворов. С 1719 г. управление рекрутскими наборами в центре перешло к Военной коллегии, на местах – в провинции. С 1724 г. рекрутов стали набирать не с числа тяглых дворов, а числа мужских душ [18, с. 21–27]. В самый сложный период Северной войны с 1705 по 1713 г. за счет рекрутских наборов армия получила 337 196 человек [17, с. 59]. Рекрутская повинность на долгие годы стала основой комплектования российской армии и флота.

К 1710 г. относятся первые попытки централизованного бюджетного планирования в России. В период Северной войны расходы на армию равнялись 81,6% бюджета. Доход составлял 3 133 879 руб., расход – 3 567 401 руб., дефицит – 433 522 руб. Петр отказался от высылки в центр и распределения между приказами чистого дохода губерний (разницы между общими доходом и расходом). Рассчитывалась сумма, необходимая для центральных учреждений, она вычиталась из общего дохода губернии, остаток шел на покрытие местных нужд [9].

На последних этапах Северной войны Россия вновь обратилась к идее реорганизации и централизации управленческой системы. Установление налогов являлось прерогативой императора и Сената. К блоку финансовых коллегий относились Камер-коллегия, Штатс-контор-коллегия, Ревизион-коллегия. Первая отвечала за сбор прямых и косвенных налогов – государственных доходов, вторая – за расходы, третья осуществляла финансовый контроль. Финансовые функции сохранял и ряд других центральных ведомств. Например, сбор податей с населения Украины относился к функционалу Малороссийской коллегии.

С 1718 г. стала вызревать идея установления единой подушной подати. Основные мероприятия по реформе проводились в 1722–1724 гг. Утайка душ приводила к тому, что вслед за очередной переписью следовала ревизия. В итоге пере проверок к 1724 г. число податных мужских душ равнялось 5,5 млн человек. До этого в январе 1722 г. был произведен приблизительный расчет величины подушного налога. При этом исходили из того, что военный расход государства (кроме флота) – 4 млн руб., количество податного населения – 5 млн человек. Размер предполагаемого налога 80 коп. при окончательном подсчете населения был снижен до 74 коп. Большинство исследователей считают, что переход к подушной подати дал ощутимый эффект. По подсчетам П.Н. Милюкова, все старые оклады прямых податей составляли

1,8 млн руб., новый оклад – 4,6 млн руб., общий доход по окладу поднялся с 6 до 8,5 млн руб. [13, с. 540]. С учетом падения ценности рубля за период с 1680 по 1724 г. по данным разных исследователей бюджет России вырос в 3,1–3,7 раза [1, с. 278; 15, с. 79].

Подводя итоги, отметим важнейшие характеристики выделенных нами этапов становления рекрутской повинности и подушной подати в России.

При первых двух Романовых восстановилось после Смуты и развивалось обложение государственным налогом как собственно государственных, так и частновладельческих земель. Эта особенность делала Россию вполне конкурентоспособной участницей войн с сильнейшими противниками. К концу царствования Алексея Михайловича пососное обложение перестало быть эффективным, но уже возникло и решение проблемы (подворное обложение). Переходу к новой окладной единице способствовала зародившаяся в конце 1640-х гг. практика набора даточных людей с определенного количества дворов. Рекрутчина дополняла, но не отменяла комплектование вооруженных сил служилыми по отечеству и прибору, показала способ быстрого и весьма существенного увеличения численности армии. В налоговой сфере развитие подворного обложения замедлялось из-за реализации общеевропейской тенденции поиска и внедрения альтернатив прямого обложения. Социальные протесты в ответ на нововведения доказывали надежность прямых налогов. Существенной проблемой являлось отсутствие единого центра налоговых поступлений и рассредоточение средств между многочисленными финансовыми приказами.

В последней четверти XVII в., в первую очередь в царствование Федора Алексеевича, подворное обложение окончательно было внедрено в практику и позволило изыскать неучтенных налогоплательщиков, не владевших землями, но владевших отдельными дворами. Как в Европе, так и в России требовалось реформировать и усилить прямое налогообложение, не умаляя при этом значимость косвенных налогов в формировании бюджета. Отчетливо проявилась тенденция объединения множества прямых налогов со двора в один, дифференцируемый в соответствии с социально-экономическим положением категорий податного населения, – стрелецкие деньги. Бюджет страны возрос. Даточные люди перестали рассматриваться как экстраординарное новшество. Они должны были занять строго определенное положение в модифицированной армии, все более становившейся регулярной.

Важнейшим итогом царствования Петра I стала унификация систем комплектования армии и прямого налогообложения – становление

важнейших устойчивых признаков (атрибутов) абсолютистского государства. Делая рекрутскую повинность основным способом комплектования регулярных частей, Петр развивал «русский» сценарий, опробованный отцом и братом, опирался на переписные книги царствования Федора Алексеевича. Рекрутчина, которую не потянули «учителя» Петра шведы, поставила в условиях Северной войны в армию Петра 337 тыс. человек, стала залогом победы ученика над учителем. Если во времена Суворова можно было говорить о том, что воевать нужно не числом, а умением, во времена Петра численность армии, на полноценное обучение которой просто не хватало времени, имела огромное значение. Весьма многочисленная и весьма затратная армия требовала кардинальных изменений в налогообложении. Рекрутчина фактически стала тем маховиком, который раскрутил становление централизованного бюджетного планирования и подушного налогообложения. Решение столь глобальных задач было подкреплено постоянным усовершенствованием системы центрального управления, что придавало целостный характер реформам Петра I.

Библиографический список / References

1. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. [Anisimov E.V. Podatnaya reforma Petra I. Vvedeniye podushnoy podati v Rossii 1719–1728 gg. [Tax reform of Peter I. Introduction of the poll tax in Russia 1719–1728]. Leningrad, 1982.]
2. Беспалов А.В. Функционирование системы тылового обеспечения шведской армии в царствование Карла XI и Карла XII (1660–1718 гг.) // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2021. № 54-3. С. 12–25. [Bespalov A.V. The functioning of the logistic support system of the Swedish army in the reign of Charles XI and Charles XII (1660–1718). *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2021. No. 54-3. Pp. 12–25. (In Rus.)]
3. Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018. [Bogdanov A.P. Tsar-reformer Fedor Alekseyevich: starshiy brat Petra I [Tsar-reformer Fyodor Alekseyevich: Elder brother of Peter I]. Moscow, 2018.]
4. Борщик Н.Д. О некоторых проблемах изучения курских переписных книг XVII века // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. 2006. № 2. С. 24–30. [Borshchik N.D. Some issues of the 17th century Kursk census books study. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2006. No. 2. Pp. 24–30. (In Rus.)]
5. Вайнштейн О.Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. // *Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века*. М., 1947. С. 97–102. [Vaynshteyn O.L. Russia and the Thirty

- Years' War of 1618–1648. *Ocherki iz istorii vneshney politiki Moskovskogo gosudarstva v pervoy polovine XVII veka*. Moscow, 1947. Pp. 97–102. (In Rus.)]
6. Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. [Volkov V.A. *Voyny i voyska Moskovskogo gosudarstva* [Wars and troops of the Moscow State]. Moscow, 2004.]
  7. Донин А.Н., Николаев Н.Н. Формирование налоговой политики в Российском государстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 5 (59). С. 183–186. [Donin A.N. Nikolayev N.N. Development of tax policy in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*. 2015. No. 5 (59). Pp. 183–186. (In Rus.)]
  8. Истомина Н.А. О финансовой деятельности приказов России // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. № 2 (34) С. 36–40. [Istomina N.A. On the financial activities of the kingdom's prikazes of Russia. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2011. No. 2 (34). Pp. 36–40. (In Rus.)]
  9. Истомина Н.А. Опыт централизованного бюджетного планирования при Петре I – составление бюджета 1710 г. // Финансы и кредит. 2012. № 30 (510). С. 78–82. [Istomina N.A. The experience of centralized budget planning under Peter I – budgeting in 1710. *Finansy i kredit*. 2012. No. 30 (510). Pp. 78–82. (In Rus.)]
  10. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. [Kotoshihin G.K. *O Rossii v carstvovanie Alekseye Mihajlovicha* [About Russia in the reign of Alexis]. Moscow, 2000.]
  11. Лисейцев Д.В. Государственный бюджет Московского царства рубежа 1630–1640-х гг.: Опыт реконструкции // Российская история. 2015. № 5. С. 3–26. [Liseytshev D.V. Moscow Tsardom's state budget, the late 1630s to the early 1640s: A reconstruction. *Rossiyskaya istoriy*. 2015. No. 5. Pp. 3–26. (In Rus.)]
  12. Марискин О.И. Восстановление налоговой системы России после Смуты // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. № 4. С. 60–68. [Mariskin O.I. Restoring the tax system in Russia after the troubles. *Gumanitariy: aktualnye problemy nauki i obrazovaniya*. 2010. No. 4. Pp. 60–68. (In Rus.)]
  13. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. [Milyukov P.N. *Gosudarstvennoye khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The state economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great]. St. Petersburg, 1905.]
  14. Муравьева Л.А. Состояние финансово-экономической мысли в XVII веке // Финансы и кредит. 2007. № 8 (248). С. 75–83. [Muravyeva L.A. The state of financial and economic thought in the XVII century. *Finansy i kredit*. 2007. No. 8 (248). Pp. 75–83. (In Rus.)]
  15. Муравьева Л.А. Финансовая политика Петра Великого // Финансы и кредит. 2007. № 9 (249). С. 72–80. [Muravyeva L.A. Financial policy of Peter the Great. *Finansy i kredit*. 2007. No. 9 (249). Pp. 72–80. (In Rus.)]
  16. Пенской В.В. Вооруженные силы России допетровской эпохи: традиции и новации. М., 2002. [Penskoy V.V. *Vooruzhennyye sily Rossii dopetrovskoy*

- epokhi: traditsii i novatsii [The Armed Forces of Russia of the Pre-Petrine era: Traditions and innovations]. Moscow, 2002.]
17. Столетие Военного министерства: 1802–1902. Главный штаб. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. Ч. I. Кн. I. Отд. I. Редактор исторического очерка главного штаба генерал-майор Н.П. Михневич, составил капитан А.К. Ильенко. СПб., 1902. [Stoletiye Voennoho ministerstva: 1802–1902. Glavnyu shtab. Komplektovaniye vooruzhennykh sil v Rossii do 1802 g. [Centenary of the War Ministry: 1802–1902. The main headquarters. Recruitment of the armed forces in Russia before 1802]. Part I. Book I. Division I. N.P. Mikhnevich (ed.). St. Petersburg, 1902.]
  18. Тихонов В.А. Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. [Tikhonov V.A. Rekrutskaya sistema komplektovaniya russkoy armii pri Petre I [Recruitment system of the Russian army under Peter I]. PhD theses. Moscow, 2013.]
  19. Ткаченко А.В. Князь Василий Васильевич Голицын – государственный деятель России последней трети XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. [Tkachenko A.V. Knyaz Vasilii Vasilyevich Golitsyn – gosudarstvennyy deyatel Rossii posledney treti XVII veka [Prince Vasily Vasilyevich Golitsyn is a statesman of Russia in the last third of the XVII century]. PhD theses. Moscow, 2002.]
  20. Устюгов Н.В. Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 411–439. [Ustyugov N.V. Finance. *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XVII v.* Moscow, 1955. Pp. 411–439. (In Rus.)]
  21. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. [Chernov A.V. Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv. [Chernov A.V. The armed forces of the Russian state in the XV–XVII centuries]. Moscow, 1954.]

Статья поступила в редакцию 21.02.2023, принята к публикации 24.03.2023
The article was received on 21.02.2023, accepted for publication 24.03.2023

Об авторе / About the author

Талина Галина Валерьевна – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Galina V. Talina – Dr. Hab. (History); Head at the Department of History of the Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University

E-mail: gtalina@yandex.ru

М.К. Чиняков

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Первые командиры Особых пехотных полков российской армии (1916–1917): опыт групповой социально-демографической и профессиональной характеристики

Впервые в отечественной и зарубежной литературе проводится анализ социально-демографической и профессиональной характеристики командиров Особых пехотных полков (с 1-го по 8-й), отправленных в 1916–1917 гг. в составе первой-четвертой Особых пехотных бригад на французский фронт и на Балканы. Новизна исследования заключается в том, что этот аспект выделен из учета командного состава других воинских частей Русской императорской армии, отправленных в том же направлении, и произведен без учета командного и начальствующего состава 1-й и 2-й Особых пехотных дивизий и разных управлений, созданных во Франции и на Балканах в 1916–1918 гг. Анализ проводится по нескольким критериям: сословное происхождение офицеров, их образование, награды России и союзных держав (как за военные отличия, так и за гражданские заслуги), семейное положение, опыт участия в боевых действиях, возрастной диапазон как таковой и возраст, в котором они получили чин полковника и командира полка. В статье делается вывод о допустимости сравнения командного состава восьми Особых пехотных полков с командным составом других пехотных полков Русской императорской армии, но со значительной долей условности.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская императорская армия, Особый пехотный полк, Особая пехотная бригада, Русский экспедиционный корпус, Россия, Франция, Балканы

© Чиняков М.К., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чиняков М.К. Первые командиры Особых пехотных полков российской армии (1916–1917): опыт групповой социально-демографической и профессиональной характеристики // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 39–49. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-39-49

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-39-49

M.K. Chinyakov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The first commanders of the Special Infantry Regiments of the Russian Army (1916–1917): The experience of group socio-demographic and professional characteristics

For the first time in Russian and foreign literature, the paper analyzes the socio-demographic and professional characteristics of eight commanders of the Special Infantry Regiments (from the 1st to the 8th), sent in 1916–1917 as part of four Special Infantry Brigades (1st to 4th) to the French front and the Balkans without taking into account the command personnel of other military units of the Russian Imperial Army sent in the same direction, and excluding the command and commanding personnel of the 1st and the 2nd Special Infantry Divisions and other military organizations created in France and the Balkans in 1916–1918. The analysis is carried out according to several criteria: the class origin of the officers, their education, awards of Russia and the allied powers (both for military distinctions and for civilian merits), marital status, experience of participation in hostilities, the age range as such and the age at which they are received the rank of colonel and regiment commander. The article concludes that it is admissible to compare the command personnel of eight Special Infantry Regiments with the command personnel of other infantry regiments of the Russian Imperial Army, but with a significant degree of convention.

Key words: World War I, Russian Imperial Army, Special Infantry Regiment, Special Infantry Brigade, Russian Expeditionary Corps, Russia, France, Balkan

FOR CITATION: Chinyakov M.K. The first commanders of the Special Infantry Regiments of the Russian Army (1916–1917): The experience of group socio-demographic and professional characteristics. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 39–49. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-39-49

Изучение русского воинского контингента, отправленного на французский фронт и на Балканы в 1916–1917 гг. и ставшим известным после Первой мировой войны под названием «Русский экспедиционный корпус» (РЭК), как правило, происходило и происходит в рамках участия войск в боевых действиях и антивоенного движения. Другие проблемы истории РЭК, в частности, изучение персоналий, исследователей интересовали в меньшей степени. На сегодняшний день известны только около десятка работ (разного объема и разной научной ценности), посвященных жизненным перипетиям некоторых представителей командного и начальствующего состава частей РЭК [4–6]. Тем более, никакому системному анализу их биографии в отечественной и зарубежной литературе не подвергались.

В настоящей работе объектом изучения является группа первых командиров восьми Особых пехотных полков (с 1-го по 8-й), входивших в состав четырех Особых пехотных бригад (с 1-й по 4-ю), т.е. по два полка в одной бригаде (список фамилий составлен в очередном порядке полков, с 1-го по 8-й): полковник Нечволодов М.Д. (1867–1951), Генерального штаба полковник Дьяконов П.П. (1878–1943), полковник Нарбут В.С. (1872–1929), полковник Сименов Г.И. (1872–1938) (иногда можно встретить ошибочное написание как Симеонов), полковник Тарбеев И.М. (1871–1925), Генерального штаба полковник Александров Л.К. (1876–1933), Генерального штаба полковник Мочульский А.И. (1878–1921), Генерального штаба полковник Грундштрем (Грундстрем) А.Г. (1872–1920).

Из них четверо стали генералами (генерал-майорами), но только один (Нечволодов) по высочайшему приказу (12 октября 1916 г.); двое (Дьяконов и Тарбеев) – по приказу по Армии и Флоту во времена Временного правительства (17 сентября и 11 мая 1917 г., соответственно) и один (Мочульский) – Генерального штаба генерал-майор уже в период существования в России советской власти (4 декабря 1917 г.).

Для изучения биографий были обработаны их послужные списки, в случае отсутствия – краткие записки о службе и аттестации (все три

типа документов датируются периодом между 1908 и 1917 гг.)¹, данные официальных сборников² и выложенные в Сеть биографические данные офицеров Российской императорской армии на трех важнейших сайтах, посвященных истории русской армии и Великой войны³.

Сразу следует отметить, что, во-первых, автор не располагает полной информацией по биографиям всех офицеров, деталям их служебной деятельности, фактов награждений орденами и т.д., особенно по их жизненным коллизиям после 1917 г.; во-вторых, автор намеренно не использовал мемуарные источники ввиду их ангажированности (изданные либо в СССР, либо зарубежом), т.к. это потребовало бы обязательных пояснений и разъяснений разного рода нюансов, приведших бы к увеличению объема данной статьи.

Итог изучения конфессиональной принадлежности офицеров оказался логичным и предсказуемым: учитывая преобладающий состав православных офицеров Российской императорской армии (к 1912 г. – 89% [1, с. 354]), все восемь полковников (100%) были православного вероисповедания.

По вопросу о сословной принадлежности также получены очевидные результаты: из восьми полковников пятеро относились к потомственным дворянам (62,5%), трое – к мещанам (37,5%). Сравнивая данные о сословном происхождении российского офицерского корпуса к 1912 г. (53,6% дворян и 25,7% из податных сословий, включая и мещан [Там же, с. 352]), очевидно, что последних оказалось больше.

Уровень образования офицеров представляет определенный интерес. Первоначальное военное образование в стенах кадетских корпусов

¹ Послужной список Л.К. Александрова // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409 (Послужные списки, наградные листы и аттестации генералов, штаб- и обер-офицеров русской армии). П/сп. 2272 (1908). Л. 1–9; Послужной список А.Г. Грундштрема // Там же. П/сп. 334–820 (1912). Л. 1; Послужной список П.П. Дьяконова // Там же. П/сп. 191–478 (1914). Л. 1–8; Послужной список А.И. Мочульского // Там же. П/сп. 41–528 (1917). Л. 1–10; Послужной список В.С. Нарбута // Там же. Оп. 1. Д. 4733 (1907). Л. 1–7; Послужной список М.Д. Нечволодова // Там же. П/сп. 441–916 (1916). Л. 1–13; Там же. Послужной список Г.И. Сименова // Там же. Оп. 4. Д. 6544 (1916). Л. 1–2; Послужной список И.И. Тарбеева // Там же. П/сп. 329–839 (1914). Л. 1–10.

² Общий список офицерским чинам Русской императорской армии (по 1.01.1910). СПб.: Военная типография, 1910. 1100 с.; Список подполковникам по старшинству. Ч. I–III. Составлен по 15-е мая 1913 г. СПб.: Военная типография, 1913. 2003 с.

³ История Русской императорской армии. URL: <http://www.regiment.ru/index.htm> (дата обращения: 01.12.2021); Русская армия в Первой мировой войне. URL: www.gwar.ru (дата обращения: 01.12.2021); Офицеры русской императорской армии. URL: https://ria1914.info/index.php/%D0%9E%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B5%D1%80%D1%8B_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 01.12.2021).

получили трое (Мочульский, Нечволодов и Тарбеев). Остальные окончили гражданские учебные заведения (училища и гимназии). Напротив, к 1912 г. почти половину штаб-офицерского состава императорской армии составляли окончившие военные училища; гражданские заведения – ничтожный процент [1, с. 356].

В службу четверо (Александров, Дьяконов, Нарбут, Сименов) вступили вольноопределяющимися (поскольку все они первоначально окончили гражданские учебные заведения) в пехотные полки, остальные (трое, окончившие кадетские корпуса, и Грундштрем) – юнкерами военных училищ.

Все восемь будущих офицеров поступили в военные пехотные училища, и только один из них (Грундштрем) – в кавалерийское (Николаевское). Один из семи (Сименов) поступил в военное училище (Одесское пехотное) со второго раза. Двое (Александров и Нарбут) обучались в одном и том же училище (Московском), но в разное время.

Из восьмерых четверо (Александров, Грундштрем, Дьяконов и Мочульский) окончили Николаевскую академию Генерального штаба (с 1900 по 1904 г.), и все четверо с отличием, т.е. по 1-му разряду (хотя Мочульский поступил в академию только со второго раза). Причем некоторые из них могли общаться друг с другом: двое (Дьяконов и Мочульский) обучались в один и тот же период (1902–1905); они могли видеться с Александровым (1901–1904), который должен был знать Грундштрема (1899–1902).

Двоих офицеров постигла неудача: один (Тарбеев) дважды пытался поступить в ту же академию, и дважды неудачно; другой (Нарбут) не смог поступить на Курсы восточных языков.

Как известно, награды являются важным, хотя и не единственным, мерилом профессионализма и качества совершенных героических поступков. К 1914 г. все восемь офицеров были награждены несколькими орденами, кроме Дьяконова, удостоенного единственным орденом (Св. Станислава 3-й ст.).

Особого внимания заслуживают награды Нечволодова. Во-первых, он был единственным среди восьми офицеров (и одним из редчайших из всех командиров и начальников русских войск во Франции и на Балканах), удостоенных к 1914 г. наградами только за военные отличия.

Во-вторых, он был единственным среди восьми офицеров, удостоенным к 1914 г. Золотым оружием с надписью «За храбрость» (с 1913 г. – Георгиевское оружие) в силу Приказа № 700 Главнокомандующего от 1 июня 1905 г. «за ведение разведки и доставление ценных сведений о неприятеле»⁴ (пожалование было высочайше утверждено 9 мая 1906 г.).

⁴ Послужной список М.Д. Нечволодова // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409 (Послужные списки, наградные листы и аттестации генералов, штаб- и обер-офицеров русской армии). П/сп. 441–916 (1916). Л. 4–4 об.

В-третьих, только Нечволодов был единственным среди восьми офицеров, удостоенным к 1914 г. иностранных орденов (в хронологическом порядке: Японии, Бельгии, Франции, Китая и Пруссии, всего пяти стран). Остальные шестеро офицеров были награждены орденами как за военные и «отлично-ревностные» заслуги, либо только за «отлично-ревностные».

Боевым опытом (полученным во время русско-японской войны) накануне 1914 г. из восьми человек обладали пятеро (62,5%), что является весьма высоким показателем. Самым опытным являлся, безусловно, Нечволодов: он воевал не только во время русско-японской войны, но и в Китайском походе (1898–1901).

На начало войны возраст будущих командиров составлял от 36 до 47 лет. В войну четверо вступили в чине полковника (из них двое в чине Генерального штаба полковника), трое (Дьяконов, Мочульский, Нарбут) – в чине Генерального штаба подполковника, и только один (Сименов) – в чине капитана. К 1914 г. в чине полковника и подполковника офицеры служили в среднем несколько лет.

Семейное положение офицеров проследить сложно, ибо офицер мог вступить в первый или повторный брак после составления того или иного документа. На данный момент с большой долей уверенности можно заявить о наличии не менее одной жены только у пятерых будущих командиров полков. В браке у четверых (Грундштрем, Дьяконов, Сименов, Тарбеев) родились по 1–2 ребенка (что не исключает возможность появления на свет других детей или преждевременную смерть уже рожденного). О жене Александрова есть только краткое упоминание, и нет никаких упоминаний о его детях.

Из восьмерых офицеров в Великую войну вступили на строевых должностях четверо (трое – командирами батальонов, один, Сименов, – командиром роты), трое – на штабных должностях и один (Дьяконов) был назначен преподавателем Николаевской академии, но в академию не прибыл, а был отправлен в Лондон помощником военного агента. Именно Дьяконов стал единственным среди восьми офицеров, обладавшим опытом преподавания: приблизительно в 1911–1914 гг. он преподавал тактику в Павловском военном училище.

Информации по наличию у названных офицеров опыта командования батальонами немного. Самым богатым опытом обладал, безусловно, Нечволодов, возглавлявший батальоны с июля 1910 г. до января 1915 г., т.е. до назначения его командиром 175-го пехотного Батуринского (в рядах которого служил командиром роты и батальона будущий Маршал Советского Союза А.И. Егоров). Двое (Тарбеев и Нарбут) командовали батальонами с 1913 г.; один (Грундштрем) отбыл только ценовое

командование (май-сентябрь 1912 г.); другой (Сименов) получил опыт командования батальоном во время войны; трое (Александров, Дьяконов, Мочульский), судя по всему, опыта командования батальоном не имели.

Проследить взгляды будущих командиров полков (если они, конечно, задавались подобным вопросом) на ведение будущей войны (особый интерес, по понятным причинам, представляют взгляды Дьяконова), к сожалению, пока невозможно.

Можно составить условный портрет среднестатистического будущего командира Особого пехотного полка к 1914 г.: потомственный дворянин, православного вероисповедания, женатый, с классическим военным образованием (но с гражданским начальным образованием), прослуживший в чине около двух лет 41-летний полковник или Генерального штаба подполковник, кавалер орденов Российской империи (за боевые и гражданские заслуги), с боевым опытом, обладавший определенными навыками штабной работы, очень скромным опытом командования батальоном и без опыта руководства полком.

Чин полковника будущие командиры Особых пехотных полков получили между 36 и 46 годами, в среднем в 40 лет. Приблизительно в этот же возрастной диапазон восемь офицеров впервые получили должность командира полка.

Минимальный разрыв между производством в чин полковника и назначением на должность командира полка был у Сименова: он получил чин полковника 29 января 1916 г.⁵, и уже спустя полгода (16 июля) был назначен командиром 6-го Особого пехотного полка. Максимальный – у Мочульского (служившего ранее на штабных должностях): он получил чин Генерального штаба полковника 19 декабря 1914 г., а командиром 7-го Особого пехотного полка был назначен спустя три с половиной года (16 июля 1916 г.).

На момент назначения на должность командира Особого пехотного полка на строевой службе находились четверо, из них двое (Нечволодов и Тарбеев) служили в качестве командиров пехотных полков. Остальные четверо по-прежнему, как и до 1914 г., находились на штабной службе.

Разумеется, во время войны будущие командиры Особых полков получали боевые награды России; сведения о боевых наградах отсутствуют только у Александра. Кавалером ордена Св. Георгия 4-й ст. стал Сименов, Георгиевского оружия – Нечволодов, Тарбеев и Нарбут. Анненское оружие (орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость»)

⁵ Все даты в статье указываются по новому стилю.

было вручено Грундштрему, Дьяконову и Сименову. До назначения на пост командира полка почти все получили не менее двух-трех степеней разных орденов России (за боевые заслуги).

Ни одного ордена за боевые заслуги к моменту назначения на должность не получил Мочульский, поскольку его служба протекала в качестве делопроизводителя Главного управления Генерального штаба.

Во время боевой службы во Франции и на Балканах все командиры полков были удостоены иностранных наград (Великобритании, Сербии, Франции и Черногории): кавалерами ордена Почетного легиона (Франция) стали Дьяконов, Нарбут, Нечволодов, Сименов и Мочульский; Военного креста (Франция) – Александров, Дьяконов (дважды), Нарбут, Нечволодов (дважды), Сименов, Тарбеев; Белого Орла (Сербия) – Грундштрем, Мочульский и Тарбеев. Мочульский был удостоен наградой Великобритании – орденом Св. Михаила и Св. Георгия 3-й ст.

Таким образом, можно составить условный портрет среднестатистического командира Особого пехотного полка (на начало 1917 г.): потомственный дворянин, православного вероисповедания, женатый, с классическим военным образованием, прослуживший в чине около двух лет 43-летний полковник или Генерального штаба полковник, кавалер орденов Российской империи (за боевые и гражданские заслуги) и боевых орденов союзных государств, с боевым опытом, обладавший определенными навыками штабной работы и командования батальоном, но с небольшим опытом руководства полком.

Сравнивая приблизительный портрет полковника условных двух групп: первой (к 1 августа 1914 г.) и второй (на начало 1917 г.), можно выявить произошедшие изменения.

Из общих факторов следует отметить одинаковое сословное (преимущественно дворянин) и социальное (женатый) происхождение; вероисповедание (православие); отсутствие опыта преподавательской деятельности; срок службы в чине (около двух лет); владение определенными навыками штабной работы.

Однако ввиду прошедших двух с половиной военных лет произошли логичные, легко прогнозируемые изменения. В частности, снизился возраст, в котором происходило назначение на должность (с 43 до 41 года); они были удостоены наград не только России, но и союзных держав. Если к 1914 г. командиры полков имели классическое военное образование, на начало 1917 г. полки возглавили офицеры с гражданским начальным образованием; опыт командования батальоном на начало 1917 г. имели немногие.

Однако определить самого лучшего командира полка, умевшего выполнить боевую задачу с минимальными потерями и проявлявшему разумную инициативу на поле боя, представляется затруднительным. Не считая позиционных боев, где не требовалось применение на практике особенных знаний и умений, командиры «французских» полков Русской императорской армии могли проявить себя в полной мере только в «наступлении Нивеля» (апрель 1917 г.)⁶, где выявить лучшего на данный момент по ряду причин не представляется возможным.

Напротив, командиры «балканских» полков имели больше возможностей проявить себя, особенно Тарбеев и Александров, прибывшие на Балканы в июле 1916 г. и принявшие участие в двух крупнейших операциях союзников на Балканах: Битольской (Монастирской) операции (август–декабрь 1916 г.) и в Весеннем наступлении (апрель–май 1917 г.)⁷. Особенно большими возможностями обладал Тарбеев, принявший активное участие в боях с августа (Александров – с середины сентября) 1916 г. Именно 3-й полк первым среди других «балканских» и «французских» полков заслужил первую награду на полковое знамя. С другой стороны, 3-й полк получил награду во время крупной операции, которых во второй половине 1916 г. на французском фронте не проводилось. Напротив, во время Весеннего наступления отличился 4-й полк Александрова, а не 3-й полк Тарбеева [3, с. 213–216].

Пост командира Особого пехотного полка полковники в среднем занимали около года. Единственным бессменным командиром полка и дольше всех стал Сименов: с 16 июля 1916 г. до конца 1917 г. – начала 1918 г. Меньше всех полком командовал Нечволодов: с января 1916 г. по февраль 1917 г. Причина столь массового ухода полковников со своих постов в течение 1917 г. заключалась в изменении политической ситуации в России и в ротации командного состава полков во всей русской армии.

Судьбы восьми офицеров после прихода к власти большевиков сложились по-разному. Полная и относительная точная информация есть о немногих. В частности, о Дьяконове, оставшемся в эмиграции, но предложившим 5 марта 1924 г. свои услуги советской разведке.

⁶ Наступление Нивеля (16 апреля – май 1917 г.) – крупнейшая наступательная операция Первой мировой войны по количеству участвовавших. Названа по имени главнокомандующего Северными и Северо-Восточными армиями дивизионного генерала Р. Нивеля. Закончилось поражением войск Антанты.

⁷ Битольская (Монастирская) операция (август – декабрь 1916 г.) и Весеннее наступление (апрель – май 1917 г.) – крупнейшие наступательные операции Союзной Восточной армии на Балканах с целью вывода из войны Болгарии. Закончились частичной победой войск Антанты.

Он являлся ценным и способным агентом Иностранного отдела ОГПУ, особенно по закордонной работе среди эмиграции [2, с. 153].

Активную жизнь в эмиграции вел Нарбут, по инициативе которого был образован «Союз русских офицеров, участников войны на французском фронте», где он стал вице-председателем; другие (Нечволодов, Тарбеев) принимали мало участия в общественной жизни эмиграции и Франции.

Большинство бывших командиров полков в гражданской войне воевали на стороне красных: Александров, Грундштрем и Мочульский (все поступили в РККА добровольно и оказались востребованными на штабной службе); за белых, вероятно, воевал только Сименов (если воевал, то, скорее всего, в составе Корниловского ударного полка).

Жизненный путь между 40 и 49 годами окончили двое, между 50 и 59 годами – трое, между 60 и 69 годами – двое, и только один (Нечволодов) скончался в 84 года. Четверо умерли в Советской России (СССР), один из них (Мочульский) был расстрелян; трое – во Франции и один (Тарбеев) – в Новой Зеландии. Раньше всех скончался Грундштрем (в 1920 г.); он же стал самым молодым командиром полка, скончавшимся в 48 лет (не считая расстрелянного в 43 года Мочульского).

Таким образом, беглый аналитический обзор кратких биографий восьми командиров Особых пехотных полков (периода Первой мировой войны) позволяет сделать предварительные выводы о социально-демографической характеристике и об уровне профессионализма российского штаб-офицерства накануне 1914 г. и во время войны.

В целом, общий образовательный и «служебный» уровень представителей командного состава Особых пехотных полков, в сопоставлении с аналогичными показателями всего российского офицерства, представляется не особенно оригинальным. Думается, не следует экстраполировать представленный анализ восьми командиров Особых пехотных полков на другую любую (логичную) группу командиров полков того же периода.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на некоторые особенности. Во-первых, командиры Особых полков являлись представителями только двух сословий империи. Во-вторых, на должность полковых командиров назначались штабные работники без опыта командования батальонами и, тем более, полками. В-третьих, одна из ярких особенностей командного состава Особых пехотных бригад заключалась в высоком проценте офицеров Генерального штаба (каждый второй из восьми), и не просто Генерального штаба, но и окончивших академию по 1-му разряду, при явной нехватке в императорской армии офицеров Генерального штаба вообще.

Назвать самого талантливого командира полка на данный момент не представляется возможным, хотя явно напрашивается Нечволодов,

обладавший огромным довоенным боевым опытом и первым среди вышеуказанных восьми штаб-офицеров получившим генеральский чин. Однако награды и чины, в т.ч. на войне, не всегда являются важной чертой для определения военных дарований того или иного военного. Для выявления таланта полководца любого уровня следует внимательно изучить его интеллектуальную подготовку, степень эффективной разработки им планов предстоящей операции и их реализацию, умение мыслить и принимать ответственные решения на поле боя в экстраординарной и быстро меняющейся ситуации, умение выполнить поставленную боевую задачу с минимальными потерями.

Библиографический список / References

1. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. [Volkov S.V. Russkij oficerskij korpus [Russian officer corps]. Moscow, 1993.]
2. Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 2. 1917–1933 гг. М., 1997. [Ocherki istorii rossijskoj vneshnej razvedki [Essays on the history of Russian foreign intelligence]. Vol. 2. 1917–1933. Moscow, 1997.]
3. Чиняков М.К. Боевые действия русских войск во Франции и на Балканах (июнь 1916 г. – январь 1918 г.). М., 2018. [Chinyakov M.K. Voevye dejstviya russkikh vojsk vo Francii i na Balkanah (iyun 1916 g. – yanvar 1918 g.) [The fighting of Russian troops in France and the Balkans (June 1916 – January 1918)]. Moscow, 2018.]
4. Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Лохвицкий Николай Александрович (1867–1935) // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 178–181. [Chicheryukin-Meinhardt V.G. Lokhvitsky Nikolay Alexandrovich (1867–1935). *Novyj istoricheskij vestnik*. 2003. No. 1 (9). Pp. 178–181. (In Rus.)]
5. Шумский. Полковник С.П. Киселев // Вестник Союза офицеров-участников войны [Париж]. 1928. № 4. С. 31. [Shumsky. Colonel S.P. Kiselev. *Vestnik Soyuza oficerov-uchastnikov vojny* [Paris]. 1928. No. 4. P. 31. (In Rus.)]
6. Юшко В.В. Генерал Марушевский – из Франции в Россию // Рейтар. 2003. № 2. С. 128–161. [Yushko V.V. General Marushevsky – from France to Russia. *Reitar*. 2003. No. 2. Pp. 128–161. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 04.12.2022, принята к публикации 10.03.2023
The article was received on 04.12.2022, accepted for publication 10.03.2023

Сведения об авторе / About of author

Чиняков Максим Константинович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Chinyakov Maxim K. – PhD (History); associate professor at the Department of History of the Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

E-mail: mk.chinyakov@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-50-68

УДК: 9

В.Ж. Цветков

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000 г. Владимир, Российская Федерация

Особенности формирования и основные приемы пропаганды аграрно-крестьянской политики Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России в 1919 г.

В статье рассматриваются особенности пропаганды аграрно-крестьянской политики Белого движения на Юге России в 1919 г., в период наибольших успехов белых армий. Отражена специфика организации Отдела пропаганды Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанте А.И. Деникине. Рассматривается деятельность Отдела пропаганды в области разъяснения местному крестьянскому населению негативных сторон советской аграрной политики, а также отличительных особенностей проведения текущих и запланированных на будущее земельных мероприятий Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. Дана оценка специфике пропагандистских публикаций, их содержательности и доступности для крестьян. Показаны наиболее типичные пропагандистские приемы, пропагандистская стилистика из серии брошюр, издаваемых на территории белого Юга России. В статье приведены фрагменты из текстов – образцы агитационно-пропагандистской литературы Белого движения для деревни. Отмечены также недостатки проведения пропагандистской

© Цветков В.Ж., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

работы в условиях разлаженности тыла и слабости местных структур деникинского правительства.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, пропаганда, А.И. Деникин, К.Н. Соколов, аграрно-крестьянская политика, Особое Совещание при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Цветков В.Ж. Особенности формирования и основные приемы пропаганды аграрно-крестьянской политики Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России в 1919 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 50–68. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-50-68

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-50-68

V.Z. Tsvetkov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;

Vladimir State University,
Vladimir, 600000, Russian Federation

Features of the formation and basic methods of propaganda of the agrarian and peasant policy of the Special Meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia in 1919

The article examines the features of the propaganda of the agrarian and peasant policy of the White Movement in the South of Russia in 1919, during the period of the greatest successes of the white armies. The necessity of creating special bodies of the state apparatus designed to conduct explanatory work among the Russian peasantry in relation to land and food decisions of the White Movement is shown. The specifics of the organization

of the Propaganda Department of a Special Meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia, Lieutenant General A.I. Denikin, are reflected. The article considers the activities of the Propaganda Department in the field of explaining to the local peasant population the negative aspects of Soviet agrarian policy, as well as the distinctive features of the current and planned land events of the Special Meeting with the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia. The evaluation of the specifics of propaganda publications, their content and accessibility for peasants is given. The most typical propaganda techniques and propaganda stylistics from a series of pamphlets published in the white South of Russia are shown. The article contains fragments from texts – samples of the propaganda literature of the White Movement for the village. The shortcomings of carrying out propaganda work in the conditions of the disorganized rear and the weakness of the local structures of the Denikin government are also noted.

Key words: Civil War, White Movement, propaganda, A.I. Denikin, K.N. Sokolov, agrarian and peasant policy, Special Meeting with the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia

FOR CITATION: Tsvetkov V.Z. Features of the formation and basic methods of propaganda of the agrarian and peasant policy of the Special Meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia in 1919. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 50–68. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-50-68

В отечественной историографии изучение аграрно-крестьянской политики Белого движения началось еще с первых десятилетий после победы советской власти в Гражданской войне. Рассматривались проблемы, связанные с отношением крестьянства к белым правительствам, с продовольственной политикой белых, принимаемые ими решения в регулировании земельных отношений и законопроекты по аграрной реформе, которые предполагалось принять после завершения войны и созыва Всероссийского Национального Собрания. Можно отметить монографии М. Мальт, Я. Шафира и Д. Кина [11; 13; 18]. Аграрно-крестьянская политика белых рассматривалась и позднее, хотя она и не становилась предметом отдельного монографического исследования. Указанные проблемы были отражены на страницах монографий Г.З. Иоффе, А.П. Алексахенко, Е.В. Иллерецкой, Н.Г. Думовой [1; 6; 8; 9].

Новый этап в исследовании аграрно-крестьянской политики Белого движения начинается с конца 1980-х гг. Следует отметить работы С.В. Карпенко, В.П. Федюка и В.Д. Зиминной [7; 10; 16]. В них был

заявлен тезис об альтернативности аграрных преобразований белых в отношении советской власти. Были также успешно защищены первые диссертации, посвященные проблематике аграрно-крестьянской политики белых правительств. Таковыми являлись, в частности, кандидатская диссертация С.В. Расторгуева, защищенная в 1996 г., и кандидатская диссертация В.Ж. Цветкова, также защищенная в 1996 г. [15; 17].

В 2000–2010-е гг. стали изучаться правовые аспекты разрабатываемых белыми правительствами аграрных реформ. Рассматривались вопросы «захвата» частновладельческих земель крестьянами, отношение белых властей к «черному переделу», их намерения в разрешении конфликтов между крестьянством и помещиками, а также внутри самого крестьянского населения, вовлеченного в противостояние Гражданской войны [5; 12].

Достаточно показательными, с точки зрения развития междисциплинарных, межпредметных связей, стали публикации, затрагивающие проблематику социально-психологического настроения крестьянства во время революции и Гражданской войны [2–4]. Продолжает также активно изучаться историография внутренней политики Белого движения, аграрное законодательство [6; 14].

Однако до настоящего времени практически не изученными остаются вопросы формирования и проведения пропаганды аграрно-крестьянской политики белыми правительствами. Тем не менее, данная тематика имеет весьма важное значение. Белой власти было необходимо получить широкую поддержку со стороны местного населения, от чего зависели успех мобилизаций в армию, выполнение военных повинностей и обеспечение городов и армии продовольствием. Поскольку большинство российского населения составляло крестьянство, то, следовательно, формы и методы проведения земельной и продовольственной политики любой властью рассматривались крестьянством через собственные интересы и ожидания. Поддержка крестьянства имела наибольшее значение на Юге России. Именно в этом регионе существовали наиболее серьезные противоречия между крестьянством и помещиками, с одной стороны, и внутри крестьянства – с другой. И, как свидетельствовала история органов пропаганды денikinского правительства, для крестьянства предполагалось проведение специальной разъяснительной работы, опирающейся на «понятные» и «очевидные» вещи повседневной жизни деревни.

Еще в августе 1918 г. свою деятельность начало Осведомительное агентство (Осваг) – структура, трансформировавшаяся позднее в Отдел пропаганды денikinского правительства (Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (ВСЮР)).

Само по себе выделение пропагандистской работы в самостоятельную структуру свидетельствует о возросшем внимании со стороны белого руководства к этой сфере внутренней политики.

С марта 1919 г. руководство пропагандистской работой перешло к профессору К.Н. Соколову. Свою деятельность на этом правительственном посту он подробно отразил в вышедшей вскоре после окончания Гражданской войны на Юге России книге «Правление генерала Деникина». Будучи членом кадетской партии и близким к руководящим структурам организации, Соколов оказал заметное влияние на формирование направленности идеологической работы, в т.ч. и в освещении аграрно-крестьянской политики.

Одним из направлений агитационно-пропагандистской деятельности Освага стало издание многотиражных брошюр. В течение 1919 г. выходили специальные серии изданий: «Народная библиотека», «Библиотека добровольца», «Военная библиотека», «Библиотека рабочего», особенно нужно отметить серию «Библиотека хлебороба». За период с весны 1919 г. до начала 1920 г. Освагом было опубликовано около двухсот наименований агитационных брошюр, а также воззваний в форме листовок, плакатов, лубков и т.п.

В проведении пропаганды использовался стиль максимально удобный, как полагали его авторы, для понимания крестьян. Широко использовался просторечный стиль. Употреблялись, как считалось, типичные для крестьянства слова и словесные обороты: *стало быть, видать, ясное дело, понятное дело, однако же, одежда, коровенка, огород городить, слыхать* и др. Изготавливались плакаты, посвященные «аграрной тематике». В целях большей доступности отражаемых в них идей применялась и стихотворная форма изложения¹.

Первым акцентом аграрно-крестьянской пропаганды становилась критика земельной политики советской власти. Внимание уделялось негативным последствиям введения коммун и комбедов. Использовались приемы типизации образов. Крестьянин, который самостоятельно и успешно ведет свое хозяйство, противопоставлялся крестьянину не просто «бедному», но лишенному интереса к улучшению своего хозяйства. В условиях революции и Гражданской войны «бедняк» готов был принять активное участие в создании коммун, в деятельности комитетов бедноты. Социальный раскол в деревне приводил к тому, что советская власть получала поддержку со стороны бедноты и могла проводить свою политику не только в сфере ликвидации частной собственности на землю, но и в отношении продовольственной политики –

¹ См., например: Народная мысль. Еженедельный журнал. Ростов-н/Д. 1919. № 2. С. 1.

отмены свободы торговли, введения продразверстки, создания продотрядов и комбедов.

Для типизации образов довольно характерной является брошюра из серии «Народная библиотека» – «Большевистские пауки и крестьянские мухи». Уже само по себе название говорит о создании стереотипного примера представителя советской власти, абсолютно неприемлемого, враждебного большинству крестьян. Текст брошюры достаточно крупный, что призвано облегчить чтение. Автор – Леонид Краев, он ссылается на впечатления некоего «беглеца из Совдепии».

Содержательная часть брошюры построена по принципу беседы автора с крестьянином-читателем. Задаются вопросы (в нарочито упрощенной форме: «А почему такие лишения?») и на них даются ответы, показывающие крайне негативное отношение к политике советской власти. Экономический кризис (*дороговизна, перестали работать фабрики и заводы, попортились железные дороги*) – результат «хозяйничанья» большевиков, как об этом пишет автор.

Центральным акцентом становится критика советской власти в ее действиях в отношении Русской православной церкви. Здесь автор детализировал описание, обращал внимание на конкретные примеры «богоборческой» политики большевиков. Завершалась брошюра негативными примерами советской аграрной политики: «сначала повели поход на помещиков, на их усадьбы да на все их хозяйство сельское. Самих помещиков без разбора, были ли они виноваты перед крестьянами, поубивали, перебили, дома, хутора их пожгли, имущество порастаскали да поразграбили. Все хозяйство разорили. Ни себе, ни людям!»².

Заканчивалась брошюра беседой с неким «крестьянином Московской губернии, деревни Талицы». Подобный пропагандистский прием призван был усилить впечатление достоверности излагаемой информации. Примечательно, что беседу с автором возница завершает словами о нетерпимости власти большевиков и о начале антибольшевистского сопротивления: «Поняли мы теперь, неразумные, что за людоеды, что за кровопийцы большевики эти самые, за ум стали браться. Слышал, как в Спасской-то волости народ возмутился, да за оружие взялся? Поперебили комиссаров своих волостных, комитетчиков разных, сход собрали и вынесли миром постановление: “Не желаем-де больше терпеть порядки большевистские, довольно наглумились над нами, желаем жить по-своему, по-правильному, по-христианскому...”»³.

² Народная мысль. Еженедельный журнал. Ростов-н/Д. 1919. № 2. С. 10–11.

³ Там же. С. 16.

Вывод для крестьянина, прочитавшего брошюру о «большевистских пауках», напрашивался, таким образом, очевидный и весьма выгодный для целей и задач Добровольческой армии, поскольку рост антибольшевистского повстанчества, безусловно, способствовал военным успехам ВСЮР.

Если брошюра о «большевистских пауках» представляла собой пример ярко выраженного агитационного характера, то другие издания оказались сложнее по структуре и содержанию. В той же серии «Народная библиотека» увидела свет брошюра «Письма раненого большевика. Письмо пятое. О земле и коммунах». Написанное в форме письма-обращения неизвестным автором (некий раненый красноармеец, рядовой член РКП(б), попавший в плен и пишущий письма из госпиталя ВСЮР), это пропагандистское издание также призвано было показать несостоятельность политики советской власти в деревне.

Стиль изложения в брошюре более сложный, шрифт публикации мельче, чем в предыдущей, меньше используется просторечных выражений. Большой и объем текста, по сравнению с изданием о «большевистских пауках». Первая половина брошюры – изложение рассказа соседа по больничной палате Сысоева о беседе с «комиссаром», который всячески пытался убедить его в правильности курса на массовое создание земельных коммун, с максимальным обобществлением всех ресурсов.

Сысоев сразу же заметил уязвимое место логики «комиссара». Это – наличие «хозяйственного мужика», т.е. крестьянина-единоличника, с его психологией мелкого собственника. «Нам мешает хозяйственный мужик, – отмечал “комиссар”, – у которого есть участок земли, есть свое хозяйство, есть кое-какое имущество... В душе мужик такой же собственник, как и помещик. Любовь к собственности проникает у него до мозга костей...»⁴.

Именно поэтому «комиссар» утверждает, что «проводить в деревне социализм можно только силой»⁵. Показательно и упоминание о белых армиях: «В наших руках и государственная власть, и деньги, и оружие. Крестьяне не сорганизованы, рассеяны. Кабы не Деникин, да не Колчак, мы с хозяйственными мужичками могли бы легко справиться... А Деникин и Колчак им именно эти собственные хозяйства обещают, и на Кавказе, и в Сибири эти свои обещания в жизнь проводят – крестьянам помещичью землю в собственность раздают (что не соответствовало действительности, т.к. передача в собственность была начата

---

⁴ Письма раненого большевика. Письмо пятое. О земле и коммунах. Ростов-н/Д., 1919. С. 6–7.

⁵ Там же. С. 8.

только в 1920 г. в белом Крыму. – В.Ц.). Пронюхали наши красноармейские мужички, что им выгоднее с Деникиным да с Колчаком идти, чем с нами, коммунистами...»⁶.

Брошюра из серии «Письма раненого большевика» акцентировала внимание читателя-крестьянина на том «обмане», который сделала в его отношении советская власть. Обещанные ею свободы и хозяйственный достаток на практике отсутствовали полностью. И неважно, что коммуны на самом деле составляли весьма небольшой процент от всех единоличных хозяйств в Советской России, для деникинской пропаганды их наличие и критика становились важной частью общей идеологической работы на селе.

Еще один показательный пример пропагандистской печати – брошюра «Два дезертира», написанная в форме рассказа П. Аврамовым и Вл. Яковлевым (очевидно, сотрудниками Отдела пропаганды). По содержанию и контексту подачи материала ее можно было бы адресовать не только крестьянам, но и мобилизованным ВСЮР из числа сельских жителей и военнопленным РККА. Стилистика текста достаточно проста и понятна.

Сюжет рассказа незамысловатый и, безусловно, типичный для боевой обстановки лета 1919 г. ВСЮР ведут наступление, проходит обучение мобилизованных в белую армию новобранцев в одном из запасных батальонов. И в разгар подготовки к отправке на фронте один из новобранцев (Фома Панасюк) решает не просто дезертировать, но перейти на службу в Красную армию. Причем привлекает его там именно возможность решения «земельного вопроса» в «Совдепии», который, как передал ему один из «перебежчиков» из РККА, сводится к следующему: «...земли в избытке... каждый работает столько, сколько может. Десять десятин на душу – бери десять, двадцать – двадцать, сто – сто... И на счет мануфактурки “там” можно поживиться, сахарку много, словом, – всего в избытке...»⁷.

Но при переходе линии фронта Фома столкнулся с дезертиром из РККА по фамилии Горюн, идущим в противоположную сторону с целью поступить в ряды ВСЮР. Между двумя дезертирами завязывается разговор, в ходе которого выясняется, что в советской деревне все совершенно не так, как предполагал Панасюк. Главный аргумент Горюна сугубо личного порядка, но можно понять, что судьба его и его семьи довольно типична с точки зрения авторов брошюры⁸.

⁶ Письма раненого большевика. Письмо пятое. О земле и коммунах. Ростов-н/Д., 1919. С. 8.

⁷ Аврамов П., Яковлев Вл. Два дезертира. Рассказ. Ростов-н/Д., 1919. С. 6.

⁸ Там же. С. 18–19.

Во время беседы с Панасюком Горюн читает листовки с текстом «Декларации генерала Деникина (За что мы боремся. Наши цели)», в которой земельный пункт излагается как «немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения»⁹. Этот документ, а также текст приказа генерала об освобождении от ответственности красноармейцев, перешедших на сторону ВСЮР, окончательно убеждает Горюна в том, что его дезертирство из РККА и переход к белым – оправданы. А после того, как Горюн убежденно разясняет Панасюку «ужасы коммуны», тот меняет свое решение и вместе с Горюном идет назад, к «кадетям», возвращаясь в ряды ВСЮР¹⁰.

Однако обоснование аграрно-крестьянской пропаганды исключительно на негативных образах не имело значительных перспектив в плане получения массовой крестьянской поддержки. Критические и негативные образы крестьянского мира представлялись наиболее упрощенными. В этом отношении негативные образы «комиссаров-коммунаров» представлялись аналогами образов «помещиков и капиталистов», стремящихся «вернуть ужасное прошлое» в советской пропаганде. Поэтому гораздо более существенным было бы предложение альтернативного образа и содержательных, позитивных критериев крестьянского хозяйства. Помимо страха перед большевиком, следовало обосновать положительный образ аграрной политики Белого движения. Пропаганда сосредотачивалась бы на нескольких наиболее концентрированных тезисах, принципиально значимых для обоснования нового экономического курса, противоположного советскому.

В этом отношении примечательны брошюры из серии «Библиотека хлебороба». В издании с показательным наименованием «Что нужно хлеборобу?» содержались следующие принципы ведения хозяйства. Прежде всего – свобода в распоряжении землей, соблюдение права частной собственности на землю. Данный принцип противопоставлялся даже арендатору, не говоря уже о приводимых примерах полного обобществления земли и создания коммун и совхозов¹¹.

Расчет самостоятельного хозяина на то, что ему не придется расставаться со своей землей в условиях отсутствия полевых «переделов», равно как и при отсутствии постоянного контроля со стороны большевистских структур или «недостаточно культурных» соседей по деревне, вполне оправдан. Земельные «переделы», «поравнения» всех односельчан, возврат к общинным традициям представлялись серьезной

⁹ Аврамов П., Яковлев Вл. Два дезертира. Рассказ. Ростов-н/Д., 1919. С. 19.

¹⁰ Там же. С. 23–24.

¹¹ Новизнов В. Что надо хлеборобу? Ростов-н/Д., 1919. С. 10–11.

проблемой, снижающей заинтересованность крестьянина в результатах своего труда¹².

Основные положения предстоящей земельной реформы представляются в брошюре в форме нескольких пунктов, наиболее важные фрагменты которых специально выделяются жирным шрифтом: «надо ограничить частную земельную собственность, установив наибольшее число десятин, которым может владеть отдельный хозяин-хлебороб; за счет же излишков теперешнего частного крупного землевладения, а также за счет бывших удельных, казенных, монастырских и других земель необходимо сейчас же наделить землей в достаточном количестве на правах личной собственности («навечно») тех из малоземельных, а отчасти и безземельных хлеборобов, которые по общему отзыву их односельчан могут быть признаны вполне способными сделаться со временем дельными, трудолюбивыми хлеборобами»¹³.

Аналогичная перспектива ожидала и арендованные земли. А применительно к общинному, наделному хозяйству отмечалось, что «там, где будет признано целесообразным сохранить, хотя бы только на время, общинное землевладение и наделное землепользование, необходимо внести в него поправки, согласующие общинно-земельные распоряжки с успехами научного, улучшенного земледелия и со строгим хозяйственным расчетом»¹⁴.

Таким образом, в отношении форм землевладения признается сосуществование частной и общинной земель, хотя бы частное хозяйство и более эффективно и оправданно с экономической точки зрения. Тем не менее, нельзя, очевидно, сохранять в неизменном виде прежние частновладельческие латифундии, необходимо ограничить их размер. Равно как и «общинное землевладение», и «наделное землепользование» имели право на существование и развитие, если это соответствовало эффективным экономическим критериям. Но не только констатацией «недалекого будущего» ограничивался автор брошюры. Весьма заметную роль в дальнейшем развитии деревни призвано было сыграть политическое управление и самоуправление¹⁵. В этом отношении примечательны также и те социально-экономические пожелания, которые автор выделяет жирным шрифтом, очевидно рассчитывая на то, что именно они станут наиболее привлекательными для читателей, связанных с жизнью в деревне. Среди них – особая роль органов местного

¹² Новизнов В. Что надо хлеборобу? Ростов-н/Д., 1919. С. 12–13.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 16–17.

¹⁵ Там же. С. 19.

самоуправления, создание нового земства с преобладанием крестьянских элементов, развитие кооперации, увеличение доступного кредитования для отдельных хозяйств.

Одним из приоритетов Новизнов полагает урегулирование фискальных и денежно-кредитных вопросов в отношении крестьянского хозяйства¹⁶. Следующим приоритетом он полагал новую систему отношений в сфере найма рабочей силы, также весьма актуальной для российского земледелия. Интересно, что в этой связи автор брошюры ссылается на «Декларацию по рабочему вопросу» генерала Деникина, тем самым отождествляя труд наемных рабочих в белом тылу с наемными рабочими на заводах и фабриках¹⁷. Еще один акцент поддержки земледельцев – всемерное развитие кооперативного движения¹⁸.

После перечисления мероприятий по совершенствованию земледелия автор брошюры делает закономерный и логичный вывод, суть которого сводится к тому, что экономические и политические отношения тесно взаимосвязаны. «Необходимо будет развить и усовершенствовать, т.е. улучшить и упростить все свое местное самоуправление»¹⁹. Невозможно строить эффективную экономику без необходимых политико-правовых гарантий. Тем самым, закономерно и логично читатель брошюры «Что надо хлеборобу?» подводился к выводу о необходимости поддержки Белого движения.

Экономический фактор, в качестве ведущего в обосновании важности сохранения прав собственности, подчеркивался неоднократно. Пропагандистские установки гласили: нельзя стать настоящим хозяином, собственником земли и имущества, если все это приобретается посредством грабежа, насилия над другими. То есть путь стихийного «черного передела» никоим образом не может быть оправдан. «Нарушенная раз собственность мстит за себя»²⁰, – отмечал в брошюре «Собственность и земля» сотрудник Управления земледелия и землеустройства деникинского правительства К.Д. Зайцев. «Вне частной собственности нет государства, нет общества, нет права, нет прогресса. Государство не может все делать за всех, не позволяя никому ничего делать для себя...»²¹, – этот тезис обосновывался основным содержанием брошюры. Зайцев неоднократно подчеркивал значение земельной собственности для укрепления экономической системы России²².

¹⁶ Новизнов В. Что надо хлеборобу? Ростов-н/Д., 1919. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ Там же. С. 31.

²⁰ Зайцев К.Д. Собственность и земля. Ростов-н/Д., 1919. С. 21.

²¹ Там же.

²² Там же.

Община устарела, с точки зрения экономической, и она не имеет будущего. Однако Зайцев несколько страниц своей брошюры посвящает тому, что община играла весьма позитивную роль в прошлом. Здесь и взаимопомощь в освоении новых земель, и совместное «противостояние» в условиях крепостного права помещичьему произволу. Но это все осталось в прошлом²³.

Несмотря на устаревшие общинные порядки, в России разразилась «земельная революция». По мнению Зайцева, ее причины коренятся в «очень неверной и очень вредной мысли, которая глубоко засела в крестьянских головах и которая тоже находится в некоторой связи с общиной. Я говорю о том общераспространенном среди крестьян мнении, что вся беда крестьян в том, что у них мало земли...»²⁴. Но условное «малоземелье» не решит вопросы с производительностью труда на крестьянских наделах, даже при их увеличении. Выход единственный, с точки зрения автора брошюры: «Россия давно уже находится в таком положении, что ей нужно повысить и резко повысить производительность земли. Нужно собирать гораздо больше урожая, чем мы наблюдаем сейчас, нужно улучшить систему обработки и удобрения, применить лучшие орудия, лучшие семена, изменить севооборот и нужно добиться того, чтоб земля давала значительно больше, чем сейчас»²⁵.

Закономерно, с точки зрения Зайцева, не только перераспределение земли, но и перераспределение рабочей силы. Переезд из деревни в город, миграция крестьян в пределах губернии и между губерниями вполне логичны. Первая мировая война началась в разгар Столыпинской реформы, которая оказалась незавершенной и не смогла полностью преодолеть общинные порядки и представления. «Клич “Земля и воля”, “Вся земля – всему народу” бурей промчался над русским народом, воскресил угасавшую уже постепенно мысль о всеобщем переделе, опьянил все головы...»²⁶. И, тем самым, как утверждал автор, «издавшая мысль о том, чтобы всю страну сделать одной земельной общиной, которая бы распоряжалась всею землею в стране и делила бы ее между всеми – получила свое осуществление...»²⁷. Однако при разверстке бывших помещичьих земель быстро выяснилось, что «земля провалилась»: «Раньше у одних было мало земли, у других было больше, у некоторых еще больше – теперь у всех стало мало. Воочию на страшном опыте

²³ Зайцев К.Д. Собственность и земля. Ростов-н/Д., 1919. С. 26–27.

²⁴ Там же. С. 40.

²⁵ Там же. С. 41.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

убедился народ, что даже общим переделом всей земли малоземелью не поможешь, а земельной тесноты не устранишь...»²⁸.

Исходя из произошедшего «черного передела» и его негативных последствий для сельского хозяйства, следовало провести серьезные не только аграрные, но и политические преобразования. Нужна именно такая власть, которая обеспечит крестьян землей и гарантирует соблюдение прав собственности. Такой, по мнению Зайцева, и должна была бы стать белая власть, на чем и заканчивается написанная им брошюра²⁹.

«Черный передел», на котором, как утверждала пропаганда Освага, основывалась аграрная политика советской власти, ничего не давал крестьянам. Поскольку, во-первых, земля национализирована и может быть в любое время перераспределена в пользу коммун или совхозов. Во-вторых, даже разделив и распределив между собой помещичьи земли, крестьянство все равно не удовлетворит свой «земельный голод».

Показательная в этом отношении характеристика будущего сельского хозяйства содержится в еще одной брошюре из серии «Книжки хлебороба» – «Как улучшить сельское хозяйство крестьян?». В ней дается экономически обоснованная стратегия развития земледелия и животноводства, в первую очередь, в губерниях с выраженной товарной направленностью. С первых же страниц брошюры замечено: «...почти всюду в России говорят о малоземелье. Большая часть России действительно страдает от малоземелья. Но в иных местах это малоземелье “кажущееся”, – это те области, где и сейчас много нераспаханных земель и где даже при современных русских условиях можно было бы извлечь больше дохода с земли, чем получается...»³⁰.

Безымянный автор брошюры полагал, что суть земельной реформы, которую предстоит осуществить Белому движению в случае победоносного окончания Гражданской войны, заключается совершенно в других целях, формах и способах. «Итак, поделены ли помещичьи земли или нет, – утверждал автор, – это для исследуемого нами вопроса безразлично, т.к. раздел не увеличит значительно площади крестьянской запашки; поэтому в дальнейшем мы будем говорить о крестьянском хозяйстве, у которого земли мало и которому взять землю неоткуда»³¹. То есть интенсивный характер земледелия и помещичьего и, более всего, крестьянского – перспективный вариант аграрно-крестьянской эволюции.

²⁸ Зайцев К.Д. Собственность и земля. Ростов-н/Д., 1919. С. 40–41.

²⁹ Там же.

³⁰ Как улучшить сельское хозяйство крестьян? Ростов-н/Д., 1919. С. 4–5.

³¹ Там же. С. 6.

Интересно и то, что для понимания необходимости интенсификации земледелия используются несложные математические расчеты. Учитывая, что степень образованности крестьянства, в т.ч. южнорусского, была отнюдь не низкой, подобные расчеты могли восприниматься как весьма удачные и понятные.

Вывод о важности интенсификации сельского хозяйства формируется автором на основе нескольких тезисов, подкрепленных конкретной статистикой и примерами из агрономической практики. «Господствующей формой русского хозяйства является трехполье. Но чередование полей затруднено отсутствием специального выпаса для скота или очень малой его площадью, равно как и отсутствием отдельного поля для травосеяния... Выходит, надо заводить многополье. При пятишестиполье достаточно удобрять 1/5–1/6 часть всей пахотной земли – одно поле в плодосмене»³². Приводя аргументы в пользу многополья, автор брошюры отмечал, «что подъем сельско-хозяйственной культуры в тех частях Великороссии и Украины, в которых господствует неоправимая земельная теснота, немыслим без перехода к плодосменному многополью, а это многополье требует и корнеплодов или пропашных и травосеяния»³³.

Отдельную главу автор называет: «Что дает культурное молочное скотоводство сельскому хозяину» и излагает в ней особенности молочного животноводства в европейских государствах, ставя в пример крестьянские хозяйства Дании и Германии. Это означает значительный рост животноводческой продукции в России. Экспорт масла и молока будет параллельным с традиционным экспортом зерна. Но для высокотоварного экспорта важно устройство эффективной транспортировки продуктов животноводства, а это потребует строительства многочисленных холодильных установок, которых в России всегда был недостаток.

Общими выводами в брошюре становились: признание единственного оптимального выхода из «земельной нужды» в интенсификации сельского хозяйства и максимально возможная правительственная поддержка этим разнообразным начинаниям. В целом, можно было бы заметить, что подобный, чересчур (на первый взгляд) аналитический подход к экономическим преобразованиям в земледелии, окажется малопонятным для большинства крестьянства. Однако предположения автора и издателей данной брошюры, вероятно, не сводились к тому, что ее прочтут все «грамотные» крестьяне. Основной расчет делался на активных, стремящихся к улучшению своих хозяйств земледельцев,

³² Как улучшить сельское хозяйство крестьян? Ростов-н/Д., 1919. С. 8.

³³ Там же. С. 14.

для которых производимые агрономические прогнозы оказались бы понятны и интересны.

Одной из последних брошюр, изданных на белом Юге в начале 1920 г., стала «Война деревни с городом». Ее автор, писатель, известный своими очерками о деревенской жизни начала XX в., И.Ф. Наживин, составил ее в форме двух писем-обращений («К рабочим» и «К крестьянам»). Как и в первых брошюрах, автором активно используются стиль упрощенного изложения, и прием «доверительной беседы» с читателем. В «Письме к рабочим» Наживин ссылается на беседу с крестьянами Владимирской губернии, которые, судя по содержанию брошюры, не скрывали своего злорадства в отношении к «голодающим» горожанам³⁴. Автор признавал, что крестьянство в условиях Гражданской войны будет крайне рационально и сдержанно относиться к взаимодействию с городом. Для того, чтобы возобновить доверительные отношения с горожанами, необходим товарообмен, причем ориентированный на получение максимально востребованной в деревне продукции городских заводов и фабрик³⁵.

И. Наживин сосредотачивает внимание своего читателя на трех выводах, которые стали своего рода итогом аграрно-крестьянской пропаганды на белом Юге. Это было сделано в форме ответа на вопрос, что делать, «чтобы вызволить Россию». Первое – подъем производства, причем безотносительно к получению прибыли, бескорыстная работа крестьян и рабочих для победы Белого дела (примечательно, что аналогичная позиция также выражалась в советской аграрно-крестьянской пропаганде, которая нацеливала на безвозмездный труд ради «победы труда над капиталом»). Второе – всемерная поддержка белой армии, белого фронта (в этом также можно выделить сходство с советской пропагандой – в тезисе о помощи красноармейцам). Третье – стремление к восстановлению политико-правового порядка, восстановлению власти, которая будет проводить необходимые преобразования³⁶. Брошюру Наживина можно было бы считать своеобразным итогом аграрно-крестьянской пропагандистской работы Освага на белом Юге.

Таким образом, аграрно-крестьянская пропаганда в данном регионе отличалась оригинальностью, содержательностью и логической завершенностью. Ее структура строилась на основе следующих ведущих принципов: максимально показать крестьянам неприглядные стороны советской земельной и социальной политики (широкое введение

³⁴ Наживин Ив. Война деревни с городом. Два письма к рабочим и крестьянам. Ростов-н/Д., 1920. С. 4–6.

³⁵ Там же. С. 11–12.

³⁶ Там же. С. 14–15.

коммун, акцент на незнании советской властью особенностей деревенской жизни, опора на «малокультурную», «безземельную бедноту»); доказать позитивный характер альтернативной аграрной политики, проводимой белой властью (дополнительное наделение землей в собственность, но с соблюдением интересов собственника и без абсолютизации проблем т.н. «земельного голода», оказание широкой агрономической помощи, финансовая поддержка, сбалансированный товарообмен с городом); продемонстрировать перспективы не только социально-экономической, но и социально-политической деятельности белой власти, которая сможет предложить также и выгодную для крестьянства программу преобразований в случае «победы над большевизмом».

Среди слабых сторон пропаганды можно было бы отметить, в первую очередь, недостатки технического порядка. Данная тематика не является предметом анализа в данной статье, тем не менее, даже при наличии хорошо написанных брошюр, далеко не всегда удавалось своевременно довести их до читателя. В огромной массе сел и деревень невозможно было достать даже примитивных информационных листовок или кратких бюллетеней о положении на фронтах, о программных заявлениях Белого движения, а газеты приходили (если доходили вообще) с большим опозданием.

Примечательна оценка недостатков пропаганды самим главой ведомства К.Н. Соколовым. Излагая проблемы в аграрной сфере, он, помимо прочего, акцентирует внимание на отсутствии сколько-нибудь развернутой аграрной программы у самой южнорусской белой власти.

По его словам, «непосредственно после обнаружения известного письма генерала Деникина по земельному вопросу от 24 марта 1919 г. я имел случай, на основании опыта наших агитаторов, говорить Главнокомандующему, что с агитационной точки зрения такая общая и сухая схема аграрной реформы совершенно недостаточна, что ее необходимо скорее конкретизировать рядом практических аграрно-политических мероприятий. Между тем, если не считать обрывки аграрного законодательства, которые вызывались насущными нуждами сегодняшнего дня, мы так и не дождались ни земельной политики, ни земельного закона... По существу, мы все время питались немногими общими идеями лучших речей генерала Деникина, его двух “писем” от 24 марта и “декларации” 10 апреля. Но это было мало для преподания (так в тексте. – В.Ц.) точных политических указаний из центра и для привлечения к ответственности местных работников за уклонение от “программы”»³⁷.

³⁷ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921. С. 101–102.

В 1919 г. сложилась ситуация, при которой белые пропагандисты оказались вынужденными восполнять отсутствие фундаментального земельного законодательства собственными проектами и предположениями. И в этой ситуации их несомненной заслугой стоит признать разработку развернутой системы акцентов, образов и логически обоснованных предложений, призванных дать крестьянству ответ на большинство вопросов современного состояния и будущих перспектив сельского хозяйства. Ведущими акцентами стали программные установки реформ П.А. Столыпина и тезисы аграрных положений кадетской партии периода «третьеиюньской монархии». Однако имевшихся ресурсов аграрно-крестьянской пропаганды оказалось недостаточно для обеспечения действенной поддержки Белого движения в южнорусских губерниях.

Библиографический список / References

1. Алексашенко А.П. Крах деникинщины. М., 1966. [Aleksashenko A.P. *Krah denikinshchiny* [The collapse of Denikinism]. Moscow, 1966.]
2. Алешкин П.Ф. Борьба за крестьянство в Гражданской войне в России: иллюзии Белого движения А.И. Деникина // Полиграфист. 2011. № 52. С. 52–58. [Aleshkin P.F. The struggle for the peasantry in the Civil War in Russia: Illusions of the White Movement of A.I. Denikin. *Poligrafist*. 2011. No. 52. Pp. 52–58. (In Rus.)]
3. Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Борьба за народ в Гражданской войне: крестьянский вопрос в Белом движении // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2017. № 4. С. 15–27. [Aleshkin P.F., Vasilev Yu.A. The struggle for the people in the Civil War: The peasant question in the White Movement. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2017. No. 4. Pp. 15–27. (In Rus.)]
4. Бакланова И.С. Белые власти Юга России и аграрный вопрос (по литературе Русского Зарубежья) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 83–93. [Baklanova I.S. White authorities of the South of Russia and the agrarian question (according to the literature of the Russian Abroad). *Voprosy istorii*. 2019. No. 2. Pp. 83–93. (In Rus.)]
5. Бакланова И.С. Литература Русского Зарубежья о крестьянском вопросе в политике командования генерала А.И. Деникина // Инновации в гражданской авиации. 2019. Т. 2. № 1. С. 32–41. [Baklanova I.S. Literature of the Russian Abroad on the peasant question in the policy of the command of General A.I. Denikin. *Innovacii v grazhdanskoj aviacii*. 2019. Vol. 2. No. 1. Pp. 32–41. (In Rus.)]
6. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. [Dumova N.G. *Kadetskaya kontrrevolyuciya i ee razгром* [The Cadet counterrevolution and its defeat]. Moscow, 1982.]

7. Зими́на В.Д. Белое движение в годы Гражданской войны. Волгоград, 1995. [Zimina V.D. Beloe dvizhenie v gody Grazhdanskoj vojny [The White Movement during the Civil War]. Volgograd, 1995.]
8. Иллерецкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981. [Illereckaya E.V. Agrarnyj vopros: proval agrarnyh program i politiki neproletarskih partij v Rossii [The agrarian question: The failure of agrarian programs and policies of non-proletarian parties in Russia]. Moscow, 1981.]
9. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. [Ioffe G.Z. Krah rossijskoj monarhicheskoj kontrevolyucii [The collapse of the Russian monarchical counterrevolution]. Moscow, 1977.]
10. Карпенко С.В. Крах последнего белого диктатора // Знание. Серия «История». 1990. № 7. [Karpenko S.V. The collapse of the last white dictator. *Znanie. Seriya "Istoriya"*. 1990. No. 7. (In Rus.)]
11. Кин Д. Деникинщина. Л., 1927. [Kin D. Denikinshchina [Denikinism]. Leningrad, 1927.]
12. Козлова Е.А. Аграрное законодательство антисоветских государственных образований в годы Гражданской войны в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. [Kozlova E.A. Agrarnoe zakonodatelstvo antisovetskih gosudarstvennyh obrazovanij v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii [Agrarian legislation of anti-Soviet state formations during the Civil War in Russia]. PhD theses. Kazan, 2012.]
13. Мальт М. Деникинщина и крестьянство // Пролетарская революция. 1924. Т. 1 (24). С. 130–144; Т. 4 (27). С. 122–134. [Malt M. Denikinshchina i kreстьяnstvo [Denikinism and the peasantry]. *Proletarskaya revolyuciya*. 1924. Vol. 1 (24). Pp. 130–144; Vol. 4 (27). Pp. 122–134. (In Rus.)]
14. Медведев В.Г. Аграрное законодательство генерала А.И. Деникина // Государство и право. 2015. № 8. С. 86–94. [Medvedev V.G. Agrarian legislation of General A.I. Denikin. *Gosudarstvo i pravo*. 2015. No. 8. Pp. 86–94. (In Rus.)]
15. Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. [Rastorguev S.V. Agrarnaya politika kolchakovskogo pravitel'stva [Agrarian policy of the Kolchak government]. PhD theses. Moscow, 1996.]
16. Федюк В.П. Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1990. [Fedyuk V.P. Denikinskaya diktatura i ee krah [Denikin dictatorship and its collapse]. Yaroslavl, 1990.]
17. Цветков В.Ж. Аграрная политика белогвардейских правительств Деникина и Врангеля (1919–1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. [Cvetkov V.Zh. Agrarnaya politika belogvardejskih pravitelstv Denikina i Vrangelya (1919–1920 gg.) [Agrarian policy of the White Guard governments of Denikin and Wrangel (1919–1920)]. PhD theses. Moscow, 1996.]
18. Шафир Я. Белогвардейцы и крестьянство. М.; Л., 1928. [Shafir Ya. Belogvardejcy i kreстьяnstvo [The White Guards and the peasantry]. Moscow; Leningrad, 1928.]

Статья поступила в редакцию 25.03.2023, принята к публикации 27.04.2023
The article was received on 25.03.2023, accepted for publication 27.04.2023

Об авторе / About the author

Цветков Василий Жанович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; профессор кафедры истории России, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Vasily Zh. Tsvetkov – Dr. Hab. (Historical Sciences); Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politic, Moscow Pedagogical State University; Professor at the Department of Russian History, Vladimir State University

E-mail: tsvetcov@rambler.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-69-89

УДК: 94

И.Ю. Савенкова

Луганский государственный педагогический университет,
291011 г. Луганск, Российская Федерация

«Ост-Индская компания не требует безотлагательного лечения...»: проблема британского управления Индией в памфлете Джеймса Босуэлла «Письмо к шотландскому народу» (1783 г.)

В статье исследуется шотландский интеллектуальный текст второй половины XVIII в. Актуальность данной работы заключается в том, что памфлет Джеймса Босуэлла «Письмо к шотландскому народу» не был предметом изучения в российской историографии, а изложенные его автором идеи существенным образом дополняют знания об общественно-политических процессах, проходивших в Великобритании в последней трети XVIII в. На основе критического анализа широкого круга источников – документов британского парламента, переписки государственных деятелей, материалов парламентской истории Великобритании – дается комментарий к тексту рассматриваемого исторического источника. Установлено, что памфлет носит конъюнктурный характер, что связано с попытками его автора построить политическую карьеру. Центральной темой произведения является «индийский вопрос», суть которого к концу XVIII в. заключалась в том, что управлявшая от имени британского государства значительными территориями в Юго-Восточной Азии Ост-Индская компания, будучи торговой

© Савенкова И.Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

корпорацией, не соответствовала приобретенному в результате завоеваний статусу правителя. В подобной ситуации власть над индийскими территориями следовало передать британскому государству в лице какого-либо из его институтов – королевской власти или парламента. Авторское отношение к указанной проблеме раскрывается у Босуэлла в ходе рассуждений о королевских прерогативах. Показано, что этот просветитель являлся сторонником сильной королевской власти и противником радикальных перемен в управлении Индией.

Ключевые слова: Ост-Индская компания, Индия, Великобритания, «индийский вопрос», королевская прерогатива, британское управление Индией, парламент Великобритании XVIII в., билль Дж. Фокса, Джеймс Босуэлл

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Савенкова И.Ю. «Ост-Индская компания не требует безотлагательного лечения...»: проблема британского управления Индией в памфлете Джеймса Босуэлла «Письмо к шотландскому народу» (1783 г.) // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 69–89. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-69-89

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-69-89

I.Yu. Savenkova

Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, 291011, Russian Federation

“The East India Company was proved to require no desperate remedy...”:
The problem of the British administration in India in a James Boswell’s pamphlet
“A letter to the people of Scotland”

The article explores Scottish intellectual text of the second half of XVIII century. The relevance of the given study is that James Boswell’s pamphlet “A Letter to the people of Scotland” was not the subject of study in Russian historiography, and the author’s ideas thus represented a solid supplement to the knowledge about social and political processes that took place in Britain during the last quarter of XVIII century. Based on the critical

analysis of the wide variety of sources – British Parliamentary documents, correspondence among the government officials, materials of parliamentary history of Great Britain the article provides a commentary on the text of this historical source. It was found that the pamphlet is opportunistic in nature, which is associated with the attempts of its author to build a political career. The central theme of the work is the “Indian question”, the essence of which by the end of the 18th century was that the East India Company, which ruled significant territories in Southeast Asia on behalf of the British state, being a trading corporation, did not correspond to the status of the ruler acquired as a result of the conquests. In such a situation, power over the Indian territories should have been transferred to the British state in the person of any of its institutions – the royal power or parliament. The author’s attitude to this problem is revealed by Boswell in the course of discussions about royal prerogatives. It is shown that the Enlightener was a presumed supporter of strong royal power and opponent of radical changes in India governance.

Key words: East India Company, India, Great Britain, “India question”, Royal prerogative, British rule in India, British Parliament in XVIII, James Fox’s bill, James Boswell

FOR CITATION: Savenkova I.Yu. “The East India Company was proved to require no desperate remedy...”: The problem of the British administration in India in a James Boswell’s pamphlet “A letter to the people of Scotland”. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 69–89. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-69-89

Джеймс Босуэлл (1740–1795) – лендлорд, юрист, писатель и мемуарист, один из видных представителей Шотландского Просвещения. Долгое время его произведения были незаслуженно забыты, и только начиная с середины XX в., когда был найден и опубликован считавшийся утраченным дневник Босуэлла, интерес ученых к творческому наследию этого интеллектуала значительно возрос. В контексте данной статьи рассмотрены не художественные произведения Босуэлла (например, серия очерков, опубликованных в «Лондонском журнале» в 1777–1783 гг., одна из лучших биографий на английском языке – «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1791)), благодаря которым он и получил наибольшую известность, а публицистика¹. Речь идет о памфлете «Письмо к шотландскому народу», написанном в 1783 г. по результатам парламентской полемики вокруг привилегированного статуса британской

¹ The Hypochondriack: being the seventy essays by the celebrated biographer James Boswell, appearing in the London Magazine, from November 1777 to August, 1783, and here first reprinted. Stanford, 1928. Vls. 1–2; The Life of Samuel Johnson, LL.D. L., 1791.

Ост-Индской компании. Несмотря на широкий отклик публики, которого эта работа удостоилась в свое время, заложенные в памфлете политические идеи не получили достаточного внимания ученых. К подобному выводу позволяет прийти анализ работ зарубежных авторов, сосредоточившихся, главным образом, на личных мотивах Босуэлла и трактующих указанный очерк как умелую попытку использования конъюнктуры [10, р. 144–162; 11, р. 8, 180; 13, р. 104–106; 16, р. 105–106 и др.]. В российской исторической науке памфлет не исследован. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

Вторая половина XVIII в. в общественно-политической жизни Великобритании охарактеризовалась в т.ч. значительным ростом внимания общественности к внешней и колониальной политике королевства. Подобный интерес был вызван действием ряда таких взаимосвязанных факторов, как утрата североамериканских колоний, вызвавшая кризис государства, а также острая политическая борьба, в ходе которой соперничавшие парламентские группировки, помимо прочего, схлестнулись по вопросу об управлении колониями, зависимыми территориями и владениями. Начавшееся в 1770-х гг. движение за реформу парламента также во многом способствовало активизации общественной дискуссии о необходимости проведения реформ и передачи заморских владений в ведение государства. И если в отношении западных колоний британское государство сумело выдвинуть и в некоторой степени применить «имперскую программу», то установлению власти Короны в Индии препятствовала монополия Ост-Индской компании.

Британское завоевание и колонизация Индии осуществлялись силами Ост-Индской компании. В ходе конфликта с навабом Бенгалии Компания взяла на себя административные функции, что привело к появлению первого британского владения в этом историческом регионе Индии и превращению Ост-Индской компании из коммерческой корпорации в территориальную силу [9, с. 142–143]. К 1772 г. она достигла пика своего могущества в Индии. Это обстоятельство, вкупе с поиском государством средств для погашения значительно выросшего после Семилетней войны 1756–1763 гг. государственного долга, вынудило правительство Великобритании рассмотреть проблему соответствия торговой корпорации ее политическому статусу и, начиная с 1767 г., «индийский вопрос» регулярно обсуждался в коридорах власти [6, с. 28; 9, с. 151]². В правящих кругах тогда не было единодушия по вопросу о содержании политики государства в Индии и возможности сохранения за Ост-Индской

² См. также: The Parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. Vol. XVI. A.D. 1765–1771. L., 1813. Pp. 353–354.

компанией ее хартийных прав. Различие в позициях государственных деятелей заключалось в том, что часть из них выступала за сохранение текущего положения дел, а другая предлагала установить прямой государственный контроль над Ост-Индской компанией и передать ее административные функции государству³.

По мере развития ситуации в Индии сторонники охранительной тенденции утратили свои позиции, ведь становилось все более очевидным, что Компания не может выполнять функции правителя и ее следует подчинить либо королю, либо парламенту, лишив, таким образом, политических привилегий [5, с. 75]. Первой попыткой подобного рода был принятый парламентом в 1773 г. Акт Норта, установивший над индийскими владениями Компании косвенный контроль британского государства в лице «короля-в-парламенте» (термин британского конституционного права, характеризующий законодательную роль королевской власти). К числу важнейших положений акта относились включение в состав «индийского правительства» Ост-Индской компании представителей государства, обязательный регулярный отчет совета директоров перед правительством о делах Компании. По сути, акт 1773 г. являлся своего рода компромиссом между государством и Ост-Индской компанией, поскольку передать Компанию и ее индийские территории под полный контроль государства тогда еще не представлялось возможным.

Но и сама Компания давала множество поводов к тому, чтобы отношение к ней британского общества заметно ухудшилось и сложилось убеждение в необходимости регулирования ее действий со стороны. Так, с получением в 1765 г. в Индии права дивани внутри Ост-Индской компании сформировались две враждующие группы. Начавшаяся между ними борьба за доходы в Бенгалии привела к многочисленным скандалам как в Лондоне, так и в Индии. Связанные с этим бесконечные раздоры, интриги, известия о злоупотреблениях стали предметом общенационального обсуждения и осуждения, а данное современниками название лондонской штаб-квартиры организации – Индия-хаус – в сознании англичан с тех пор прочно ассоциировалось с коррупцией и нестабильностью ее «домашнего» правительства⁴. Принятие Акта Норта лишь усугубило эту и без того непростую ситуацию: существовавшие в Ост-Индской компании разногласия были использованы парламентскими группировками в их политической борьбе, и дискурс

³ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 28.

⁴ Reflections on the present state of the East-India Company. L., 1783. Pp. 4, 13; Ninth report from the Select Committee (of the House of Commons) appointed to take into consideration the state of the administration of justice in the provinces of Bengal, Bahar, and Orissa (25 June 1783). *The works of the Right Honourable Edmund Burke*. L., 1834. Vol. II. Pp. 61–81.

вышел далеко за рамки внутренних противостояний, чем не преминули воспользоваться те парламентарии, а также представители различных кругов Королевства, чьи устремления и чаяния так или иначе были связаны с Компанией и, как следствие, реализацией их разного рода амбиций.

Среди таких деятелей во второй половине XVIII в. было довольно много выходцев из Шотландии. Они проявляли заметный интерес к деятельности Ост-Индской компании и связанными с ней проблемами Британской империи. Но этот интерес носил практический характер: уния с Англией открывала для шотландцев значительные возможности личной реализации [4, с. 296, 302; 14, с. 52]. В течение XVIII в. в Лондоне образовалась довольно многочисленная шотландская диаспора, члены которой проявляли нетерпимость по отношению к корыстным интересам выходцев из других частей Соединенного Королевства, в т.ч. и связанным с Ост-Индской компанией, торговля и финансы которой находились в руках немногих представителей делового мира Великобритании [17, р. 229–233]. Одним из таких активных представителей Албы (современное ирландско-гэльское название Шотландии) являлся и Джеймс Босуэлл.

В 1763–1765 гг. шотландец отправился в турне по Европе, в ходе которого побывал в Голландии, где изучал право в Утрехте, во Франции, Швейцарии, на Корсике. Приобретенный опыт, а также идеи таких просветителей, как Д. Юм, А. Смит, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, оказали заметное влияние на творчество и мировоззрение Босуэлла. Он много писал и утвердился в качестве мемуариста, биографа, автора травелогов, журналиста⁵. В 1783 и 1785 гг. из печати отдельными тиражами вышел его памфлет «Письмо к шотландскому народу». Это произведение было написано в публицистическом стиле и являлось рефлексией противостояния по «индийскому вопросу».

Перейти к написанию такого рода сочинений Босуэлла побудили неудавшиеся попытки войти в состав одного из трех сменивших друг друга кабинетов в 1782–1783 гг. Впервые писатель задумался о политической карьере в 1780 г. Однако не сумел найти могущественных покровителей, которые могли бы способствовать затее. Два года спустя он получил в наследство поместье отца Окинлек в графстве Айршир и в надежде получить должность в правительстве или место в парламенте обратился за помощью к Э. Берку (1729–1797) – парламентарии, в апреле 1782 г. назначенному на должность главного казначея армии в правительстве маркиза Рокингема (1730–1782). «Думаю, чем стоять

⁵ См., напр.: Boswell's Life of Johnson: Including Boswell's Journal of a tour to Hebrides and Johnson's Diary of a Journey into North Wales. Oxford, 1887. Vls. I–IV; Boswell's London Journal. Ed. by F.A. Pottle. New York, 1950.

на месте далеко в Шотландии, лучше быть счастливым показать под Вашим покровительством, какими талантами я обладаю», – писал Босуэлл Берку в надежде на патронаж [цит. по: 18, р. 443].

Подобного рода письма также были отправлены и другим видным деятелям того времени – Г. Демпстеру (1732–1818) (секретарь Ордена Чертополоха), графу Пембрук (1734–1794), Ч.Дж. Фоксу (1749–1806), но успеха не имели. Еще одной надеждой Босуэлла был его давний друг из Лондона лорд Маунтстюарт (1767–1794). Протекция лорда также не помогла, поскольку в условиях британской политической системы с ее разнообразными проявлениями коррупции продвижение в ряды элиты являлось нелегкой задачей. Кроме того, преследовавшие Босуэлла неудачи могли быть следствием особенностей его личности и поведения. Так, в Лондоне шотландца знали как прожигателя жизни и выпивоху, но самое главное – как человека, настаивавшего на собственной политической независимости, праве писать и публиковать только то, что считал нужным. Биографы Босуэлла отмечают, что он считал свое право писать святым, свободным от различного рода политических махинаций. Подобное в среде политического истеблишмента не приветствовалось, поскольку выходило за рамки привычной для этих кругов модели патронажа. Иными словами, полагаться на такого человека было опасно [18, р. 426–428]. После того, как в августе 1783 г. от Босуэлла ускользнула должность лорда-адвоката, он в гневе написал Берку: «я с огорчением констатировал полное пренебрежение, в то же время у меня есть повод задуматься, и маловероятно, что я не могу не получить какой-либо знак внимания от администрации» [цит. по: 16, р. 105].

Подобный исход вынудил Босуэлла переоценить свои шансы занять какую-либо государственную должность и начать поиск новых способов добиться своей цели. Обращаться за помощью к кому-либо из государственных деятелей он не стал, поскольку теперь понимал, что может рассчитывать лишь на собственные силы и, как только представился удобный повод, создал памфлет, посредством которого надеялся привлечь внимание влиятельных людей. К числу последних он относил тех, кто, подобно ему самому, был «тори, как говорится, из убежденных роялистов», и заветное назначение будет получено [13, р. 105–106].

Произведение Босуэлла британская общественность встретила с энтузиазмом. В 1784 г. такие издания как “The European Magazine, and London review”, “The Edinburgh Review, or an Abstract of English and Foreign literature”, “The Critical Review or Annals of Literature” опубликовали восторженные отзывы, отдельные положения памфлета цитировались на заседании нижней палаты британского парламента,

а премьер-министр У. Питт (младший) лично поздравил Босуэлла с успехом его произведения⁶.

Издание 1783 г. предназначалось вниманию У. Питта-младшего (1759–1806) – депутата Палаты общин и успешного молодого политика, вокруг которого группировались т.н. «новые тори», а также видного представителя последних, главе комиссии в правительстве маркиза Рокингема, расследовавшей злоупотребления служащих Ост-Индской компании в Индии, шотландца Генри Дандаса, 1-го виконта Мелвилла (1742–1811). Выбор подобной аудитории не был случайным. Весной 1783 г. страну возглавило коалиционное правительство, состоявшее из радикальных вигов во главе с Ч.Дж. Фоксом и тори во главе с лордом Ф. Нортон (1732–1792). Эта коалиция стремилась ограничить королевскую власть, в т.ч. и путем манипуляций «индийским вопросом». Понимая это, стоявшие в оппозиции к вигам «новые тори» во главе с У. Питтом-младшим использовали любую возможность для подрыва позиций соперника, и в апреле 1783 г. Г. Дандас направил в Палату общин билль, предусматривавший серьезные изменения в управлении Индией, а именно – усиление государственного надзора над деятельностью Ост-Индской компании⁷. Законопроект был отклонен имеющим тогда большинство в парламенте вигским правительством, поскольку в основных своих положениях не отвечал его видению проблемы. В ноябре коалиция Фокса–Норта в качестве ответного хода представила на рассмотрение два билля, автором которых был Фокс.

Согласно этим документам, предполагалось упразднить власть Компании в Индии, а управление ею передать Совету комиссаров, назначаемых королем по представлению парламента. Таким образом, контроль над индийскими территориями, корпорацией и королевской властью полностью перешел бы к парламенту⁸. Радикальный характер предложений был обусловлен тем, что виги хотя и стремились, но все же не смогли удержать лидерство в управлении государством, заметно уступая в этом своим оппонентам в лице «новых тори» и их лидера

⁶ The European Magazine and London review. 1784. Vol. V. Pp. 130–131; The Edinburgh Review, or an Abstract of English and Foreign literature. 1784. Vol. III. P. 151; The Critical Review or Annals of Literature. 1784. Vol. 57. Pp. 74–764; Parliamentary Register 1783–1784. Vol. XII. Pp. 514–515; Boswell J. The Applause to the Jury, 1782–1785. New York, 1981. P. 181, 184.

⁷ A bill for the better regulation and government of the British possession in India, and for the security and presentation thereof. *Marshall P.J. Problems of Empire: Britain and India, 1757–1813.* L., 1968. Pp. 120–125.

⁸ The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. XXIV. Comprising the period from the third of December 1783 to the first of February 1785. L., 1815. Cls. 62–72.

Питта-младшего, и теперь пытались любыми путями дискредитировать политику последнего [1, с. 86–87]. Однако попытка не удалась: несмотря на то, что Палата общин поддержала предложение Фокса со значительным перевесом голосов, лорды проголосовали против⁹. По мнению М.П. Айзенштат, неудача проекта Фокса, помимо прочего, определялась и тем, что британское общество конца XVIII в. не было готово к восприятию предложенных идей и расценивало их как покушение не только на монополию Ост-Индской компании, но и на права других корпораций, что, в свою очередь, могло привести к непредвиденным результатам [Там же, с. 87].

Босуэлл написал свой памфлет вскоре после вышеописанных событий и надеялся таким образом привлечь внимание Питта-младшего, к тому времени сформировавшего свой кабинет. Но все было тщетно, и в 1785 г. он подготовил второе издание, направленное против Дандаса. В отношении последнего у Босуэлла было предубеждение еще со времени их знакомства в Эдинбурге. Надо полагать, что зависть к более удачливому и добившемуся определенных успехов в карьере виконту Мелвиллу также имела место быть.

Анализ первого варианта «Письма...» показывает, что, размышляя над «индийским вопросом» с позиций присущего шотландскому историческому сознанию юнионизма, а также личных политических убеждений, Босуэлл видел проблему управления Индией неотъемлемо от таких важных для британского общества институтов, как частная собственность, королевская власть и ее prerogatives, полномочия парламента, конституция¹⁰.

Значительная часть памфлета посвящена проблеме частной собственности. По убеждению Босуэлла, лишение Ост-Индской компании территориальной власти в Индии означало покушение парламента на ее собственность. Автор подводит читателя к выводу о недопустимости подобных решений как необоснованных, посягающих на имущественные права британских подданных и других корпораций, а потому опасных с точки зрения возможных последствий для общественной жизни королевства. «Я честно умоляю моих соотечественников обратить внимание на эти тревожащие попытки, которые были недавно предприняты с целью разрушения защиты частной собственности и уничтожения конституционной монархии этих королевств под предлогом лучшего

⁹ The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. XXIV. Comprising the period from the third of December 1783 to the first of February 1785. L., 1815. Cls. 14–62, 134–196.

¹⁰ Boswell J. A letter to the people of Scotland on the present state of the nation. Edinburgh, 1783. P. 9.

управления делами Ост-Индской компании. <...> Я должен сказать, что смотрю на этот билль как на самую опасную для страны меру, на которую когда-либо решались в парламенте»¹¹. Последнее казалось Босуэллу вполне реальным, учитывая, что Индия являлась не британской колонией, а владением, и вопрос об управлении этой огромной территорией в реалиях конца XVIII в. уже не был только лишь инструментом внутрипарламентской борьбы различных фракций и группировок, а мог стать причиной серьезных возмущений, подобно конфликту середины XVII в. Напомним, что в ходе революции английское общество смогло найти компромисс, одним из важнейших условий которого стало закрепление неприкосновенности частной собственности в соответствии с новыми конституционными принципами.

Право собственности восходит к средневековому английскому праву, основная идея которого заключалась в том, что собственность являлась неделимой и отчуждалась только законным путем. К числу едва ли не первых документов, в которых фиксировалась эта норма, относятся статуты времен правления Эдуарда III (1327–1377). В свою очередь, эти законы опирались на положения Великой хартии вольностей (Magna Charta, 1215 г.). Так, например, Запрещенный акт (Forbidden act или Unlawful attachment, 1331 г.) устанавливал, что личность или собственность не могут быть арестованы вопреки положениям Великой хартии вольностей (имеется в виду статья 52 хартии, согласно которой нельзя лишать кого-либо собственности без «законного приговора»)¹². Акт об уголовном и гражданском правосудии (Criminal and Civil Justice act, 1351 г.) запрещал судьям лишать подсудимых их привилегий, в т.ч. и фригольда – безусловного права собственности¹³. И, наконец, Акт о свободе подданных (Liberty of Subjects act, 1354 г.) постановил: «Никто не может быть приговорен в незаконном порядке. <...> Никто, какого бы сословия, или состояния он ни был, не должен быть изгнан с земли, ни схвачен, ни лишен свободы, ни лишен наследства, ни лишен жизни, не будучи призван к ответственности в соответствии с законом»¹⁴.

¹¹ Boswell J. A letter to the people of Scotland on the present state of the nation. Edinburgh, 1783. Pp. 7–9.

¹² Unlawful attachment 5 Edw 3, c 9. *The Gazette of India*. 1960. 27 December. URL: <https://egazette.nic.in/WriteReadData/1960/E-1970-1960-0045-88772.pdf> (date of access: 16.10.2022).

¹³ Criminal and Civil Justice act 25 Edw 3 St 5 c 4. URL: <https://constitutionwatch.com.au/wp-content/uploads/CriminalAndCivilJusticeAct1351AustralianCapitalTerritory.pdf> (date of access: 16.10.2022).

¹⁴ Liberty of subject act 28 Edw 3 c 3. Due Process of Law Act 1354 28 Edw 3 c 3. URL: <https://constitutionwatch.com.au/wp-content/uploads/DueProcessOfLawAct1354AustralianCapitalTerritory.pdf> 1354 Law act (date of access: 16.10.2022).

Последнее согласуется с 39 статьей хартии, устанавливавшей, что «ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдем на него иначе как по законному приговору равных его... и по закону страны»¹⁵. В ходе исторического развития страны право частной собственности получило дальнейшее развитие и идеологическое обоснование. Так, философ и просветитель Дж. Локк считал, что «великой и главной целью объединения людей в сообщества и передачи ими себя под власть правительства является сохранение собственности»¹⁶. Это положение было закреплено в английской конституции XVII в., и уже к XIX в. подобные идеи настолько укоренились в сознании британцев, что собственность они считали незыблемой [12, р. 144]. «Правитель, – писал известный британский юрист XIX в. А. Дэйси, – который, не задумываясь переменит конституцию своей страны, по всей вероятности, долго будет колебаться, прежде чем решится коснуться собственности или вмешаться в договоры частных лиц...» [3, с. 57].

Сторонник подобных воззрений, Босуэлл далее напоминал читателю о том, что Ост-Индская компания была учреждена королевской хартией, самостоятельно добилась территориального превосходства в Индии и управляя ею, стала известной и влиятельной корпорацией, в акции которой вкладывали средства не только англичане, но и представители других наций. Лишить ее хартии и индийских владений означало подорвать государственный престиж Великобритании и «...веру других народов в то, что эта страна является свободной, что в ней нет опасности таких конфискации или захватов, которые бывают вследствие неожиданных, иногда встречающихся в других странах Европы, злоупотреблений властью»¹⁷. В этом отношении проект Фокса представлялся Босуэллу шокирующим, нельзя было допускать его принятие. В качестве единственной силы, способной помешать парламенту одобрить законопроект, он видел только государство в лице короны. Очевидно, в этом Босуэлл исходил из идеи А. Смита, лекции которого он слушал во время учебы в университете Глазго, о том, что королевская власть наделена правом налагать ограничения на действия людей и, таким образом, защищать членов общества от несправедливости¹⁸. Кроме того, государь

¹⁵ Памятники истории Англии XI–XIII вв. / Пер. и введение акад. Д.М. Петрушевского. М., 1936. С. 107.

¹⁶ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 334.

¹⁷ Boswell J. A letter to the people of Scotland on the present state of the nation. Edinburgh, 1783. Pp. 10–11.

¹⁸ Смит А. Исследование о причинах богатства народов. М., 1962. С. 296, 512.

по своему положению стоит выше парламента и должен «присматривать» за деятельностью законодателей¹⁹. При этом, однако, власть короля не считалась Босуэллом абсолютной, в случае экстраординарных обстоятельств он не исключал принятия чрезвычайных мер: «королевская хартия настолько священна, что ничего, кроме сильнейших причин, включающих необходимость, не может позволить аннулировать ее»²⁰.

Как следует из текста памфлета, его автор последовательно выступал за усиление власти короны в деле управления Индией, трактуя эту власть как прерогативную, священную, не подлежащую каким-либо посягательствам. Он писал: «Те же самые достопочтенные джентльмены, которые настаивают на том, что влияние Короны должно быть уменьшено, и те, кто возобладал в своем стремлении его ослабить, подгоняли принятие этого билля, согласно которому несколько человек, предложивших сами себя, зашли в своем влиянии настолько далеко, насколько королевская власть не заходила»²¹. Отсюда следует вывод: билль является «фатальным и враждебным короне», разрушает ее прерогативу, тем самым способствуя «падению также и тех, кто способствует падению трона»²². Никто не вправе, кроме действующих министров, давать рекомендации короне. Но и они должны понимать, что не все вопросы государственного управления относятся к их компетенции. Подобный подход, по Босуэлу, должен применяться к монополии Ост-Индской компании, а также ее индийским территориям²³. Сложно объяснить, на чем основывались эти утверждения. Вопрос о пределах власти короля был и остается спорным по сей день, единого понимания сущности королевской прерогативы специалистами не выработано.

Современные исследователи пользуются определениями, данными теоретиками по конституционной истории Великобритании с учетом норм английского права. В частности, Дайси описывал прерогативу как «оставшуюся часть изначальных полномочий короны... наименование того, что осталось от дискреционной (право действовать по собственному усмотрению. – И.С.) власти, в любое время пребывающей в руках короны, независимо от того, осуществляется ли эта власть самостоятельно королем или его министрами» [15, р. 348]. Следовательно, права короны, не ограниченные статутами королевства, являются ее прерогативой. Дискреционная же власть короны происходит не от парламентского

¹⁹ Смит А. Исследование о причинах богатства народов. М., 1962. С. 499.

²⁰ Boswell J. A letter to the people of Scotland on the present state of the nation. Edinburgh, 1783. P. 12.

²¹ Ibid. Pp. 17–18.

²² Ibid. P. 20.

²³ Ibid. Pp. 23–25.

акта, а от прерогативы. Эта власть носит исторический характер и является ничем иным, как частью той единоличной власти, которая вызвана большей по сравнению с парламентом древностью королевской власти и всегда на законных основаниях остается в руках короны [15, р. 348–349]. Другой известный юрист У. Блэкстон, наоборот, считал, что королевская прерогатива ограничена, в качестве таковой следует считать «те особые права, которые король имеет сверх всех своих подданных» [12, р. 239]. Подобное определение исключает полномочия, источником которых не является королевский статут, но которые в то же время признаются подданными короны [8, с. 54]. Статутное право в Британии в рассматриваемый период имело большое значение, поэтому прерогативные полномочия не могли противоречить акту парламента, если же подобное противоречие возникало, то оно, согласно «Делу прокламаций» (1611 г.), регулировалось нормами общего права: «У короля нет прерогативы, а лишь то, что ему позволяет закон страны»²⁴.

Напомним, что Босуэлл писал в годы правления короля Георга III (1760–1820), желавшего не только «царствовать, но и править». Вследствие чего между короной и парламентом (а также политическими группировками, поддерживавшими ту или иную сторону) развернулась борьба за первенство и обострилась проблема разделения полномочий между институтами государственной власти. Вопрос о том, кто же должен вмешаться в дела Ост-Индской компании, являлся отражением этой борьбы. Приняв сторону короля, автор памфлета считал недопустимой передачу Ост-Индской компании и ее индийских территорий под управление парламента и приводил ряд доводов для обоснования своей точки зрения. Во-первых, такой подход противоречил королевским прерогативам, в частности, праву «короля-в-парламенте» как верховного правителя, оставляющего за собой право подтверждать хартийные права Компании; во-вторых, Фокс возглавлял олигархическое правительство и стремился управлять страной в соответствии с вигской идеей аристократической конфедерации. Для Босуэлла ввиду его политических предпочтений подобное было неприемлемо. Неудивительно поэтому, что в памфлете по отношению к Фоксу и его сторонникам используются такие уничижительные выражения, как «немногие», «кучка людей не по чину», «джентльмены с крайне высоким уровнем притязаний» и т.п. Здесь для нас важен другой – скрытый смысл его нападок. Босуэлл отстаивал сильную королевскую власть не только по убеждению,

²⁴ Case of proclamations 77 ER 1352, (1611) 12 Co Rep 74, [1610] EWHC KB J22. England and Wales High Court (King's Bench Division) Decisions. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/KB/1610/J22.html> (date of access: 15.10.2022).

но и ради корыстных интересов. Ведь пробиться в коридоры власти при видах стало гораздо сложнее. Но, в отличие от многих своих соотечественников, не стремившихся в подобных условиях идти в политику и сосредоточившихся на хозяйственной деятельности, он, видимо, после неудачных попыток стать членом правительства не отказался от надежд на будущее и связывал реализацию своих политических амбиций с королевской властью.

К счастью для Босуэлла, билль Фокса не поддержала Палата лордов. Это произошло благодаря вмешательству в дело короля²⁵. Принимая во внимание особенности английского права, следует отметить, что Георг III был вправе отклонить этот законопроект как недостойный [12, р. 261]. В истории Великобритании прецеденты, когда монархи в одностороннем порядке решали судьбу актов парламента, имели место дважды: в 1708 г. на подобную меру решилась королева Анна, а в 1854 г. – королева Виктория. Однако Георг III не стал нарушать положение Билля о правах 1689 г., предписывавшее получить согласие парламента «на полномочие приостановления законов или исполнение законов королевским повелением» и воспользовался правилом, согласно которому решение только одной палаты парламента не являлось достаточным для того, чтобы билль стал законом [8, с. 239]. В дополнение ко всему сторонники монарха также предприняли ряд мер, направленных против билля, равно как и против разработавшей его ненавистной королю коалиции. Так, Э. Тарлоу (1731–1806), бывший канцлер-казначей в правительстве Норта, передал Георгу III записку лорда Темпла (Дж. Ньюджент-Темпл-Гренвилл (1753–1813), в которой тот прямо призывал короля вмешаться в ход дел в парламенте, поскольку бездействие монарха могло привести к существенному ограничению его прерогатив. В частности, он писал: «понимает ли Его Величество, что этот билль представляет собой план по отъему более чем половины королевской власти, призванный лишить [короля] оставшейся половины его царствования... Иной причины для подобного вмешательства нет. Как нет и других мер во избежание этого зла за исключением смены министерства»²⁶. Как следствие, 11 декабря 1783 г. король поручил графу Темплу выступить перед лордами от своего имени. В адресованной графу записке Его Величество прямо просил сообщить палате, что «тот, кто проголосует за индийский билль, не только не будет являться

²⁵ Boswell J. A letter to the people of Scotland on the present state of the nation. Edinburgh, 1783. P. 40.

²⁶ Memoirs of the Court and Cabinet of George the Third. From original family documents. By the Duke of Buckingham and Chandos K.G. in two volumes. Vol. 1. L., 1853. P. 288.

другом короля, но и будет считаться его врагом»²⁷. Довод оказался на редкость убедительным и большинством голосов верхняя палата парламента отклонила билль²⁸.

Босуэлл восхищался этим шагом британского монарха как достойным поступком «отца нации». Подобная оценка в некоторой степени отражала общее отношение шотландских просветителей к британской короне, заключавшееся в мягкой лояльности²⁹. Стремление части шотландской элиты, умонастроения которой выражал Босуэлл, поддержать королевскую власть было связано также и с тем, что во второй половине XVIII в. многие жители этой области Соединенного Королевства в своих надеждах на будущее полагались на Ост-Индскую компанию, принимая в ее деятельности самое активное участие. В этом смысле сохранение с помощью короны за Компанией ее власти и возможностей позволяло шотландцам расширить их экономические возможности посредством выхода на колониальные рынки.

Тем не менее, осмысление Босуэллом места и роли королевской власти в политической системе королевства не вполне отвечало тенденциям времени. Уже не корона, а парламент играл ведущую роль в общественно-политической жизни [6, с. 34]. Наблюдавший за происходившими в конце XVIII в. переменами Блэкстон отмечал, что «власть и юрисдикция парламента настолько все превосходят и абсолютны, что не могут быть ограничены в каких-либо пределах, будь на то причина... Он (парламент. – И.С.) имеет верховную, не подлежащую контролю власть в подготовке, ратификации, дополнении, ограничении, отмене, возобновлении и толковании законов, касательно любых возможных дел – духовных и светских, гражданских, военных, морских или уголовных: это место, где та абсолютная деспотическая власть, которая должна принадлежать всем правительствам, предоставлена конституцией этих королевств» [12, р. 160–161]. Парламентские процедуры в то время использовались в качестве инструмента ограничения королевской власти, усиления роли парламента в процессе разделения власти, выстраивания системы сдержек и противовесов [6, с. 12]. Поэтому в конце XVIII в. началось решительное наступление государства

²⁷ Memoirs of the Court and Cabinet of George the Third. From original family documents. By the Duke of Buckingham and Chandos K.G. in two volumes. Vol. 1. L., 1853. P. 285.

²⁸ The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. XXIV. Comprising the period from the third of December 1783 to the first of February 1785. L., 1815. Cls. 134–196.

²⁹ Например, см.: Letters of David Hume: And extracts from letter referring to him. Edinburgh, 1841.

на права Ост-Индской компании, завершившееся в XIX в. полной утратой ею как экономических, так и политических прав. Произойдет это в стенах парламента, шаг за шагом лишавшего Ост-Индскую компанию ее закрепленных в хартии прав, а затем передавшего индийские территории Компании под управление короны.

Нетрудно заметить, что автор памфлета не хотел замечать очевидного факта и отказаться от убежденности в силе королевской власти. Потребности в обосновании собственной правоты служит критика Босуэллом парламентских процедур. Как правило, рассмотрению какого-либо вопроса в парламенте традиционно предшествовала инициатива, обычно облеченная в форму петиции. Но не всякая петиция запускала процесс подготовки соответствующего билля. Содержание каждого поступающего в парламент ходатайства тщательно изучалось, проверялись все изложенные в нем обстоятельства. На это требовалось время [12, с. 163, 183]. Нельзя утверждать, что обсуждение билля Фокса прошло с полным нарушением парламентских процедур: формальности были соблюдены. Видимость законности действиям Фокса придавали петиции от лондонского Сити и небольшого городка Чиппин Уиком³⁰. Несмотря на это, в памфлете данному факту было придано определенное значение. Босуэлл считал это свидетельством недостаточной поддержки обществом возможных государственных мер в отношении управления Индией, а то и вовсе отсутствием интереса к проблеме. Широкое одобрение, по его мнению, придало бы биллю значительно большую степень легитимности.

С нескрываемым негодованием Босуэлл писал о той поспешности, с которой Фокс проводил свой законопроект: «Тирания этого дерзкого билля (я должен позволить себе такое выражение) так жестока и непреклонна... Был ли этот билль спокойно и взвешенно обсуждаем палатой общин? Было ли предоставлено полное время не только собственникам, но нации в целом, с простой верой высказать их соображения? Нет. Наоборот, его (прохождение билля. – И.С.) торопили, да еще и так, что вряд ли забудется. Стремительность этого действия и не очень хорошее содержание указывают на его характер, а когда он попал в палату лордов – тревога: остановите воровство!»³¹. Убедиться в том, что данные суждения не носили субъективный характер, позволяют стенограммы заседаний Палаты общин и письма самого Фокса.

³⁰ Boswell J. A letter to the people of Scotland on the present state of the nation. Edinburgh, 1783. P. 41.

³¹ Ibid. Pp. 12–13.

Впервые билль был вынесен на рассмотрение нижней палаты парламента 18 ноября 1783 г. и вызвал единодушное недовольство депутатов. Серьезным препятствием на пути к принятию билля стали заявления депутатов о том, что отдельные его положения нарушают задекларированные в Великой хартии вольностей права англичан, а также о необходимости тщательной проверки средств Ост-Индской компании, требующихся для управления Индией. Наиболее непримиримый противник и критик Фокса Питт-младший отмечал по этому поводу: «Билль, который Фокс вынес на голосование по индийскому вопросу, так или иначе будет решающим... Я убежден, что это самая наглая и неконституционная мера из когда-либо предпринимавшихся, вместо всех хартий и договоров одним махом передающая обширный патронаж и влияние на Востоке Чарльзу Фоксу, будь он членом кабинета или нет»³². Тем не менее, Фокс рассчитывал на положительный исход голосования по его законопроекту, опираясь в нижней палате на индийские круги и не опасаясь сопротивления со стороны лобби Ост-Индской компании, расколовшегося на враждебные друг другу группировки [19, р. 23–24]. Менее чем через неделю после первого чтения билля в Лондон пришло сообщение о том, что войска Ост-Индской компании в Индии были разбиты правителем Майсура Типу Султаном (1782–1799). Это обстоятельство, как тогда казалось, было на руку вигам, поэтому они торопились с принятием билля и практически не давали парламентариям времени на раздумья, сумев назначить второе чтение на 22 ноября.

После недолгих дебатов Палата общин заявила, что факт появления билля, подобного представленному, угрожает «древним парламентским процедурам»³³. Казалось бы, после подобных высказываний «индийский вопрос» следовало снять с повестки дня, но этого не произошло, потому что многие депутаты вместе с тем признали необходимость реформ в Индии. Примечательно, что за год до описанных событий парламент обсудил принципы управления индийскими территориями Ост-Индской компании и рекомендовал Компании воздержаться от войн и недружественных действий, вступления в какие-либо альянсы и вмешательства во внутренние дела индийских княжеств. Основой взаимодействия британцев и индийцев, по мнению общин, должны были стать мир и спокойствие. Именно к этому должно стремиться британское

³² Correspondence between the Right Honourable William Pitt and Charles Duke of Rutland Lord Lieutenant of Ireland 1781–1787. London, Edinburgh, 1840. P. 4.

³³ The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. XXIV. Comprising the period from the third of December 1783 to the first of February 1785. L., 1815. Cls. 14–62.

правительство, устанавливая свое влияние на Востоке³⁴. Впрочем, данная рекомендация не была выполнена. Возможно, поэтому Палата общин проголосовала за принятие билля Фокса 208 голосами против 102³⁵. По сути, этот план был выгоден Великобритании. Ситуация в империи требовала объединения усилий государственных структур. Иное дело, когда общество еще не было готово к восприятию подобных идей.

Однако, как уже было сказано, билль не был принят Палатой лордов. Комментируя произошедшее, Босуэлл с удовлетворением отметил: «Очень большое внимание уделяется предмету такой значимости такой великой уважаемой палатой, что показывает, что Ост-Индская компания не требует безотлагательного лечения; и голосование, на котором билль был отклонен навсегда, запомнится с восхищением и благодарностью не только Компании, о которой беспокоились, но и каждой корпорации в Королевстве, и фактически всеми, кто владеет чем-либо подобным хартии...»³⁶. Эта фраза является центральным посылом Босуэлла. Смысл ее многозначен. С одной стороны, в тексте легко читается личный интерес, о чем уже было сказано. С другой, автор таким образом не рекомендовал обществу предпринимать в отношении Ост-Индской компании и завоеванных ею территорий какие-либо решительные шаги, поскольку, как он писал, не было видимых причин вмешиваться во внутренние дела могущественной корпорации. При этом совершенные англичанами в Индии беззакония автор памфлета обошел вниманием³⁷. Как представляется, подобное отношение могло быть продиктовано тем, что о данной составляющей «индийского вопроса» Босуэлли было известно в той степени, в какой об этом в его время были осведомлены частные лица из доступных источников информации. Парламент XVIII в. являлся закрытой организацией, сведения о происходившем в его стенах можно было почерпнуть из материалов газет и журналов, а также отдельных публикаций выступлений лидеров палаты общин и депутатов. При этом, однако, следует помнить о важной особенности упомянутых материалов, заключавшейся в их не всегда подробном и достоверном характере [2, с. 351–372]. Возможность парламентских разбирательств по факту

³⁴ The Journals of the House of Commons. Vol. 38. From October the 31st 1780 to October the 10th, 1782. L., 1803. P. 1029.

³⁵ The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803. Vol. XXIV. Comprising the period from the third of December 1783 to the first of February 1785. L., 1815. Cls. 14-62.

³⁶ Boswell J. A letter to the people of Scotland on the present state of the nation. Edinburgh, 1783. Pp. 15–16.

³⁷ Ibid. P. 10.

упомянутых выше разного рода проступков Босуэлл не отрицал. Однако рекомендовал депутатам помнить о «священном» праве собственности, равно как и том, что источником этого права была данная королевской властью хартия Компании. Вполне логичным поэтому Босуэллу виделось «возвращение» административного контроля над Ост-Индской компанией и ее индийскими землями короне³⁸.

Итак, памфлет Босуэлла «Письмо к шотландскому народу» является одним из образцов шотландской публицистической мысли последней трети XVIII в. и отражает трансформационные процессы, протекавшие в Великобритании того времени. Авторский взгляд на проблемы общественного развития страны изложен в контексте борьбы в британском обществе вокруг монопольного статуса Ост-Индской компании и управления ее индийскими территориями. Начиная с 1770-х гг. названная проблема дала о себе знать с особой остротой. Многие известные деятели в той или иной степени оказались втянутыми в эту, вне всякого сомнения, имевшую определяющее значение в деле создания Второй Британской империи, борьбу и предлагали те или иные варианты разрешения «индийского вопроса». Джеймс Босуэлл также не остался в стороне, воспользовался сложившейся ситуацией и подготовил конъюнктурный памфлет, призванный решить его личные цели и задачи.

Поскольку мировоззрение этого автора складывалось под влиянием идей его современников – деятелей Просвещения, а также доминировавшей в Шотландии XVIII в. идеологии юнионизма с ее мягкой концентрической лояльностью, будущее Индии и Ост-Индской компании он видел в сохранении существовавшего порядка вещей и выступал против передачи контроля над корпорацией и территорией парламенту, как это предлагала сделать в 1783 г. возглавляемая Ч.Дж. Фоксом парламентская группировка. Невозможность радикальных действий в отношении Компании в памфлете обоснована идеей нерушимости права частной собственности, проистекавшей из хартий корпорации, а также недопустимостью посягательств на королевские прерогативы – исключительное право монарха, предполагавшее, в том числе, утверждение указанных хартий.

В этих своих представлениях Босуэлл выходил далеко за рамки обсуждения привилегий Ост-Индской компании, рассматривая их сквозь призму пределов власти короля и парламента, конституционных обычаев Великобритании. В этом отношении автор выступил в качестве выразителя мнения тех своих соотечественников, кто связывал будущее

³⁸ Boswell J. A letter to the people of Scotland on the present state of the nation. Edinburgh, 1783. P. 33.

и возможности разрешения экономических проблем с Ост-Индской компанией. Соблюдение прав названной корпорации, следовательно, и применение королевских прерогатив, давало широкие возможности для реализации шотландской деловой инициативы в Индии, что и произошло после 1784 г.

Библиографический список / References

1. Айзенштат М.П. Британия Нового времени. Политическая история. М., 2007. [Ajzenshtat M.P. Britaniya Novogo vremeni. Politicheskaya istoriya [Britain in modern time. A political history]. Moscow, 2007.]
2. Айзенштат М.П. Публикация парламентских материалов в XVIII–XIX вв. // Люди и тексты. 2014. № 7. С. 351–372. [Ajzenshtat M.P. Publication of parliamentary materials in XVIII–XIX crs. *Lyudi i teksty*. 2014. No. 7. Pp. 351–372. (In Rus.)]
3. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. М., 1907. [Dicey A.V. *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii* [A Digest of the law of England with reference to the conflict of laws]. Moscow, 1907.]
4. Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014. [Idei i lyudi: Intellektualnaya kultura Evropy v novoe vremya [Ideas and people: Intellectual culture of Europe in the Modern Time]. L.P. Repina (ed.). Moscow, 2014.]
5. Киселев А.А. Великобритания и английская Ост-Индская компания во второй половине XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2008. № 1 (13). С. 73–81. [Kiselev A.A. Great Britain and the English East India Company in the second half of the XVIII century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4*. 2008. No. 1 (13). Pp. 73–81. (In Rus.)]
6. Левина М.И. Парламентское право Великобритании XVII – начала XIX в. М., 2000. [Levina M.I. *Parlamentskoe pravo Velikobritanii XVII – nachala XIX v.* [British parliamentary law of XVII – early XIX crs]. Moscow, 2000.]
7. Соколов А.Б. Политическая борьба в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. [Sokolov A.B. *Politicheskaya borba v Anglii po voprosam vneshnej i kolonialnoj politiki v XVIII veke* [Political struggle in British society on the foreign and colonial policy in the XVIII century]. Dr. Hab. thesis. Moscow, 1995.]
8. Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660-х годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 годов. М., 2010. [Tomsinov V.A. *Yuridicheskie aspekty anglijskoj revolyucii 1640–1660-h godov. Period konstitucionnoj borby: noyabr 1640 – avgust 1642 godov* [Legal aspects of the English civil war 1640–1660th. Period of constitutional struggle: November 1640 – August 1642]. Moscow, 2010.]
9. Фурсов К.А. Держава-купец: отношения Английской Ост-Индийской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006. [Fursov K.A. *Derzhava-kupec: otnosheniya Anglijskoj Ost-Indijskoj Kompanii s anglijskim gosudarstvom i indijskimi patrimoniyami* [Power-

- merchant: The relations of the English East India Company with the English State and Indian Patrimonies]. Moscow, 2006.]
10. Aston N. Principle, Polemic, and Ambition: Boswell's A Letter to the People of Scotland and the End of the Fox–North Coalition, 1783. *Boswell and the Press: Essays on the Ephemeral Writing of James Boswell*. Bucknell University Press, 2021. Pp. 144–162.
  11. Bedborough S. Unprincipled Careerists or Enlightened Entrepreneurs? A Study of the roles, identities and attitudes of the Scots MPs at Westminster. Sterling, 2015. Pp. 1754–1784.
  12. Blackstone W. Commentaries of the Laws of England. Book the first. Oxford, 1788.
  13. Brady F. Boswell's political career. New Haven, 1965.
  14. Devine T.M. The Scottish nation. A history 1700–2000. New York, 1999.
  15. Dicey A.V. Introduction to the study of the Law of the Constitution. L., 1889.
  16. Daiches D. James Boswell and his world. New York, 1976.
  17. Houston R.A., Whyte J.D. Scottish society 1500–1800. Cambridge, 1989.
  18. Martin P. A life of James Boswell. New Haven, 2000.
  19. Philips C.H. The East India Company 1784–1834. Manchester, 1961.

Статья поступила в редакцию 14.11.2022, принята к публикации 28.02.2023
The article was received on 14.11.2022, accepted for publication 28.02.2023

Об авторе / About the author

Савенкова Инна Юрьевна – кандидат исторических наук; доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Института истории, международных отношений и социально-политических наук, Луганский государственный педагогический университет

Inna Yu. Savenkova – PhD in History; associate professor at the Department of World History and International Relations of the Institute of History, International Relations and Socio-Political Sciences, Lugansk State Pedagogical University

E-mail: inna-savenkova@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-90-108

УДК: 94

Т.Л. Лабутина

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Впечатления британского посла лорда Дж. Гиндфорда о пребывании при дворе императрицы Елизаветы Петровны

В рамках актуального направления исторической науки – имагологии – в статье на основе дипломатической переписки анализируются свидетельства британского посла лорда Дж. Гиндфорда о жизни и деятельности при дворе Елизаветы Петровны. Даются его характеристики императрицы и ее ближайших сподвижников – канцлера А.М. Бестужева-Рюмина и вице-канцлера М.И. Воронцова. Ряд приведенных Гиндфордом фактов из биографии канцлера ставят под сомнение беспринципность и искренность Бестужева-Рюмина в деле служения своему Отечеству. Анализ депеш посла позволяет составить представление не только о его профессиональной, но и негласной – разведывательной деятельности, а также познакомиться с бытовыми трудностями, с которыми он сталкивался в стране пребывания. Подобное исследование предпринимается в исторической науке впервые.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII век, международные отношения, история дипломатии, британский посол Дж. Гиндфорд, канцлер А.М. Бестужев-Рюмин

© Лабутина Т.Л., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лабутина Т.Л. Впечатления британского посла лорда Дж. Гиндфорда о пребывании при дворе императрицы Елизаветы Петровны // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 90–108. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-90-108

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-90-108

T.L. Labutina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Impressions of the British Ambassador Lord J. Hyndford about the stay at the court of Empress Elizabeth Petrovna

Within the framework of the current direction of historical science – imagology, the article analyzes the testimonies of the British Ambassador Lord J. Hyndford about the life and activities at the court of Elizabeth Petrovna on the basis of diplomatic correspondence. His characteristics of the Empress and her closest associates – Chancellor A.M. Bestuzhev-Ryumin and Vice-Chancellor M.I. Vorontsov are given. A number of facts cited by Hyndford from the biography of the chancellor cast doubt on Bestuzhev-Ryumin's unscrupulousness and sincerity in serving his Fatherland. The analysis of the ambassador's dispatches allows us to get an idea not only about his professional, but also about his secret intelligence activities, as well as to get acquainted with the everyday difficulties he faced in the host country. This is the first time such research has been undertaken in historical science.

Key words: Great Britain, Russia, XVIII century, international relations, history of diplomacy, British Ambassador J. Hyndford, Chancellor A.M. Bestuzhev-Ryumin

FOR CITATION: Labutina T.L. Impressions of the British Ambassador Lord J. Hyndford about the stay at the court of Empress Elizabeth Petrovna. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 90–108. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-90-108

Проблема, к которой автор обращается в данной статье, изучается в рамках актуального и востребованного в последние годы в исторической науке направления. Речь идет об имагологии, предметом изучения которой являются межкультурные (инокультурные, кросс-культурные) коммуникации между различными странами, а также индивидуумами. Это направление, возникшее на Западе в середине XX в., в отечественной науке заметно активизировалось в последние десятилетия. В нашей стране появились теоретические статьи, а также монографические исследования по данной тематике¹. Важную роль в изучении различных проблем, связанных с имиджиологией/имагологией, играют ежегодные научные семинары в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. Столь активное обращение к проблемам взаимовосприятия культур различных государств со стороны ученых обусловлено не в последнюю очередь их актуальностью.

Источниками для изучения восприятия «иной»/«чужой» культуры становятся, как правило, описания путешественников (травелогии), дневники, мемуары и служебные записки иностранцев о стране пребывания. Одним из таких источников для исследования взглядов иностранцев на Россию и русских в XVIII в. является дипломатическая переписка. К ее анализу автор не раз обращался при изучении деятельности резидентов в петровскую и екатерининскую эпохи [5; 6]. В предлагаемой статье автор останавливается на впечатлениях британского посла лорда Гиндфорда о своей миссии при дворе императрицы Елизаветы Петровны.

Джон Кармайкл, 3-й граф Гиндфорд (John Carmichael, 3rd Earl of Hundyford) родился 15 марта 1701 г. в Эдинбурге, в семье бригадного генерала Дж. Кармайкла. Послужной список Джона Гиндфорда был богатым. Свою карьеру он начал в пехотном гвардейском полку, получив чин капитана в 1733 г. А вскоре началось его возвышение по аристократическим «ступеням»: виконт, граф, баронет, барон, пэр Шотландии. Впечатляли должности, которые он занимал: верховный комиссар Генеральной ассамблеи церкви Шотландии, лорд-лейтенант Ланкашира. С 1742 г. началась дипломатическая деятельность Гиндфорда. Вначале он был назначен послом в Пруссию. По-видимому, эта миссия оказалась успешной, что способствовало его возведению в звание рыцаря чертополоха. Вскоре его избрали в парламент в числе 16 пэров от Шотландии.

¹ Среди недавно изданных работ, посвященных изучению историко-теоретических проблем компаративистики и имагологии, см. коллективные монографии (изданы под редакцией Т.Л. Лабутиной): «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2019; «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020; «Свои»/«Другие»/«Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021.

После Пруссии Гиндфорд в должности посла прибыл в Россию, где провёл около шести лет, с 1744 по 1750 г. Наиболее активно он принимал участие в переговорах о субсидиях в 1747 г.

Как правило, британские послы, отправляясь в Россию, получали подробные инструкции от короля по поводу того, на что им следует обратить внимание прежде всего. Речь шла о расстановке политических сил в стране, характеристике высших должностных лиц, состоянии армии и флота, а также тех важных событиях, свидетелями которых они становились². Подобные инструкции от короля Георга II Ганновера получил и лорд Гиндфорд.

Остановившись на характеристике Елизаветы Петровны, Гиндфорд обращал внимание на ее подвижность, частые поездки в окрестности Петербурга, а также в Москву и подмосковные монастыри. На его взгляд, подобные перемещения мешали ее деятельности в управлении империей. «Императрица так недолго пребывает на одном месте, что трудно вести и исполнять дела», – сетовал посол³. Он жаловался, что трудно уловить момент, чтобы заставить императрицу подписать необходимые документы. Елизавета Петровна не любит менять текст в документах, поскольку, полагал Гиндфорд, «это причиняет ей беспокойство»⁴. В результате бумаги, которые лежат у нее на рассмотрении в течение нескольких недель, нередко оказываются затерянными или выброшенными, так что приходится копировать и переводить заново, и таким образом проходит много времени, прежде чем она прочтет и подпишет документы. «Ваше сиятельство, – жаловался Гиндфорд государственному секретарю лорду Честерфилду, – можете себе... представить, как трудно и неприятно вести о чем-либо переговоры с таким двором»⁵.

Нам представляется, что в отсутствии интереса к государственным делам упрекать Елизавету Петровну вряд ли было правомерно. О ее активной позиции в вопросах внешней политики писал С.М. Соловьев. «Во весь 1745 год императрица была очень занята делами внешними, – сообщал он, – по ним были частые доклады канцлера, происходили во дворце советы или собрания в присутствии императрицы, которая также иногда присутствовала инкогнито и при конференциях канцлера и вице-канцлера с министрами иностранными» [9, с. 336]. Таким

² Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 66. СПб., 1889. С. 362–363.

³ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 363.

⁴ Там же. С. 443.

⁵ Там же. С. 444.

образом, суждение британского посла об «отвращении к занятию делами» у императрицы, на наш взгляд, являлось явным преувеличением. Возможно, на его оценки по поводу медлительности прохождения дел в императорской канцелярии в какой-то мере оказывали влияние частые празднества, которые случались при дворе. «Праздники здесь наконец окончились, – сообщал Гиндфорд госсекретарю 30 января 1746 г. – Канцлер закончил блестящие увеселения масленицы роскошным обедом... для иностранных представителей, а вечером того же дня при дворе исполняли интермедию»⁶. В ноябре 1747 г. посол был вынужден отложить подписание важного документа, поскольку императрица в это время «развлекалась свадьбами и пустыми зрелищами»⁷.

В своих депешах Гиндфорд не раз упоминал о благожелательном к себе отношении со стороны императрицы. Так, Елизавета Петровна приглашала его погостить в свой загородный дом. Разрешила послу охотиться в своих угодьях. Нередко предлагала Гиндфорду сопроводить ее на представление комедии либо составить партию в карты. Посол признавал, что был признателен «за многие милости, отличия и любезности», постоянно оказываемые ему «великой государыней»⁸. Неоднократно императрица высказывала свое благожелательное отношение также к королю Великобритании, заявляя, что желает пребывать с ним «в тесном союзе и согласии»⁹. В свою очередь, Георг II уверял императрицу в искренней дружбе и уважении к ней¹⁰. Судя по всему, отношения между Англией и Россией в ту пору были неплохими.

В своих депешах Гиндфорд особое внимание уделял характеристикам министров императрицы. Он нелестно отзывался о Коллегии иностранных дел, называя ее служащих «коллекцией скотов (animals), которые по невежеству и лени, скорее мешают и запутывают дела, чем разрешают их...»¹¹. Посол сетовал на «пустоту, невежество и глупость»¹² русского двора, когда сталкивался с его неуступчивостью в переговорном процессе. Особое место в своих донесениях Гиндфорд отводил канцлеру А.П. Бестужеву, с которым он чаще всего имел дело.

⁶ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 15.

⁷ Там же. С. 443.

⁸ Там же. С. 211.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ Там же. С. 109.

¹¹ Там же. С. 130.

¹² Там же. С. 151.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766) – видный государственный и политический деятель, талантливый дипломат, незаурядная личность в окружении императрицы Елизаветы Петровны. Его деятельность на посту сначала вице-канцлера, а затем и канцлера не раз становилась предметом исследований российских историков [1–3]. Все ученые отмечали, наряду с профессиональными достижениями А.П. Бестужева, противоречивый характер его деятельности на посту канцлера. Как подчеркивали Л.В. Антонова и Т.А. Просвирина, Бестужев на протяжении 16 лет практически управлял Россией, причем делал это «продуманно и четко» [2, с. 149]. Его «уважали, боялись, временами ненавидели, признавали несомненный талант дипломата, отвагу и трудолюбие, но, вместе с тем, не отрицали и мстительность, коварность, честолюбие, скупость, что не мешало Бестужеву-Рюмину совершенно искренне и честно служить России» [Там же]. Каким же Бестужев представлялся британскому послу, с которым ему довелось близко сотрудничать и вести непростые переговоры?

Уже в первых своих депешах в Лондон Гиндфорд отмечал прочные позиции Бестужева при дворе, считая, что он был «в большой милости» у императрицы. Посол интересовался у своего руководства, не предлагал ли его предшественник Сирил Уич Бестужеву какие-либо деньги или подарки?¹³ Госсекретарь отвечал, что никакой дополнительной суммы на подарок графу Бестужеву после подписания оборонительного договора в 1741 г. [7, с. 51–65] Уич выделить не собирался. Между тем, канцлер утверждал, что посол обещал вручить ему «особый подарок» деньгами, рентой или чем-либо другим. Когда же он узнал, что англичане за подписание союзного договора ему ничего не предложили, он обратился к ним с неожиданной просьбой.

В одной из своих депеш Гиндфорд предлагал госсекретарю «оказать *нашему другу* (выделено нами. – Т.Л.) особые знаки благоволения, послав ему, кроме обычного подарка деньгами, портрет его величества, табакерку, шпагу, или какую-либо другую вещь»¹⁴. О каком друге шла речь? Оказалось, что этим человеком и являлся канцлер Бестужев. Британскому дипломату не хотелось, чтобы о нем стало известно при дворе императрицы, и потому он просил госсекретаря в переписке не упоминать его имени и «никогда, даже в шифре, не называть его иначе, как “нашим другом”»¹⁵. В том же донесении Гиндфорд и сообщил

¹³ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 61.

¹⁴ Там же. С. 315.

¹⁵ Там же. С. 110.

о просьбе «друга». Выяснилось, что еще в сентябре 1746 г. Бестужев обратился через посла к королю с просьбой о беспроцентном займе в 10 тыс. фунтов стерлингов сроком на 10 лет. Как писал Гиндфорд, в своем ходатайстве Бестужев напоминал, что он *«всегда был верным другом и слугой короля и британской нации»* (выделено нами. – Т.Л.), рискуя своей жизнью и состоянием; всегда отклонял выгоднейшие предложения со стороны врагов его королевского величества»¹⁶, а также никогда не принимал никаких подарков, которые ему предлагали. Но теперь канцлер надеется, что король не сочтет за дерзость, если он изложит ему свое бедственное положение и окажет поддержку. И далее Бестужев повествовал, в чем заключалась его беда. Дело в том, что императрица пожаловала Бестужеву поместья, прежде принадлежавшие графу А.И. Остерману, а также его большой дом. Канцлер, желая угодить императрице, перестроил и роскошно отделал дом, что ввело его, уже и без того обремененного долгами, в еще большие долги. Поэтому он совсем разорится, «если король не придет милостиво к нему на помощь»¹⁷.

Описывая ситуацию с займом, Гиндфорд, хотя и подтверждал достоверность «денежных затруднений» канцлера, однако считал исполнение его ходатайства в то время, когда послы и посланники короля около двух лет не получают жалованья, невозможным. Впрочем, вскоре Гиндфорду пришлось изменить свое мнение по этому поводу. Когда в 1747 г. начались переговоры о предоставлении корпуса русских войск для поддержки Великобритании в войне за Австрийское наследство (1740–1748), англичане вспомнили о Бестужеве и его просьбе. «Так как вы в этом деле... будете вести переговоры главным образом... с канцлером, – инструктировал госсекретарь посла, – то было бы уместно, если бы вы сказали ему, что просьба его о займе... доложена королю... Вы можете дать Бестужеву понять, что лучший способ побудить короля оказать ему это особое проявление королевской милости... расположить императрицу к заключению договора на разумных основаниях»¹⁸. Тогда-то Гиндфорд со своей стороны начал поддерживать ходатайство канцлера о его «скромной просьбе». В свою очередь, как отмечал посол, канцлер предпринимал определенные шаги, «чтобы уговорить царицу понизить свои требования» в размере субсидии, которую должны были

¹⁶ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 111.

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ Там же. С. 121.

выплатить англичане за корпус русских войск. При этом Бестужев всякий раз напоминал о своей просьбе по поводу займа¹⁹.

Гиндфорд, являясь свидетелем усиления влияния Бестужева в переговорах о русском корпусе, неоднократно напоминал госсекретарю, что королю следовало бы пойти навстречу канцлеру, исполнив его просьбу с тем, чтобы заручиться поддержкой столь «могущественного друга». Бестужев пользуется таким уважением императрицы, продолжал посол, и обладает такой властью, какой никогда не имел ни один из русских министров. Однако король не спешил удовлетворить просьбу канцлера. В депеше от 7 апреля 1747 г. Честерфилд писал Гиндфорду: «По отношению к просьбе канцлера я сообщаю вам, что его величество весьма хорошо расположен к этому министру и готов проявить ему доказательство своей милости, когда это будет возможно; но... при настоящем положении дел... невозможно теперь же удовлетворить Бестужева» в том, о чем он просит²⁰. Гиндфорд продолжал убеждать госсекретаря, приводя в качестве аргумента, что Бестужев «мог бы иметь вдвое более от других держав»²¹, но желает обратиться лишь к королю Великобритании. Однако добиться желаемой цели у посла никак не получалось. В очередной секретной депеше от 28 апреля 1748 г. Честерфилд сообщал, что хотя король и не может выполнить просьбу канцлера, тем не менее он желает оказать ему «особое проявление своей милости»²², выделив после подписания в 1747 г. субсидной конвенции сумму в 5 тыс. фунтов стерлингов²³. Примечательно, что из указанной суммы госсекретарь предлагал выделить часть денег на официальный подарок по случаю заключения договора, а оставшуюся часть передать канцлеру частным образом.

Гиндфорд хорошо понимал, что подобное предложение вряд ли устроит канцлера. Он опасался, что тот откажется и дальше оказывать англичанам содействие в переговорах. «Если мне придется сказать канцлеру, что в настоящее время король не в состоянии удовлетворить его просьбу, – писал посол Честерфилду, – то он примет это за отказ и попытается получить эту сумму где-либо в другом месте, и тогда мы уже навсегда

¹⁹ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 189.

²⁰ Там же. С. 255–256.

²¹ Там же. С. 268.

²² Там же. С. 287.

²³ Речь шла о выплате англичанами субсидии императрице за русский корпус, нанятый для защиты от Пруссии территорий принадлежащего королю Ганновера в период войны за Австрийское наследство 1740–1748 гг.

потеряем его»²⁴. Чтобы этого не допустить, Гиндфорд предлагал утаить получение им неблагоприятного для канцлера ответа из Лондона, а пока обсудить вопрос о выдаче ему хотя бы половины денег, о которых просил Бестужев. Но руководство Британии продолжало упорствовать. Посол снова и снова просил удовлетворить просьбу канцлера, подчеркивая, что тот может либо оказать королю большую услугу, либо повредить делам его величества. «Я прекрасно вижу, что он замедляет выдачу ответов по разным нашим делам... пока его просьба не будет удовлетворена»²⁵, – свидетельствовал Гиндфорд. На это король советовал послу «заставить этого министра немного подождать»²⁶. В то же время Георг II вновь предлагал выделить Бестужеву 5 тыс. фунтов под то обеспечение, которое он ему предлагал.

Однако Бестужев отказался принять указанную сумму. О том, как это произошло, Гиндфорд поведал в секретной депеше Честерфилду 25 августа 1747 г. Во время беседы с канцлером посол убедился, что тот находится в очень дурном расположении духа из-за того, что не получил остальных 5 тыс. фунтов стерлингов из суммы, о которой просил. Он думал, продолжал Гиндфорд, что «услуги, оказанные им при всякого рода случаях нашему двору» (выделено нами. – Т.Л.), дают ему надежду ожидать благоприятного ответа на его первую и единственную просьбу, а потому был весьма огорчен, встретив массу затруднений. Ему весьма жаль, что он вообще обратился с этой просьбой. Затем Бестужев заявил, что не может принять эти 5 тыс. фунтов стерлингов без залога со своей стороны, тем более, что эта сумма не составляет даже и четверти стоимости дома и не облегчает его долгов даже наполовину. Гиндфорд пытался уговорить канцлера, обещая, что король расположен к нему, и, как только будет возможно, вторая часть займа будет передана ему, В свою очередь, Бестужев уверял посла «в своей преданности королю и королевской семье, которым он имел честь служить, как слуга, а затем как полномочный министр ганноверского двора к императору Петру»²⁷. Он перечислял все услуги, которые когда-либо оказывал британскому двору, и постоянные случаи противодействия, проявляемого им по отношению к французской партии и другим дворам; он обещал Гиндфорду сделать все, что в его власти, чтобы возместить все убытки

²⁴ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 331–332.

²⁵ Там же. С. 331.

²⁶ Там же.

²⁷ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 333.

англичан в торговых операциях и восстановить их торговлю с Персией. Взамен канцлер просил только о беспроцентном займе, а не о подарке, «ибо хочет иметь свои руки и совесть всегда чистыми»²⁸. От себя посол добавлял, что канцлер «весьма капризен и упрям, а нужды его так велики, что ни убеждения, ни отговорки не имеют на него никакого влияния»²⁹, а потому, чтобы важные переговоры, зависящие от русского двора, были доведены до благоприятного исхода, следует прислушаться к его просьбе. Король «может потерять единственного друга, которого имеет при этом дворе, и наши дела вместо того, чтобы идти вперед, обратятся вспять», – заключал Гиндфорд³⁰.

Эпопея с займом завершилась в ноябре 1747 г., о чем Гиндфорд не преминул известить лорда Честерфилда. В секретной депеше посол сообщал, что Бестужев вынужден был занять 50 тыс. руб. у британского консула Вольфа под залог своего дома. К своему письму посол приложил «как диковину»³¹ закладную, данную консулу Вольфу. В России, разъяснял Гиндфорд, принято на каждую, даваемую под закладную, тысячу рублей представить одного свидетеля. «Поэтому, – продолжал посол, – канцлер пригласил 50 (?) человек своих главных врагов при дворе, которые все должны были, как свидетели, подписаться под этим актом. Его политиче в этом случае было желание предупредить подозрение, что он получил эти деньги как подарок, и показать своим врагам, что он очень беден»³². И далее следовал текст упомянутой закладной. «1747 [г.] ... ноября я, канцлер, граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, взял взаймы у английского консула Якова Вольфа сумму в пятьдесят тысяч рублей сроком на десять лет... Взамен этого я... заложил мой каменный дом, находящийся здесь в С.-Петербурге на адмиралтейской набережной реки Невы... В случае, если я... моя супруга, дети или наследники, не будут в состоянии уплатить означенной суммы, взятой взаймы у английского генерального консула Вольфа... он... и его наследники, по истечении установленного в законе срока, свободны располагать моим означенным домом, продать или заложить его...»³³. Далее следовали подписи свидетелей, в числе которых были граф Михаил Воронцов, князь Белосельский, Степан Апраксин, граф Разумовский. Подводя итоги эпопеи с займом, посол заключал: «Я весьма доволен,

²⁸ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 373.

²⁹ Там же. С. 374.

³⁰ Там же. С. 375.

³¹ Там же. С. 453.

³² Там же.

³³ Там же.

что его величеству благоугодно было помочь канцлеру – этому доброму человеку, и я думаю, что он *окажется весьма полезным для королевской службы*» (выделено нами. – Т.Л.)³⁴.

Анализируя факты, связанные с просьбой Бестужева о займе, невольно задаешься вопросом, а чем канцлер предполагал ответить в случае ее исполнения? Осуществлял ли он какие-либо действия, направленные в интересах британцев? В своей переписке с госсекретарем Гиндфорд не раз упоминал, что Бестужев оказывал английской стороне определенные услуги³⁵. Так, однажды, возвратившись от канцлера в 11 часов вечера, посол заверял Честерфилда в том, что добился от Бестужева, чтобы требования императрицы о сумме по субсидии были «сильно уменьшены»³⁶. 3 января 1747 г. Гиндфорд убеждал госсекретаря в том, что, если бы не расположенный к англичанам Бестужев, то ему никогда не удалось бы убедить царицу предоставить требуемый русский корпус³⁷. Посол полагал, что «этот джентльмен» и в будущем сможет доказать свою благодарность королю, «сделав все, что в его силах, для удовлетворения его величества»³⁸.

И действительно, Бестужев не только поддерживал требования англичан о субсидных конвенциях, но и убеждал императрицу согласиться на включение в третий субсидный договор сепаратной и секретной статьи, в соответствии с которой Россия должна будет напасть на Пруссию в случае, если та предпримет агрессивные действия против Великобритании и ее союзников. Этим обстоятельством, писал Гиндфорд, его величество обязан «исключительно искусному приему Бестужева, который с каждым днем все ближе принимает к сердцу служение интересам его величества и его союзников, что впрочем, является и его долгом»³⁹. Посол убеждал госсекретаря поддержать перед королем просьбу канцлера о займе, поскольку расценивал его действия как полезные для англичан. В депеше от 11 декабря 1747 г. Гиндфорд писал: «Несмотря на все замедления здешнего двора, я ни в чем не могу упрекнуть канцлера; напротив того, если бы он втайне не заботился и не оказывал нам, не показывая на самом деле вида, поддержки, насколько было в его

³⁴ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 454.

³⁵ Там же. С. 164, 173, 188.

³⁶ Там же. С. 164.

³⁷ Там же. С. 173.

³⁸ Там же. С. 420.

³⁹ Там же. С. 469.

силах, мы не были бы в состоянии довести дело до полного развития и т.к. в дальнейшем *нам еще могут потребоваться его услуги* (выделено нами. – Т.Л.), то я надеюсь, что его величество будет так милостив, что прикажет окончить его дело...»⁴⁰.

Надо отметить, что Бестужев оказывал поддержку англичанам не только в переговорах о заключении субсидных конвенций (в части уменьшения требуемой императрицей за корпус денежной суммы; в ускорении прохождения документов для ратификации, скорейшей отправке корпуса и т.д.), но и в коммерческих делах.

Как известно, торговля в отношениях Англии и России играла важную роль. Англичане, получавшие большие дивиденды от торговли в России, сумели добиться заключения торгового договора еще при Анне Иоанновне в 1734 г. Срок его действия в правление Елизаветы Петровны истекал, а потому британская дипломатия стремилась добиться пролонгации торгового договора. В одной из депеш Гиндфорд с удовольствием сообщал госсекретарю, что голландский посланник не сумел добиться заключения торгового договора и приобрести такие же привилегии, которыми в России пользуются англичане. «Ни Голландия, ни иная страна не может рассчитывать на это», с удовлетворением заключал посол⁴¹. В то же время Гиндфорд был вынужден признать, что определенные трудности в торговых отношениях между странами имели место.

9 декабря 1746 г. посол сообщал госсекретарю о возникших сложностях у подданных его королевского величества, ведущих торговые дела в России, по поводу договора о железе. В ответном послании Честерфилд выражал свое удивление, что императрица лишила британских подданных торговой отрасли, закрепленной за ними 8-й статьей договора и просил от имени короля «самым убедительным образом» представить русским министрам, а в особенности Бестужеву, который «был ходатаем и автором этого договора», необходимость данное постановление уничтожить тотчас же⁴². Посол предпринимал все возможные меры, чтобы исполнить указанное поручение руководства (даже в частной беседе с императрицей на куртаге заговорил о недовольстве англичан нарушениями договора о железе), однако положительного ответа от русской стороны добиться не смог.

⁴⁰ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 477.

⁴¹ Там же. С. 20.

⁴² Там же. С. 157–158, 183–184.

Жалобы английских купцов на притеснения, «претерпеваемые ими вследствие неисполнения Россией... договора относительно значительного количества железа... недоставленного им согласно с их контрактами»⁴³, продолжали поступать королю и в следующем году. Английские коммерсанты ходатайствовали также перед русским двором о защите их в Персии, где произошел мятеж против шаха Надира. Они просили выделить им два корабля для перемещения с имуществом в какое-нибудь безопасное место, пока не прекратятся смуты. Россия пошла навстречу британской стороне и предприняла ряд мер, чтобы защитить английских коммерсантов в Персии. Король остался доволен, но, в то же время, приказал воспользоваться «недавней щедротой, оказанной графу Бестужеву», настоять на том, чтобы торговый договор был «немедленно восстановлен в своей первоначальной силе»⁴⁴. Посол на это ответил, что примет все необходимые меры, чтобы торговый договор начал действовать в полном объеме. Однако этого не произошло [8, с. 124–133], хотя Бестужев всячески тому содействовал. Торговый договор 1734 г. был пролонгирован лишь в правление Екатерины II в 1766 г. [5, с. 73–110].

Итак, как мы могли убедиться, деятельность канцлера А.М. Бестужева-Рюмина при дворе Елизаветы Петровны была неоднозначной и противоречивой. С одной стороны, он защищал интересы Отечества, когда проводил внешнюю политику, направленную на усиление могущества России на международной арене. С другой стороны, как показал анализ переписки представителей британской дипломатии, Бестужев нередко поддерживал англичан. Особенно наглядно это было видно из его действий, направленных на ускорение переговоров о субсидиях. Какими мотивами, помимо личной выгоды, он при этом руководствовался, остается только догадываться.

Противником курса внешней политики Бестужева являлся вице-канцлер М.И. Воронцов. Граф Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767) известный государственный деятель, дипломат, которому обязан своим возвышением род Воронцовых [2, с. 160–166]. Он был одним из активных участников дворцового переворота 1741 г., с 1744 г. занимал пост вице-канцлера, а в 1758–1765 гг. стал канцлером Российской империи. Воронцов не только выступал против участия России в войне за Австрийское наследство, но и являлся противником предоставления русского вспомогательного корпуса, предлагая ограничиться финансовой помощью англичанам в размере 450 тыс. руб.

⁴³ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 183.

⁴⁴ Там же. С. 322, 323, 353, 382.

в год [4, с. 97]. Неудивительно, что в своих депешах Гиндфорд давал Воронцову не столь блестящие характеристики, как Бестужеву.

Внимательно наблюдая за расстановкой сил при русском дворе, посол отмечал, что «кредит» Воронцова с каждым днем уменьшается, объясняя это «существующими подозрениями», будто вице-канцлер замешан в опасных замыслах лейб-медика И.Г. Лестока и О. Брюмера. «Надеюсь, что скоро пришло... известие о падении этих трех недостойных людей», – писал Гиндфорд госсекретарю 8 ноября 1746 г.⁴⁵ Он подчеркивал, что благодаря ходатайствам Бестужева царица скрыла от вице-канцлера план военных приготовлений и обещание предоставить военный корпус англичанам. «Таким образом, вице-канцлер лишен возможности знать все секреты», – с радостью докладывал в Лондон посол⁴⁶. И действительно, Воронцова не приглашали на совещания, на которых обсуждались вопросы, связанные с военной кампанией, его мнения по другим вопросам спрашивали лишь «для проформы». Между тем, вице-канцлер пытался помешать Бестужеву проводить тот курс внешней политики, который во многом отвечал интересам англичан. «Вы с трудом можете себе представить, – писал Гиндфорд Честерфилду 3 января 1747 г., – все те препятствия, которые стремился создать нам на пути вице-канцлер Воронцов, и, если бы не расположенный к нам Бестужев, то я никогда не был бы в состоянии убедить царицу дать нам... корпус»⁴⁷. Однако Воронцов не сдавался, продолжая возражать против предоставления англичанам корпуса, что заставило посла признать его «открытым врагом» Бестужева. Гиндфорд полагал, что Бестужеву придется подписать субсидный договор одному и в таком случае его доля подарка увеличится за счет денег, причитающихся вице-канцлеру.

Был ли Воронцов принципиальным противником проанглийского курса Бестужева или действовал в интересах Пруссии, как в том его нередко упрекали недруги и открытые враги? Гиндфорд свидетельствовал: «Воронцов весьма беден и не совсем неподкупен в денежном отношении»⁴⁸, значит, его можно использовать при определенных обстоятельствах, если это будет отвечать «требованиям королевской службы»⁴⁹. О том, что Воронцов получал пенсioen от прусского двора,

⁴⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 125.

⁴⁶ Там же. С. 140

⁴⁷ Там же. С. 173.

⁴⁸ Там же. С. 514.

⁴⁹ Там же. С. 515.

писал представитель Пруссии в России Финкенштейн [9, с. 493]. Однако позднее эти слухи о подкупе Воронцова были опровергнуты [2, с. 162]. Как бы то ни было, Воронцов являлся противником проанглийского курса внешней политики Бестужева, поскольку его собственные симпатии склонялись скорее на сторону Франции и Пруссии. Быть может, именно этим обстоятельством объяснялось столь прохладное отношение к нему самой императрицы.

Анализ донесений британского посла свидетельствовал не только об официальной, но и его неофициальной, разведывательной деятельности при дворе Елизаветы Петровны. Тесное общение с канцлером Бестужевым, а также рядом других высокопоставленных чиновников позволяло Гиндфорду поставлять в Лондон секретную информацию не только о первых лицах в управлении, но и о состоянии вооруженных сил Российской империи. В одном из донесений Гиндфорд обещал госсекретарю передать с купцом, отправляющимся в Лондон, копию точного списка судов российского флота. Не прошло и недели, как этот список был переправлен руководству. «Ваше превосходительство получите... точный список морских сил здешней империи, – писал посол, – список, который мне удалось достать не без некоторых затрат с моей стороны и не без риска для иных лиц»⁵⁰. Гиндфорд настойчиво просил госсекретаря держать данную информацию в секрете и выражал надежду, что в скором времени сможет прислать описание галер. «Несколько времени тому назад, – продолжал посол, – я послал... описание русской армии, которое, я надеюсь, благополучно доставлено вам в руки»⁵¹. И далее прилагал список русских военных судов. В конце списка посол добавлял: «Строятся в настоящее время в Петербурге одно 99-ти пушечное судно и одно 66-ти пушечное. В Архангельске: два 32-х пушечных судна. Судно “Петр Великий” разобрано, и мы не знаем, будут ли его перестраивать или нет. “Императрица Анна” сдано в настоящее время в тимберовку (капитальный ремонт деревянного судна. – Т.Л.), чтобы сделать его еще 3–4 года годным к службе. “Св. Александр” прослужит еще года 3. “Слава России” считается негодным к службе на линии, но тимберуется для обращения в госпитальный корабль (самое большое прослужит еще 2 года). “Новая Надежда” негодна к службе. Архангельские суда все в исправности»⁵². В марте следующего года Гиндфорд направил в Лондон информацию о галерах, пригодных к службе.

⁵⁰ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 8.

⁵¹ Там же. С. 9.

⁵² Там же. С. 9–12.

Таковых он насчитал 79, указав также количество матросов на веслах. К указанным галерам посол присовокупил еще 20, обратив внимание на то, что пока они «негодны к службе», но в случае необходимости могут совершить плавание до Кронштадта.

Гринфорд продолжал поставлять секретную информацию о состоянии вооруженных сил России и тогда, когда между сторонами полным ходом шли переговоры о субсидных конвенциях. Так, 13 июня 1747 г. он докладывал Честерфилду, что в Кронштадте находятся 23 военных судна: одно – стоорудийное, одно судно с 80 пушками, одно – с 70, 15 судов имеют по 66 пушек, пять – по 54 орудия, кроме того – 4 фрегата, 2 прама, 3 бомбардирских судна, 2 брандера. В Ревеле находится 7 военных судов: одно с 66 орудиями, четыре с 66 пушками, еще четыре вооружены 54 орудиями, два судна – по 32 орудия каждое.

Кто поставлял послу столь подробную информацию о вооруженных силах? Оказывается, что одним из таких источников являлся канцлер Бестужев. Так, он обещал Гиндфорду представить точные сведения о корпусе из 30 тыс. чел., с указанием полков, а также пограничных пунктов, где они расквартированы. Были у посла и анонимные источники, о которых он предпочитал не распространяться⁵³.

Примечательно, что британский посол интересовался не только состоянием российских войск. В депеше от 21 ноября 1747 г. он сообщал госсекретарю: «Во исполнение моих первых инструкций, я постарался узнать, какие именно открытия делало здешнее правительство на северо-восточной окраине России, и мне посчастливилось достать копию журнала и карту знаменитого капитана Беринга, который взял на себя исследование Камчатского берега и островов, лежащих по направлению к Японии; я надеюсь быть в состоянии послать их вашему сиятельству со следующим курьером; но это надо держать в секрете», ибо, если это станет известно, то многие будут отправлены отсюда оканчивать свои дни в ссылке⁵⁴. Как видно, посла интересовали планы российского правительства, направленные на освоение Россией новых территорий.

Миссия Гиндфорда подходила к завершению. Добившись заключения субсидных конвенций, а через это втягивания России в войну за Австрийское наследство на стороне Великобритании, по сути, за чужие интересы, посол счел свое дальнейшее пребывание при русском дворе излишним. Он стал хлопотать перед руководством об отзыве. Все чаще и чаще в его депешах в Лондон звучали сетования на те сложности в работе,

⁵³ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 329–330.

⁵⁴ Там же. С. 452.

которые ему приходилось испытывать. Гиндфорд жаловался на медлительность работы канцелярии и принятия решений императрицей и ее министрами. Посла беспокоило, что его корреспонденция подвергается перлюстрации⁵⁵. Возмущала дороговизна в стране и задержки с выплатой жалованья со стороны своего департамента. «Жизнь здесь крайне дорога, и моего жалованья не достаёт даже при аккуратной его выплате», – писал Гиндфорд госсекретарю 22 марта 1746 г.⁵⁶ По-видимому, его начальство не торопилось с выплатой жалованья, и посол должен был влезать в долги. «Я опять вынужден напомнить... о том плохом материальном положении, в котором я нахожусь, не имея даже кредита. ...Поэтому покорно прошу ваше превосходительство похотатайствовать за меня перед королем, чтобы получить от него повеление об уплате моих долгов», – докладывал Гиндфорд в другом своем послании⁵⁷. Посол жаловался, что из-за недостатка средств, которые ему крайне нерегулярно выплачивало казначейство, он порой не мог выполнять свою работу должным образом. Так, он писал госсекретарю, что вряд ли сможет сопровождать в Ревель императрицу, наравне с другими послами, поскольку его ресурсы не позволят совершить подобное путешествие.

Большие неудобства доставлял Гиндфорду суровый климат России. Уже в первые месяцы своего пребывания в стране он писал госсекретарю: «Хотя до сих пор я не могу пожаловаться на свое здоровье, но не прочь был бы оставить свой пост здесь, если бы его величество пожелал перевести меня куда-нибудь южнее...»⁵⁸. Когда же дело с заключением договора о субсидии застопорилось, Гиндфорд, как он выразился, «заболел сплином», написав Честерфилду, что более, чем когда-либо желает «переменить свою должность на другую в более теплом климате и при менее дорогом дворе...»⁵⁹.

Хотя жизнь британского посла в России, как оказалось, была непростой, но он сумел выполнить свою миссию успешно. И вскоре начальство откликнулось на его просьбу. В 1749 г. Гиндфорд покинул свой пост в России и возвратился на родину. Спустя три года его направили в Вену, где он прослужил в ранге посла до 1764 г. Это было последнее назначение дипломата. После дипломатической карьеры Гиндфорд

⁵⁵ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 102. СПб., 1898. С. 60, 461.

⁵⁶ Там же. С. 28.

⁵⁷ Там же. С. 28, 33, 251.

⁵⁸ Там же. С. 28.

⁵⁹ Там же. С. 210.

заялся делами военными: с 1764 г. вплоть до своей кончины в 1767 г. он занимал пост вице-адмирала Шотландии.

Анализ дипломатической переписки Гиндфорда с госсекретарем Великобритании показал, с одной стороны, незаурядные способности дипломата в ведении сложных переговоров, умение добиваться своих целей любыми способами, вплоть до шантажа и подкупа высокопоставленных российских чиновников, с другой – продемонстрировал истинные цели британской дипломатии: преследование собственных интересов, невзирая ни на какие союзнические договоренности. В результате подобной политики Великобритания сумела втянуть Россию в войну за чужие интересы. Депеши посла познакомили не только с профессиональной и разведывательной его деятельностью, но и с частной жизнью, что позволило составить более полное представление о жизни дипломатов в России. Наблюдения посла за расстановкой сил при дворе Елизаветы Петровны, а также ее высокопоставленными чиновниками дают возможность по-новому взглянуть на ряд фактов в истории дипломатии и российско-британских отношений середины XVIII в. в целом.

Библиографический список / References

1. Анисимов М.Ю. Елизавета Петровна. М., 2001 [Anisimov M.Yu. Elizaveta Petrovna [Elizabeth Petrovna]. Moscow, 2001.]
2. Антонова Л.В., Просвинова Т.А. История дипломатии России. М., 2010. [Antonova L.V., Prosvirova T.A. Istoriya diplomatii Rossii [History of Russian diplomacy]. Moscow, 2010.]
3. Григорьев Б.Н. Бестужев-Рюмин. СПб., 2013. [Grigoryev B.N. Bestuzhev-Ryumin [Alexey Petrovich Bestuzhev-Ryumin]. St. Petersburg, 2013.]
4. История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998. [Istoriya vneshnej politiki Rossii. XVIII vek (Ot Severnoj vojny do vojny Rossii protiv Napoleona) [The history of Russia's foreign policy. XVIII century (From the Northern War to the War of Russia against Napoleon)]. Moscow, 1998.]
5. Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. [Labutina T.L. Britanskie diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. St. Petersburg, 2019.]
6. Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. [Labutina T.L. Britancy v Rossii v XVIII veke [The British in Russia in the XVIII century]. St. Petersburg, 2013.]
7. Лабутина Т.Л. Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65 [Labutina T.L. Strategy and tactics of British diplomacy at the negotiations on the Union treaty with Russia in 1741. *Locus: People, Society, Cultures,*

- Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 51–65. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65 (In Rus.)]
8. Медведев Ю.С. Русско-английские отношения в середине XVIII века (1748–1763): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. [Medvedev Yu.S. Russko-anglijskie otnosheniya v seredine XVIII veka (1748–1763) [Russian-English relations in the middle of the XVIII century (1748–1763)]. PhD dis. Moscow, 2005.]
  9. Соловьев С.М. Сочинения. Книга XI. История России с древнейших времен. Т. 22. М., 1993. [Solovyev S.M. Sochineniya. Kniga XI. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen [Essays. Book XI. The History of Russia since ancient times]. Vol. 22. Moscow, 1993.]

Статья поступила в редакцию 22.01.2023, принята к публикации 15.03.2023
The article was received on 22.01.2023, accepted for publication 15.03.2023

Сведения об авторе / About of author

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва

Tatyana L. Labutina – Dr. Hab. In History, Professor; Chief Researcher, Head at the Center for the History of Intercultural Communications of the Countries of the West and East, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

О.А. Никонов

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Рефлексия Великобритании на создание советско-палестинского товарного рынка

Формирование товарного и потребительского рынка русских изделий в Палестине стало способом советского правительства преодолеть экономическую блокаду западных стран, возникшую после Первой мировой войны и революции, и методом оживления хозяйства страны. Поставки строительных материалов и энергоресурсов из СССР, как и закупки товаров традиционного палестинского экспорта, способствовали укреплению национальной торговой и промышленной буржуазии Палестины. Укрепление товарообменных связей Палестины и СССР стало угрозой для политического и экономического господства Великобритании в регионе. Для защиты своих позиций британские власти пошли на широкомасштабную кампанию по дискредитации советских хозяйственных структур, используя для этого политические провокации, необоснованные экономические санкции и рестрикции, масштабную информационную кампанию в СМИ. Локальный успех Великобритании, связанный с закрытием хозяйственных структур СССР в Палестине, тем не менее, не стал гарантией безопасности мандатного режима Великобритании в регионе. Прекращение официальной деятельности советских хозяйственных структур в Яффе не сказалось ни на стремлении национальной буржуазии Палестины иметь надежный источник востребованных на внутреннем рынке товаров, ни на готовности сельскохозяйственных производителей иметь постоянного потребителя своей продукции.

Ключевые слова: Палестина, Великобритания, СССР, внешнеторговые отношения СССР, советско-палестинский товарный рынок, АРКОС

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никонов О.А. Рефлексия Великобритании на создание советско-палестинского товарного рынка // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 109–129. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-109-129

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-109-129

O.A. Nikonov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

British reflection on the creation of a Soviet-Palestinian commodity market

The formation of the commodity and consumer market of Russian products in Palestine became a way for the Soviet government to overcome the economic blockade of Western countries that arose after the First World War and the revolution, and a method of reviving the country's economy. Supplies of construction materials and energy resources from the USSR, as well as purchases of traditional Palestinian exports, contributed to the strengthening of the national commercial and industrial bourgeoisie of Palestine. This aspect of the economic activity of the USSR in Palestine became an occasion for the British colonial administration to begin purposeful activities to oust a competitor. The strengthening of trade relations between Palestine and the USSR had become a threat to the political and economic dominance of Great Britain in the region. To protect their positions, the British authorities launched a large-scale campaign to discredit Soviet economic structures, using political provocations, unjustified economic sanctions and restrictions, and a large-scale information campaign in the media. The local success of Great Britain, associated with the closure of the economic structures of the USSR in Palestine, nevertheless, did not guarantee the security of the mandate regime of Great Britain in the region. The termination of the official activities of Soviet economic structures in Jaffa did not affect either the desire of the national bourgeoisie of Palestine to have a reliable source of goods in demand on the domestic market, nor the willingness of agricultural producers to have a permanent consumer of their products.

Key words: Palestine, Great Britain, USSR, foreign trade relations, commodity market, All-Russian Co-operative Society Ltd., ARCOS

FOR CITATION: Nikonov O.A. British reflection on the creation of a Soviet-Palestinian commodity market. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 109–129. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-109-129

По условиям Мудросского перемирия, заключенного 30 октября 1918 г. между Османской империей и странами Антанты, Великобритания, по существу, определила будущие границы своего мандата в Палестине. Юридическое оформление статуса в данном регионе потребовало от британского правительства почти четырех лет усилий, включая достижение выгодных условий соглашения в Сан-Ремо (19–26 апреля 1920 г.) и Севрского мирного договора (10 августа 1920 г.). Вместе с тем, для получения одобренного Лигой Наций мандата (22 июля 1922 г.) на управление Палестиной, пришлось признать ряд требований США, закрепляющих здесь принцип «открытых дверей» и обязательства Великобритании не наносить «ущерб гражданским и религиозным правам христиан и других нееврейских общин в Палестине» [9, с. 58–59]. Новый статус территорий предполагал относительную самостоятельность Палестины в хозяйственных делах, что открывало перспективы и для молодого советского правительства проявить к новому для себя региону повышенное внимание.

Палестина не входила в сферу деловых интересов дореволюционной России. Об этом свидетельствуют данные о торговой активности российских предпринимательских кругов в портах Яффы и Хайфы. До Первой мировой войны из России в Палестину совершалось не более 1 пароходного рейса с грузом с интервалом в 2 недели¹. Транзитная остановка в Яффе по пути из Одессы в Александрию вряд ли свидетельствовала об интересе предпринимателей России к расширению российско-палестинских контактов. Основной поток российских товаров восточного ассортимента (не предназначенных для Египта) шел на Стамбул и Бейрут (с дальнейшей транспортировкой в сирийские и иракские вилайеты Османской империи). Такое индифферентное отношение объяснялось двумя обстоятельствами. Во-первых, значительную часть российского экспорта на Восток составлял хлеб, а Палестина сама являлась вполне успешным регионом по производству сельхозпродукции. По свидетельству

¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 7. Д. 251. Л. 36.

исследователя Хасана Абу Руджейли, в начале XX в. урожайность обрабатываемых палестинскими феллахами наделов с гектара была выше, чем у соседних регионов [2, с. 139]. По статистике кооперативного общества «Ближний Восток» за 1921 г., в довоенное время из Палестины в «значительных объемах вывозилась пшеница, ячмень, хлопок, оливковое масло, фрукты...»². Во-вторых, следующие по значимости (объем–стоимость) товары: сахар, текстиль, керосин и др., – легко сбывались на контролируемых Россией рынках соседнего Ирана.

С окончанием Первой мировой войны и, особенно, после революции в России ситуация значительно изменилась. Прежде всего, возникла серьезная угроза экономической и политической блокады советского государства со стороны ведущих западных держав; во-вторых, небывалый национально-освободительный подъем народов бывшей Османской империи открывал перспективы создания здесь группы самостоятельных государств, способных вести собственную хозяйственную деятельность.

Для советского государства прорыв экономической блокады действительно имел критическое значение. Основной доход, который получала страна до Первой мировой войны, базировался на экспорте зерновых культур (до 48% всего вывоза по объемам и 45% по стоимости). При этом страны Западной Европы (Германия, Голландия, Италия, Великобритания и Франция) занимали до 80% всего экспорта³. Бойкот европейских государств наносил существенный урон валютным доходам страны. Экспорт текстильных товаров, составлявших значительные объемы поставок в страны Востока, также значительно сократился. По оценке специалистов Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), в 1920 г. российская легкая промышленность вырабатывала не более 14% от довоенного уровня, а экспорт текстильных изделий, базирующийся на импортном сырье, сократился почти в 2 тыс. раз⁴. Аналогичная картина наблюдалась в сахарном производстве (одна из «триад» русского восточного экспорта (нефтепродукты, текстиль, сахар)), где к 1920 г. площадь посевов сократилась на 75% (с 685,7 тыс. десятин), а производство продукции упало до 5% от довоенного уровня⁵.

В таких условиях выход РСФСР на новый (палестинский) потребительский и сырьевой рынок выглядел вполне перспективным. Вместе

² Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 993. Л. 2.

³ Там же. Оп. 10. Д. 8. Л. 8.

⁴ Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2262 (Московский государственный трест «Льно-Джут»). Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 10. Д. 8. Л. 8.

с тем, создание товарного рынка – дело весьма хлопотное и затратное. Необходимо иметь представления об объемах потребительского спроса, вкусах, ценах на внутреннем рынке партнера, конкурентах, потенциалах (номенклатура товаров и объемы поставок) туземного рынка, оценить собственные экспортные возможности и пр. Таких сведений, накопленных в предвоенный период, не хватало. Поэтому весьма заманчивыми стали выглядеть предложения об укреплении гуманитарного и коммерческого сотрудничества РСФСР со странами Ближнего Востока, поступившие в адрес советского правительства со стороны третьих лиц. Несмотря на всю курьезность и даже утопичность таких предложений, на них стоит остановиться особо. Так, после проведения в 1919 г. Евангельского Конгресса был организован «Союз Евангельских коммунистов», который задался целью организовать евангельские коммунистические общины на Западе и Востоке «для общей борьбы и освобождения народа как от капиталистического насилия, так и от духовной нищеты»⁶. В августе 1920 г. уполномоченный Союза в письме на имя Наркомата иностранных дел (НКВД) РСФСР предлагал создать из Евангельских сект одну «Евангелистическую коммунистическую общину» для пропаганды и информированности трудящихся. Основные усилия Общества предполагалось направить как раз на государства Востока. Отмечая, что «для христианских сект не существует расовых или вероисповедальных различий», уполномоченный предлагал начать работу по созданию в Палестине, Ираке и Сирии условий к переходу от «христианского коммунизма к государственному»⁷. Весьма показательно заключение автора письма: «Для достижения полной победы и торжества трудящихся над капитализмом все средства хороши...»⁸. В письме от 25 августа 1920 г. тот же уполномоченный Союза предлагал развивать «агитацию и проникающую информацию» в Сирии, Аравии, Месопотамии, Северной Африке и Египте для «освобождения и социального движения на Востоке»⁹. Предполагалось, что союз трудящихся РСФСР с этими странами сможет преодолеть расовые, религиозные и культурные различия и стать основой для дальнейшего взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Удивительно, что обращение пришло к власти, которая одной из главных своих задач провозгласила последовательную борьбу с религией. Как отмечал в статье «Социализм и религия» В.И. Ленин, «религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04 (Фонд Г.В. Чичерина (архив Чичерина)). Оп. 18. Папка 110. Д. 50663. Л. 52.

⁷ Там же. Л. 52–53.

⁸ Там же. Л. 53.

⁹ Там же. Л. 54.

массах... Религия есть опиум народа»¹⁰. Конечно, на первых порах в отношении религиозных общин меры преследования в РСФСР не применялись, но рассчитывать на долгосрочное сотрудничество было поистине наивно. Еще одним сдерживающим аргументом стал факт небольшого количества христиан (не более 16%) в Палестине, компактно приживающихся в крупных городах: Яффа, Иерусалим, Вифлеем, Назарет и Хайфа [11, р. XXI].

Другим предложением об организации товарных отношений РСФСР со странами Ближнего Востока, включая Палестину, стало предложение общества «Гехолуц». Здесь уместно отметить, что идея создания общества возникла еще в 1902 г. на II (Минском) съезде сионистов России. Основная его задача сводилась к подготовке и переселению в Палестину молодых людей из империи, а также к урегулированию вопросов работы колонистов в Палестине, деятельности Еврейского колониального банка и т.п. [4, с. 92]. После революции 1917 г. и прихода к власти большевиков деятельность общества активизировалась. В частности, в январе 1919 г. его основатель И.В. Трумпельдор предложил использовать революционный настрой большевиков для реализации поставленных целей. Дело в том, что с момента возникновения Всемирной Сионистской организации (ВСО), ее правление стремилось заручиться поддержкой «сильных мира» для реализации своего проекта «национального очага». ВСО последовательно обращалось к правительствам Великобритании, Германии, Османской и Российской империй. Итог этих обращений до Первой мировой войны не принес ощутимых дивидендов. Однако с началом боевых действий свет увидели соглашение Сайкса–Пико и знаменательный «Меморандум Бальфура», которые, по сути, санкционировали создание основ еврейской государственности в Палестине под крылом Великобритании. Одновременно, в довоенные и военные годы, шло довольно заметное переселение евреев на «историческую» родину, отчего предложение общества «Гехолуц» не выглядело беспочвенным¹¹.

¹⁰ Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. М., 1968. С. 142–143.

¹¹ Так, если в 1883 г. евреев в Палестине насчитывалось всего 27 тыс. чел., то к окончанию Первой мировой войны число еврейских колоний-общин достигло 21, где проживало более 50 тыс. чел. [6, с. 98]. Динамика еврейского переселения в Палестину впечатляла. По официальной статистике, в 1920 г. число евреев достигло 60 тыс. человек, с 1920 по 1929 г. въехало около 100 тыс., с 1929 по 1934 г. – переселилась 91 тыс. и в 1935 г. – еще 62 тыс. человек. Неудивительно, что с учетом естественного демографического роста к 1936 г. еврейская диаспора стала занимать 30% проживающих в Палестине [8, с. 44]. Это стало возможным благодаря деятельности Еврейского колониального банка (основан в 1901 г.), Англо-Палестинского банка (основан в 1902 г.), Палестинского агентства в Яффе (основан в 1908 г.) и других структур, в чью задачу входило создание аграрных и промышленных предприятий, находящихся в собственности еврейского народа.

Нельзя не учитывать и еще один аспект – международный. Установление британского контроля в регионе стало серьезным раздражителем для большевистского руководства тех лет. Заведующий отделом Ближнего Востока НКВД Н. Нариманов в марте 1920 г. выступил с откровенным обвинением в адрес хозяйственных органов страны в бездейственности в отношении стран Ближнего Востока. Он отмечал, что «год тому назад мы могли сказать: весь мусульманский Восток с нами, теперь, к великому сожалению, приходится сказать: Восток все более и более отворачивается от нас потому, что мы вовремя не могли связаться с ним»¹². Главной причиной такого состояния Нариманов считал политику Великобритании: «Англия, убив первого конкурента на Востоке – Германию, связав нас с внутренней контрреволюцией, стала хозяйничать на Востоке. И теперь, когда индийское правительство трубит о красной опасности на Востоке, Англия неизменно действует по определенному пути: открыть нам европейский рынок для того, чтобы мы не занимались восточным вопросом вообще и его рынком в частности»¹³. Призыв Нариманова сводился к немедленному расширению торгово-экономических связей с ближневосточным регионом любыми средствами как способ поддержания туземных национально-настроенных сил и как средство борьбы с британской колониальной политикой.

Об этих курьезных предложениях можно было бы и не упоминать в контексте истории становления торговых отношений Советской России и Палестины, если бы не одно «но»: в политических, а особенно дипломатических и внешнеторговых структурах государства обосновалась целая плеяда лиц, которые мыслили и действовали в парадигме «всемирной коммунистической революции». Весьма показательно признание первого полномочного представителя СССР в Иране Б.З. Шумяцкого, сделанное много позже: «Мы тогда еще не занимались экономическим экспортом, а потому, если что и экспортировали в эти страны, так это наши политические идеи»¹⁴.

Вместе с тем, потребность в организации экспортно-импортных операций с ближневосточным регионом была очевидна. В апреле 1922 г. увидели свет тезисы статьи известного экономиста, профессора Я.М. Букшпана, до этого работавшего на кафедре политэкономики Санкт-Петербургского политехнического института. В 1921–1928 гг. Яков Маркович Букшпан возглавлял бюро мирового хозяйства ВСНХ,

¹² Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 510. Л. 15.

¹³ Там же.

¹⁴ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 2. Д. 1678. Л. 142.

был редактором бюллетеня «Народное хозяйство», отчего его мнение было авторитетным. Он отмечал, что для восстановления внешнеторговой политики новой России необходимо определить «основную группировку товаров»¹⁵, которую подлежит регулировать государству. Среди товаров для вывоза он выделял «контингируемые товары» (хлеб, лен, каменный уголь, пенька и пр.), а также отмечал группу товаров, «желательных к вывозу» (в лицензионном порядке): сахар, керосин, бензин, лес, резиновые изделия, соль и пр. (всего 14 наименований), с которыми РСФСР может попытаться организовать товарные и потребительские рынки в зависимых от иностранцев странах¹⁶. Для успешной организации дела он предлагал создать специальное акционерное общество в виде Экспортного банка¹⁷.

Казалось бы, внешнеполитические цели, экономические потенциалы и настрой политического и хозяйственного руководства РСФСР однозначно задавали вектор к усилению российско-ближневосточного сотрудничества.

Однако благоприятная политическая конъюнктура для установления российско-палестинских торгово-экономических отношений, между тем, имела ряд очевидных и не очень препятствий. Прежде всего, это отсутствие у Советской России необходимого флота для организации товарообменных операций. Из отчета ревизионной комиссии, обследовавшей с конца 1919 г. Черноморский флот по заданию народного комиссара внешней торговли Л.Б. Красина, следовало, что в ходе Первой мировой и гражданской войн Россия потеряла на Черном море 223 единицы (из 280), а самому «молодому» судну «Хоста» на момент обследования (1921 г.) исполнилось 10 лет¹⁸. Кроме того, РСФСР физически не могла откликнуться на запросы восточных купцов в силу блокировки черноморских проливов частями англо-французских ВМС. Заместитель Красина М.И. Фрумкин отмечал по этому поводу: суда через проливы могли пройти под флагами всех наций, «кроме русского, германского, австрийского, болгарского и венгерского»¹⁹.

Наконец, российский ближневосточный партнер – Турецкая республика, с которой в марте 1921 г. было заключено соглашение, предполагавшее всеобъемлющее восстановление консульских, почтовых,

¹⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 3429 (Высший Совет народного хозяйства СССР (ВСНХ)). Оп. 2. Д. 817. Л. 2а.

¹⁶ Там же. Л. 2а–4.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 7. Д. 239. Л. 130–132.

¹⁹ Там же. Д. 170. Л. 2.

экономических и пр. отношений (ст. XIV)²⁰, испытывала определенные трудности в налаживании контактов со своими бывшими территориями, населенными по преимуществу арабами. Как отмечал в 1923 г. Я.З. Суриц, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Турции, вопрос взаимоотношений Турции с арабами стоит «совершенно особняком»²¹. Яков Захарович подчеркивал, что правительства Йемена, Триполитании, Месопотамии, Иордании, Египта, Хиджаза и пр., «опирающиеся всецело на англичан – враждебны Турции»²². Палестина, которая по конституции 1922 г. должна была управляться законодательным советом, по существу, подчинялась совещательному комитету, состоявшему из 14 чиновников, поскольку парламентским выборам, намеченным на 1923 г., арабское население объявило бойкот. В итоге, во главе Совета стоял британский верховный комиссар, что с учетом турецко-британских (из-за Мосула) и турецко-арабских противоречий (в связи с идеей создать арабский халифат, во главе которого встанет представитель семьи шерифа Мекки Хусейна аль-Хашими), не позволяло российской дипломатии педалировать идеи, связанные с расширением рабочих (интернациональных), религиозных (христианских, мессианских) и национальных связей и отношений. В этой связи весьма показательна реакция Красина на подобные инициативы. Так, в 1923 г. Шумяцкий предлагал созвать конференцию народов Востока и создать «альянс красных купцов и политиков с восточными купцами»²³. Ответ наркома был весьма ясным и жестким: «Легче на поворотах – должно быть нашим лозунгом»²⁴.

Безусловно, совершенно отказываться от возможностей, помимо государственных, иметь прямые контакты с представителями туземного бизнеса не входило в планы советского правительства. Так, в 1924 г. между главой НКВД Г.В. Чичериными и заместителем главы НКВД В.А. Аванесовым обсуждался вопрос об установлении связи между рабочими организациями Палестины и советскими хозорганами по экспорту в Палестину леса, цемента и нефтепродуктов²⁵. Речь шла об инициативах ЦК Всероссийской трудовой организации «Гехолуц»

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. III. 1 июля 1920 – 18 марта 1921 г. М., 1959. С. 601.

²¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 1551. Л. 217.

²² Там же.

²³ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 2. Д. 1678. Л. 141.

²⁴ Там же. Л. 138.

²⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 1674. Л. 108.

включить в состав палестинских контрагентов основных российских поставщиков («Нефтесиндикат», «Цементо-трест», «Волго-Каспийский лес», «Госиздат» и пр.) палестинские трудовые организации в лице их хозяйственных представителей – «Хаврат Овдим» и синдиката строителей «Сошел Боне»²⁶. Свою инициативу «Гехолуц» обосновывал тем обстоятельством, что палестинские рабочие коллективы предъявляют спрос на сравнительно небольшие партии леса, отчего лесозэкспортные органы СССР, ведущие сбыт крупным оптом, обходят их. Из-за этого рабочие коллективы вынуждены покупать лес через посреднические фирмы по более высокой цене. Примечательно, что Чичерин в письме Аванесову от 24 сентября 1924 г. высказался вполне однозначно: «Считая политически целесообразным поощрять хозяйственные связи рабочих организаций Палестины с нашими хозорганами, я полагал бы нужным пойти навстречу “Гехолуца”»²⁷.

Тем не менее, в 1923 г. советское правительство избрало более нейтральную, и, как казалось, более надежную практику, – задействовать в Палестине зарегистрированное в Лондоне Всероссийское кооперативное акционерное общество АРКОС. В определенной степени на выбор хозяйственного инструмента оказало влияние растущее арабо-еврейское противостояние. Первые публичные шаги против еврейской иммиграции были предприняты арабами-палестинцами еще в 1908 г., когда в Хайфе, Яффе и Иерусалиме стали издаваться газеты «Аль-Кудс» и «Аль-Асмаь» с призывом бороться с растущей еврейской иммиграцией. В 1909 г. арабские газеты «Аль-Кармель» и «Фаластын» прямо выступили с призывом к объединению арабов против усиления сионистской практики захвата палестинской собственности. В 1919–1920 гг. в Хайфе и Галилее прокатилась волна столкновений между арабскими феллахами и охраной еврейских сельскохозяйственных поселений [7, с. 188]. В таких условиях втягиваться открыто в этноконфессиональное противостояние для советского правительства было опрометчиво. Надо отметить, что через отделение АРКОС в Константинополе только за 9 месяцев 1923 г. удалось наладить поставки в Яффу 250 т цемента на сумму 596 фунтов стерлингов и 1050 куб. м пиленого строительного леса на сумму 2718 фунтов стерлингов²⁸.

В ноябре 1923 г. в крупнейший палестинский порт Яффа был командирован представитель правления АРКОС Л.А. Глейзер для учреждения

²⁶ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 1674. Л. 110.

²⁷ Там же.

²⁸ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 1551. Л. 106.

здесь представительства. 1 декабря 1923 г. контора была открыта и в январе 1924 г. зарегистрирована официальными палестинскими властями²⁹. Возникновение хозяйствующей структуры, имеющей выход на средиземноморско-черноморские коммуникации, открывало перспективы к интенсификации торгового оборота. Поэтому в том же году член торговой делегации Российской восточной торговой палаты (РВТП) И.С. Лавров, посетивший Турецкую республику и представлявший интересы «Волго-Каспийского леса», совершил ознакомительную экспедицию в Яффу. Целью командировки было знакомство с импортными потребностями палестинского рынка и установление непосредственных контактов с местными торговыми фирмами. Нужно отметить, что приезд советского представителя не стал неожиданностью. Отмечая хороший прием, который ему был оказан администрацией Яффы, коммерческими кругами и рабочими организациями, Лавров указывал на «распространение среди них газет “Правда”, “Известия” и др.»³⁰, что способствовало первичному знакомству местного рынка с советскими предложениями. 26 мая 1924 г. на встрече с представителями фирм, занимающихся импортом леса, Лаврову удалось договориться о заключении контрактов «Волго-Каспийского леса» с туземными предпринимателями [5, с. 308]. В письме на имя Сурица об итогах переговоров Лавров писал: «Своим пребыванием в Палестине сумели доказать коммерческим кругам, что советская промышленность не только окрепла, но и изделия ее по своему качеству не уступают другим конкурентам»³¹.

Достигнутые договоренности удалось реализовать уже в июне 1924 г., когда между «Волго-Каспийским лесом» и палестинской фирмой «Ориент» был заключен контракт на поставку не менее 3 тыс. куб. м сосновых досок и 500 тыс. ящиков для апельсинов общей стоимостью 32 тыс. фунтов стерлингов³². Центральное лесо-экспортное бюро Совета трестов и деревообрабатывающей промышленности ВСНХ СССР утвердило этот договор, а для более надежной реализации посоветовало направить в Яффу специального куратора для сопровождения сделки»³³.

²⁹ Российский государственный архив экономики. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркас» на Ближнем Востоке). Оп. 3. Д. 16. Л. 163.

³⁰ Там же. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 1515. Л. 29.

³¹ Там же. Оп. 10. Д. 657. Л. 6.

³² Российский государственный архив экономики. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркас» на Ближнем Востоке). Оп. 3. Д. 88. Л. 54; Там же. Ф. 3405 (Совет трестов лесной и деревообрабатывающей промышленности ВСНХ СССР). Оп. 1. Д. 612. Л. 166.

³³ Там же. Ф. 3405 (Совет трестов лесной и деревообрабатывающей промышленности ВСНХ СССР). Оп. 1. Д. 611. Л. 144–145.

Своевременная доставка в Палестину российской древесины, а также высокое качество материалов привели к оживлению на местном рынке, в результате чего были получены новые заказы на поставку в Яффу до 42 тыс. куб. м лесоматериалов³⁴. В июне 1924 г. в Яффу из Новороссийска на пароходе «Эльбрус» была поставлена дополнительно партия в 1 тыс. куб. м леса [5, с. 309].

Успех отечественных производителей лесоматериалов способствовал положительной динамике товарооборота и расширению списка российских поставщиков. Помимо «Волго-Каспийского леса», в торговых поставках древесины приняло участие акционерное общество «Севзапгосторг» (7,5 тыс. куб. м строевого леса), Уральские заводы (250 тыс. комплектов ящиков под апельсины) и др. Палестинские фирмы («Ориент», «Захария» и др.), заинтересованные в долгосрочных поставках, обратились в 1925 г. в контору АРКОС в Яффе с предложением контракта на 100 тыс. куб. м леса сроком на 2 года³⁵.

К 1927 г. отечественные лесоматериалы заняли основное место в экспорте СССР в Палестину. В коммерческой деятельности АРКОС сделки с лесом в Палестине достигли 70% всех сделок по стоимости и 53% сделок АРКОС со всеми странами Ближнего Востока.

Другим востребованным российским товаром стал цемент. О возможностях поставок цемента еще в ноябре 1921 г. докладывал в НКВТ уполномоченный в Константинополе Б.Ю. Кудиш. Он подчеркивал, что «некоторые виды сырья (табак и цемент), не находя в данный момент никакого сбыта в Лондоне, могут быть довольно успешно реализованы на Ближневосточных рынках, в частности, в Египте и Палестине»³⁶.

Пробная партия цемента на палестинском рынке в размере 32 т была реализована в 1922 г. Как отмечали отечественные наблюдатели, «т.к. качество новороссийского цемента лучше других цементов, то сбыт обеспечен...»³⁷. Прогноз оправдался, и в 1922/1923 операционном году на палестинский рынок поступило 459 т цемента. В 1923/1924 г. было доставлено уже 990 т, что составило 12% всего экспорта СССР в Палестину [3, с. 964]. Еще одна партия цемента в 500 т прибыла в Яффу из Новороссийска летом 1924 г. [5, с. 309]. По отчетам АРКОС, за 16 месяцев работы на ближневосточных

³⁴ Российский государственный архив экономики. Ф. 8317 (Всесоюзная Восточная торговая палата). Оп. 1. Д. 20. Л. 12; Там же. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1738. Л. 88.

³⁵ Торговые известия. 1925. 25 июня.

³⁶ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 1174. Л. 277–278.

³⁷ Там же. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Оп. 3. Д. 16. Л. 24.

рынках (с мая 1924 по сентябрь 1925 гг.) совокупный объем сделок с палестинскими предпринимателями составил 195 тыс. фунтов стерлингов, из которых 75% приходилось на палестинские нужды и только 25% реэкспортировалось в Сирию и Египет. Обратим внимание: в январе-июне 1925 г. по соглашению с «Новоросцементом» «Руссотюрк» ввез в Палестину 30 тыс. т цемента³⁸, что, учитывая годовое потребление цемента в Палестине в пределах 70 тыс. т³⁹, позволяет говорить о превращении СССР в основного поставщика строительных материалов в Палестину.

1924 г. стал вполне успешным для товарооборота Палестины и СССР. Не случайно, что в ноябре 1924 г. произошло совместное совещание всех заинтересованных лиц в укреплении связей СССР с Ближним Востоком – нарком НКВД (Г.В. Чичерин), полпред в Великобритании (Л.Б. Красин), заведующий отделом Ближнего Востока (С.К. Пастухов). Обсуждали вопрос «Об экономическом проникновении в подмандатные страны». Было вынесено следующее решение: «Попытаться учредить в Месопотамии, Сирии и Палестине агентства АРКОС, во главе которых должны быть поставлены по согласованию между НКВД и НКВТ, товарищи, которые могли бы быть фактическими политическими и торговыми представителями СССР»⁴⁰. Весьма любопытно на это решение отреагировал Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ). Он выступил резко против расширения контактов в ближневосточном регионе, считая, что СССР вторгается в сферу чужих интересов, не имея при этом серьезных резервов и поддержки в туземной среде. Как показала практика, данный скептицизм имел под собой реальную почву.

Тем не менее, с 1924 г. СССР становится активным участником товарного рынка Палестины. В определенной степени популяризации российской номенклатуры товаров способствовали Ближневосточные торгово-промышленные ярмарки-выставки. Если на первой выставке (1924 г.) в Яффе российское участие было довольно скромным, то на второй (7 октября – 15 ноября 1925 г.) товары из СССР заняли ведущее место на фоне продукции из Сирии, Румынии, Палестины, Египта и Германии⁴¹.

³⁸ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 2144. Л. 33–34.

³⁹ Там же. Л. 16–17.

⁴⁰ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 1728. Л. 71.

⁴¹ Там же. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Оп. 1. Д. 641. Л. 242–243.

Организатором выставочного павильона советских товаров выступил АРКОС, координатором – РВТП. По запросу АРКОС в Яффу были направлены экспонаты «Химтреста», «Металлотреста», «Продасиликата», «Нефтесиндиката», «Сахаротреста», «Спичсиндиката» (около 30 объединений). Вполне справедливым выглядит мнение доверенного АРКОС по Палестине, Сирии и Египту: «Палестина страна ввоза, и потому для местного населения представит интерес не только то, что СССР может экспортировать, но и все, что СССР производит. Все, имеющееся в СССР, представляет интерес для Палестины, и чем полнее будет русский павильон, тем меньше будет разговоров об отсутствии в СССР товаров и невозможности экспортировать»⁴². Другими словами, Палестина могла стать не только пунктом конечной доставки, но и серьезным перевалочным узлом для поставок в Сирию, Ливан и Ирак. Неслучайно поэтому весной 1925 г. объединение «Сельмаштрест» отправило в Яффу первую партию плугов⁴³, а в июле «Экспортуголь» выслал по требованию АРКОС 100 т различных сортов каменного угля⁴⁴.

Нужно сказать, что подготовительная работа по организации выставочного павильона была исполнена на высоком профессиональном уровне. Были подготовлены каталоги и прейскуранты цен, спецификации товаров, кино-, фото- и другие иллюстративные материалы на английском, арабском и еврейском языках. Было использовано редкое на тот момент новшество – словесные пояснения гидов, набранных из штата АРКОС, о существе представленных экспонатов. Палестинские газеты, как, впрочем, и посетители экспозиции отмечали, что АРКОС оказался единственным предприятием, могущим «импортировать все, что нужно Палестине»⁴⁵. Весьма примечательным является факт распространения на выставке анкеты, состоящей из 11 пунктов. Среди вопросов, предъявляемых посетителям, имелись такие: насколько товары советской промышленности отвечают потребностям и вкусам посетителей; для каких представленных на выставке товаров обеспечен сбыт на местных рынках; какие затруднения встречаются в сбыте советских товаров и что нужно сделать для их устранения; что могут экспортировать арабские фирмы в СССР и каковы их экспортные ресурсы и т.п.⁴⁶

⁴² Российский государственный архив экономики. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Д. 552. Л. 413.

⁴³ Известия. 1926. 25 мая.

⁴⁴ Российский государственный архив экономики. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Оп. 3. Д. 83.

⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 641. Л. 232.

⁴⁶ Там же.

С момента открытия выставки павильон с советскими товарами ежедневно посещали от 500 до 1500 человек⁴⁷. Яффская газета «Торговля и промышленность» посвятила обзору результатов выставки большую передовицу «Советская промышленность на выставке Ближнего Востока». Отмечая высокую заинтересованность местного населения в знакомстве с советскими товарами, газета писала: «АРКОС отнесся к своему участию на нашей выставке с большим вниманием и серьезностью, обставив свой павильон достаточно полно и разнообразно, ежедневно пополняя его новыми экспонатами, по мере их прибытия»⁴⁸.

Следует отметить, что успех отечественных производителей на выставке в Яффе имел двоякие последствия. С одной стороны, значительно расширился ассортимент поставляемых в Палестину товаров. Так, через палестинское представительство АРКОС с мая 1925 г. стал поставлять спички российский «Спичсиндикат». В 1926/1927 хозяйственном году было поставлено 800 ящиков спичек, в 1927/1928 г. – 9,2 тыс. ящиков, в 1928/1929 г. – 22,4 тыс. ящиков спичек [10, с. 895–896]. Во время выставки от местных фирм поступили заказы на партии образцовых товаров, среди которых лесоматериалы (42 тыс. куб. м), цемент, химические продукты, спички, зерновые, скот, картофель, мука, посуда, парфюмерные изделия⁴⁹. Помимо АРКОС, российскую продукцию стали ввозить по контрагентским соглашениям русско-турецкого общества «Руссотюрк». В результате деятельности общества на палестинские рынки стали проникать, помимо вышеозначенных товаров, металлические, фарфорово-фаянсовые, льно-джутовые изделия, стекло, асбест, продукты питания, сахар, яичный лес и соль.

Во-вторых, через палестинское представительство стали поступать заказы к отечественным синдикатам от жителей соседних регионов. В частности, 7 сентября 1925 г. в отделение АРКОС в Яффе обратился влиятельный сирийский купец М. Эзедин с просьбой оказать содействие в организации поставок нефтепродуктов из Батуми и Новороссийска на Ближний Восток⁵⁰. Спустя 2 месяца бейрутский купец Абд-Аль-Кадер Итани заявил о желании его фирмы приобрести на советском рынке строительный лес, цемент, спички, сахар, муку и некоторые другие

⁴⁷ Торговый бюллетень Торгового представительства СССР в Турции. Стамбул, 1925. Декабрь. С. 40.

⁴⁸ Российский государственный архив экономики. Ф. 3429 (Высший Совет народного хозяйства СССР (ВСНХ)). Оп. 3. Д. 3770. Л. 445; Там же. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Оп. 3. Д. 72. Л. 93–94.

⁴⁹ Там же. Ф. 8317 (Всесоюзная Восточная торговая палата). Оп. 1. Д. 34. Л. 17.

⁵⁰ Там же. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Оп. 3. Д. 44. Л. 56, 72.

товары для их реализации на сирийско-ливанском рынке [5, с. 316]. В соответствии с заключенными на выставке контрактами, в конце 1925 г. из Батуми в Яффу и Бейрут отгрузку 2 тыс. т керосина осуществил «Нефтесиндикат»⁵¹. По существу, именно с этих поставок российские нефтепродукты становятся неотъемлемой частью импортной конъюнктуры Палестины, Египта и Сирии. Неудивительно, что на совещании, проходившем 12 февраля 1926 г. по промышленному экспорту при Президиуме ВСНХ СССР, было принято решение о необходимости организации нефтяных инсталляций «Нефтесиндиката» в этих арабских странах⁵².

Итоги выставки, которые подводились на заседании РВТП 26 февраля 1926 г., констатировали формирование вполне устойчивого товарного рынка в Палестине, а также выявили ряд препятствий для дальнейшего расширения сотрудничества. Среди таких препятствий значились высокие фрахты для морских перевозок, недостаточная финансовая обеспеченность заключаемых контрактов и пр.⁵³

Для исправления выявленных недостатков были сделаны конкретные шаги. Во-первых, для финансовой стабильности заключаемых сделок в Яффе было открыто представительство Внешторгбанка СССР. Во-вторых, приложены усилия по снижению фрахтов и созданию надежной связи пароходов «Совторгфлота» с портами Палестины. Свое отделение в Яффе «Совторгфлот» учредил в конце 1924 г. В ноябре 1925 г. сеть агентств расширилась за счет открытия субагентства в Александретте⁵⁴. Итогом такой политики стало увеличение регулярных пароходных рейсов между Яффой и Хайфой и портами Новороссийска и Одессы. Так, в 1924 г. Яффу и Хайфу посетили 12 советских пароходов, в 1925 г. – 34. С 1927 г. грузооборот между СССР и Палестиной, Турцией, Сирией и Египтом стал обслуживаться только пароходами «Совторгфлота»⁵⁵.

Нельзя сказать, что увеличение товарного экспорта из СССР в Палестину носило колониальный характер. В обратном направлении шли товары традиционного палестинского экспорта. Закупались апельсины, лимоны, миндаль, сезамовое семя. Предпринимались шаги по заключению контрактов на импорт арабского хлопка, какао, дубильных веществ.

⁵¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 2309 (Всесоюзный нефтяной торговый синдикат ВСНХ СССР (Нефтесиндикат)). Оп. 4. Д. 100. Л. 8.

⁵² Там же. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркас» на Ближнем Востоке). Оп. 3. Д. 72. Л. 93.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Российский государственный архив экономики. Ф. 7795 (Всесоюзное объединение «Совторгфлот» на Ближнем Востоке). Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

⁵⁵ Там же. Ф. 3429 (Высший Совет народного хозяйства СССР (ВСНХ)). Оп. 3. Д. 2107. Л. 3.

За 1923 г. из Палестины в СССР было ввезено товаров на сумму 4 935 265 египетских фунтов стерлингов (более 4,8 млн британских фунтов стерлингов)⁵⁶. Примечательно, что товаропоток данной продукции имел положительную динамику не только в стоимости, но и в объемах. Если в 1924 г. было закуплено всего 3 тыс. ящиков апельсинов, то в 1925 г. поставки достигли 15 тыс. ящиков апельсинов и 2 тыс. ящиков лимонов⁵⁷. Кроме того, значительно расширилась предпринимательская клиентура. В ведомости покупателей АРКОС за 1925–1926 гг. насчитывался 81 контрагент. Весьма важным в данной связи является замечание современного историка М.А. Агапова о том, что среди российских партнеров только три (Юсуф Яффа эль Джани, Саид Бешара и Ала-Беиль) были арабами, все остальные представляли «еврейский сектор палестинской экономики» [1, с. 32]. Есть еще один аспект товарных поставок из СССР: строительный лес, цемент и пр. материалы в определенной степени были задействованы не только для решения текущих нужд местных потребителей, но и для создания здесь основ собственной промышленной базы. Примером тому служит запрос палестинских предпринимателей на 2 тыс. т цемента для строительства цементного завода в Хайфе в конце 1923 г.⁵⁸ В целом, при значительных поставках стройматериалов и оборудования из СССР всего за десятилетие количество фабрик и мастерских в Палестине увеличилось более чем в 4 раза. По отчетам британской статистики, на начало Первой мировой войны здесь насчитывалось 1236 производств, а уже к началу 1930-х гг. было открыто 5300 предприятий, включая гидроэлектростанцию на р. Иордан («Палестайн Электрик Ко.»), «Нешер» (производство цемента), «Палестайн Поташ» (добыча соли) и др. [8, с. 47].

Обратной стороной укрепления торговых связей СССР и Палестины стало осуществление пессимистического пророчества Народного комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции (НК РКИ) – усиление политического давления и возникновение провокаций в отношении советских структур со стороны британских властей. Первый звонок прозвенел еще в мае 1924 г., когда по Яффе прокатилась волна антианглийских забастовок. Вину за организацию акции британские власти возложили на внешнеторговые органы СССР. Следующая провокация была связана с убийством двух английских солдат недалеко от Иерусалима. По случайности, накануне этой трагедии представительство АРКОС получило

⁵⁶ Российский государственный архив экономики. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Оп. 1. Д. 152. Л. 40.

⁵⁷ Там же. Оп. 3. Д. 83.

⁵⁸ Российский государственный архив экономики. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 1740. Л. 1.

из Стамбула 30 фунтов стерлингов на текущие расходы (294 червонца золотом), что дало повод пробританским властям и прессе обвинить АРКОС в подстрекательстве на «восстание палестинцев против английских войск»⁵⁹. Этот случай вынудил доверенного АРКОС в Палестине Э.С. Гольцмана просить Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ) быть особенно внимательным при отправке товаров, денежных переводов и почты в адрес агентства⁶⁰.

Другим примером давления стала блокировка товарных поставок из СССР под надуманным предлогом. В частности, осенью 1925 г. полицейскими силами порта Яффа дважды была приостановлена отгрузка скота, якобы из-за запрета ветеринарного управления Палестины. Пришлось приложить немало усилий, чтобы запрет был снят⁶¹.

Наконец, без объяснения причин британские власти стали высылать из страны торговых представителей СССР (причем без паспортов и билетов), насильно водворяя их на советские суда. В январе 1926 г. таких лиц было трое, в мае – пятеро, в августе – 16⁶². Апогеем антисоветской вакханалии стали обыски (март 1926 г.) в конторе АРКОС и запрет деятельности представительства с 16 марта. 25 марта 1926 г. уполномоченного АРКОС Л.А. Глейзера было решено выслать из страны по обвинению в занятиях «политической деятельностью»⁶³.

Попытка сотрудника апеллировать к международному праву и указание на бездоказательность обвинений ни к чему не привели. Провалом закончилась и попытка обратиться в местный палестинский суд. Министр по делам колоний Великобритании Л. Эмери объяснил свои действия в стиле современного “highly likely”. Признавая, что «представитель АРКОСа не был выслан за антибританскую пропаганду, но, тем не менее, британское правительство принимает меры к недопущению его в Палестину»⁶⁴. В защиту советского представителя выступили члены Торговой палаты Яффы, но их мнение в расчет не было принято, решение о высылке Глейзера осталось в силе, и 6 мая 1926 г. контору АРКОС в Палестине пришлось закрыть.

⁵⁹ Российский государственный архив экономики. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Оп. 1. Д. 4. Л. 68.

⁶⁰ Там же. Ф. 413 (Народный комиссариат внешней торговли СССР). Оп. 3. Д. 2126. Л. 1.

⁶¹ Там же. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Оп. 1. Д. 641. Л. 234.

⁶² Документы внешней политики СССР. Т. IX. 1 января – 31 декабря 1926 г. М., 1964. С. 148.

⁶³ Российский государственный архив экономики. Ф. 3270 (Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке). Оп. 3. Д. 116.

⁶⁴ Там же. Д. 124.

Протест на имя министра иностранных дел Д.О. Чемберлена на действия британских властей в Палестине был подан полномочным представителем СССР в Лондоне Д.В. Богомоловым⁶⁵, но остался без вразумительного ответа. Весьма примечательно, что когда на 8-м заседании международной экономической конференции в Женеве (7 мая 1927 г.) председатель советской делегации В.В. Осинковский предложил рассмотреть вопрос об уничтожении «системы протекторатов и мандатов, вывод войск из колоний и предоставление всем народам свободы и политического и экономического самоопределения»⁶⁶, последовала незамедлительная реакция британского правительства. Все прошло по отработанной схеме: 12 мая английская полиция провела в лондонском представительстве АРКОС и Торгпредстве СССР обыск, на что 17 мая последовала нота протеста СССР, что, в свою очередь, привело к решению Форин-офис о закрытии представительства и разрыве дипломатических отношений Лондона и Москвы. Конечно, англо-русские противоречия в Палестине не стали основным поводом для «заморозки» межгосударственных контактов: были спорные вопросы по Китаю, Ираку, Ирану, проблемам европейского взаимодействия и пр. Однако именно ближневосточные проблемы взаимодействия Великобритании и СССР стали особенно болезненными.

Анализ вышерассмотренных событий позволяет сделать вполне очевидные выводы. Прежде всего, пока российские власти в Палестине не выходили за рамки «колониальной» торговой практики (ввоз товаров широкого потребления в обмен на местные сельскохозяйственные товары и полуфабрикаты), британские власти воспринимали отечественные институты как назойливых, но не опасных конкурентов. Типичная русофобия, взлелеянная еще со времен Петра I, не становилась возбудителем активных антисоветских действий. Напротив, как только деятельность российских структур стала создавать условия для формирования национальной буржуазии, обеспечивая ее потребности в энергетике (нефтепродукты, уголь и пр.) и материалах, необходимых для формирования промышленной базы (строительный лес и цемент, оборудование, силицаты и пр.), способной впоследствии стать опорой для независимости национальной буржуазии Палестины (еврейской по преимуществу), в ход пошли методы, далекие от «рыночных» принципов и «честной конкуренции».

Рынок, созданный в Палестине благодаря участию советских структур, стал подрывать основы британской колониальной политики, и для

⁶⁵ Документы внешней политики СССР. Т. IX. 1 января – 31 декабря 1926 г. М., 1964. С. 431.

⁶⁶ Там же. Т. X. 1 января – 31 декабря 1927 г. М., 1965. С. 188.

защиты своих позиций страна-метрополия была готова на все: политический шантаж, рестрикции, провокации, дискредитирующие конкурента публикации в СМИ и т.д. Методы, которые были отработаны на протяжении десятков лет, к сожалению, и сегодня продолжают служить основной цели Великобритании – сохранению своего колониального наследия. Вместе с тем, защитная реакция Великобритании не смогла полностью перекрыть каналы межстранового взаимодействия. Заинтересованность национальной буржуазии Палестины в советской продукции позволила осуществлять экспортно-импортные операции в течение всех 1930-х гг., вплоть до начала Второй мировой войны.

Библиографический список / References

1. Агапов М.А. Торговые отношения между СССР и еврейской Палестиной (1920-е гг.) // Восток. 2012. № 3. С. 28–38. [Agapov M.A. Trade relations between the USSR and Jewish Palestine (1920s). *Oriens*. 2012. No. 3. Pp. 28–38. (In Rus.)]
2. Барковский Л.А. К вопросу об уровне социального и культурного развития арабов Палестины в начале XX в. // История и экономика стран Ближнего Востока и Северной Африки. М., 1981. С. 136–146. [Barkovskij L.A. On the question of the level of social and cultural development of the Arabs of Palestine at the beginning of the XX century. *Istoriya i ekonomika stran Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki*. Moscow, 1981. Pp. 136–146. (In Rus.)]
3. Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Статистический обзор. М., 1960. [Vneshnyaya trgovlya SSSR za 1918–1940 gg. Statisticheskij obzor [Foreign trade of the USSR for 1918–1940. Statistical review]. Moscow, 1960.]
4. Герасимова И.П. Первая конференция сионистов в России: Минск, 1902 год. Люди. События. Взгляд через 100 лет // Российский сионизм: история и культура: Материалы научной конференции / Под ред. О. Будницкого и др. М., 2002. С. 87–110. [Gerasimova I.P. The first Zionist Conference in Russia: Minsk, 1902. People. Events. A look after 100 years. *Rossijskij sionizm: istoriya i kultura*. O. Budnitsky et al. (eds.). Moscow, 2002. Pp. 87–110. (In Rus.)]
5. Makeev Д.А. Становление и развитие внешнеторговых связей стран Ближнего Востока с СССР 1922–1940 гг.: Дис... д-ра ист. наук. М., 1984. [Makeev D.A. Stanovlenie i razvitie vneshnetorgovykh svyazey stran Blizhnego Vostoka s SSSR 1922–1940 gg. [Formation and development of foreign trade relations of the Middle East countries with the USSR 1922–1940]. Dr. Hab. dis. Moscow, 1984.]
6. Мирский Г. Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 96–103. [Mirskij G. Israel and the Palestinians: The longest conflict. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2001. No. 3. Pp. 96–103. (In Rus.)]
7. Носенко В.И. Вооруженное выступление Изз ад-Дина аль-Кассам (из истории палестинского национально-освободительного движения) // Арабский Восток и Магриб: Сб. ст. М., 1977. С. 180–207. [Nosenko V.I.

- Armed action of Izz al-Din al-Qassam (from the history of the Palestinian national Liberation movement). *Arabskij Vostok i Magrib*. Moscow, 1977. Pp. 180–207. (In Rus.)]
8. Носенко В.И. Деятельность сионистов в Палестине и арабское национально-освободительное движение в период между двумя мировыми войнами // *Международный сионизм: история и политика: Сб. ст. М., 1977. С. 41–48.* [Nosenko V.I. Zionist activity in Palestine and the Arab national liberation movement in the period between the two World Wars. *Mezhdunarodnyj sionizm: istoriya i politika*. Moscow, 1977. Pp. 41–48. (In Rus.)]
  9. Сионизм: теория и практика. М., 1973. [Sionizm: teoriya i praktika [Zionism: Theory and practice]. Moscow, 1973.]
  10. Энциклопедия советского экспорта / Гл. ред. Ш.М. Дволацкий. Т. 2. М., 1932. [Enciklopediya sovetskogo eksporta [Encyclopedia of Soviet exports]. Sh.M. Dvolaczkiy (ed.). Vol. 2. Moscow, 1932.]
  11. Mandel N.J. *The Arabs and Zionism before World War I*. Berkeley, 1976.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023, принята к публикации 15.04.2023
The article was received on 15.03.2023, accepted for publication 15.04.2023

Сведения об авторе/ About the author

Никонов Олег Александрович – доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Oleg A. Nikonov – Dr. Hab. (History); Head at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: nikonov100@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-130-150

УДК: 327.2

Е.О. Савченко

Смоленский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
214018, г. Смоленск, Российская Федерация

Специфика американо-иорданских отношений на современном этапе развития мировой политической системы

Цель статьи – определить роль Иордании в системе внешнеполитических приоритетов США в рамках ближневосточного направления, выявить особенности двухсторонних отношений. Для достижения данной цели проведено рассмотрение данных по оказываемой со стороны США помощи (в т.ч. в сравнении), представлен SWOT-анализ, позволяющий выявить сильные и слабые стороны Иордании, а также возможности и угрозы. В результате было выявлено, что помощь США этой стране носит преимущественно экономический характер (в отличие от других государств региона) и что за последние годы США нарастили объемы помощи Амману, а также укрепили сотрудничество в военной сфере. Это говорит об устойчивом и последовательном характере внешнеполитического курса США в отношении Иордании. В качестве вывода следует отметить, что, несмотря на ряд недостатков и проблем, Иордания рассматривается как один из ключевых союзников США в регионе.

Ключевые слова: внешняя политика США, Ближний Восток, внешняя политика Иордании, Джо Байден, Дональд Трамп

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Савченко Е.О. Специфика американо-иорданских отношений на современном этапе развития мировой политической системы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 130–150. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-130-150

© Савченко Е.О., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

E.O. Savchenko

Smolensk Branch of Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Smolensk, 214018, Russian Federation

The key features of US-Jordanian relations at current stage of the world political system

The purpose of the paper is to determine the role of Jordan in the system of the US foreign policy priorities in the Middle East, to identify the features of bilateral relations. To achieve this goal, a review of data on the US assistance provided (including in comparison) was carried out, a SWOT analysis was presented to identify the strengths and weaknesses of Jordan, as well as opportunities and threats. As a result, it was revealed that the US assistance to this country is predominantly economic in nature (unlike other states in the region) and that in recent years the US has increased the volume of assistance to Amman, as well as strengthened cooperation in the military sphere. This says of the stable and consistent nature of the US foreign policy towards Jordan. As a conclusion, it should be noted that, despite a number of shortcomings and problems, Jordan is seen as one of the key US allies in the region.

Key words: the US foreign policy, Middle East, Jordanian foreign policy, Joe Biden, Donald Trump

FOR CITATION: Savchenko E.O. The key features of US-Jordanian relations at current stage of the world political system. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 130–150. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-130-150

Специальная военная операция, начатая Россией на Украине 24 февраля 2022 г., стала катализатором процесса существенного изменения мирового геополитического ландшафта и тенденций развития мировой политической системы, еще больше отодвинув на второй план прежние приоритеты внешней политики США, включая и ближневосточное направление, актуальность которого в последние годы снижалась в свете роста глобальной роли Китая и активности России.

Значение для внешней политики США стран (как минимум, не являющихся частью Запада) можно оценить по динамике финансирования программ помощи (наряду с иными показателями), исходя из следующей интерпретации: чем больше объемы финансирования, тем выше важность конкретной страны (или регионального направления). Конечно, при более подробном анализе следует учитывать и другие индикаторы. Рассматривая Ближний Восток, к исключениям следует отнести, например, Саудовскую Аравию. США не оказывают ей прямую финансовую помощь: в этом случае уместнее говорить о других показателях (например, объеме двухсторонней торговли, инвестициях в гособлигации США, военные контракты и т.д.).

В 2022 финансовом году доля Ближнего Востока в общем объеме программ помощи, реализуемых Госдепартаментом США, Агентством международного развития США и частично министерством обороны США (в рамках Программы оказания финансовой военной помощи зарубежным государствам (Foreign Military Financing, FMF)), составила, по данным Госдепартамента США, немногим менее 50% – примерно 7,5 млрд дол.¹, почти на 1 млрд дол. меньше по сравнению с 2017 финансовым годом². Это может указывать на снижение значимости региона в системе внешнеполитических приоритетов, подтверждаемое другими фактами и событиями – например, слабыми результатами прошедшего в июле 2022 г. Джеддского саммита по безопасности и развитию (Jeddah Security and Development Summit), итоги которого показали сохранение тенденции к ослаблению позиций США в регионе.

Финансирование по странам региона распределяется неравномерно. Так, порядка 80% от общего показателя приходится на три государства: Израиль, Иорданию и Египет (первое, второе и третье места соответственно по итогам 2021 финансового года). Это позволяет говорить о том, что на текущий момент приоритетными для США в регионе являются именно эти страны, а важность Ирака и других государств – снизилась. Значение Израиля связано с сохранением Вашингтоном такого регионального приоритета внешней политики, как противостояние Ирану, значение Египта – в частности, с контролем Суэцкого канала.

¹ В данный показатель не включены такие дополнительные программы финансирования, как Transition Initiatives (TI), International Disaster Assistance (IDA), Migration and Refugee Assistance (MRA), ведомственные программы отдельных министерств и ведомств и т.д.

² Public Law 117–103, Consolidated Appropriations Act, 2022. Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/117/plaws/publ103/PLAW-117publ103.pdf> (date of access: 15.05.2023); Sharp J., Humud C., Collins S. U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request, CRS, 2021. Sgp.fas.org. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R46344.pdf> (date of access: 30.11.2022).

Что касается Иордании, то, исходя из рассмотрения динамики финансирования со стороны США и используемых Вашингтоном в ее отношении инструментов и мероприятий, можно говорить о том, что она рассматривается Белым домом как важный плацдарм в регионе (аналогичную точку зрения высказывает также, например, Л.Р. Хлебникова) [5]. Страна имеет общую границу как с Сирией, так и Ираком; кроме того, через ее территорию осуществляется снабжение стратегически важной американской военной базы Эт-Танф, расположенной на территории Сирии в районе сирийско-иордано-иракской границы. Кроме того, Амман выступает центральным посредником в палестинском конфликте. Следует отметить, что и Египет, и Иордания заключили мирные договоры с Израилем (в 1979 и 1994 гг. соответственно).

В настоящее время в рамках Конгресса, других органов власти США и экспертно-академического сообщества продолжают дискуссии касательно эффективности помощи странам Ближнего Востока и ее трансформации, однако по состоянию на середину 2023 г. каких-либо решений на данном направлении принято не было, что позволяет сделать вывод о сохранении текущих тенденций в данной сфере (т.е. приоритет финансирования остается за тремя указанными странами – Израилем, Египтом и Иорданией).

В период 2017–2022 финансовых годов Иордания являлась вторым крупнейшим получателем американской помощи в регионе (табл. 1) и одним из крупнейших в мире, что указывает на подчиненный и зависимый характер союзнических с США отношений. По расчетам Службы исследований Конгресса США (CRS), за последние 15 лет помощь США Иордании выросла почти в 4 раза, что говорит об активном росте ее значимости³. Указанное вкупе с другими, более второстепенными факторами, свидетельствует о ее важности для Вашингтона. Проведенный автором поиск по открытым источникам информации (включая сайты американских аналитических центров типа Института Брукинга) о возможных изменениях его политики в отношении Иордании показал, что страна с высокой долей вероятности сохранит свое значение с точки зрения внешней политики США на Ближнем Востоке как в кратко-, так и долгосрочной перспективе.

Исходя из представленных в таблице данных, в целом, помощь Израилю и Египту в рассматриваемый период держится примерно на одном и том же уровне – порядка 3,1–3,3 млрд дол. в первом и примерно

³ Sharp J. Jordan: Background and U.S. Relations, CRS, 2022. Sgp.fas.org. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33546.pdf> (date of access: 30.11.2022).

Таблица 1

**Динамика помощи США ключевым странам-союзникам на Ближнем Востоке
(в текущих ценах, млн дол. США)**

Страна	Финансовый год								Итого
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Египет	1259,80	374,28	1413,67	1419,30	1430,50	1430,15	1430,30	1430,00	10188,00
Израиль	3116,00	3175,00	3100,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00	3300,00	25891,00
Иордания	1231,70	1319,83	1525,01	1524,99	1525,00	1650,00	1650,00	1450,00	11876,53
Итого	5607,50	5848,37	6038,68	6244,29	6255,50	6380,15	6380,30	6180,00	48934,79

Примечание. Данные по Иордании включают только следующие направления и программы: ESF, FMF, IMET, NADR. Фактический размер помощи со стороны США может быть выше.

Источник: U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request, p. 9. Источник данных за 2016 финансовый год – Foreignassistance.gov. Данные за 2023 финансовый год являются предварительными.

1,4 млрд дол. во втором случае соответственно. Согласно специализированному сайту правительства США [Foreignassistance.gov](https://www.foreignassistance.gov), позволяющего изучить динамику показателя зарубежной помощи, с 2008 финансового года происходило постепенное увеличение объемов выделения помощи Иордании (с акцентом на помощь экономического характера, доля которой в общем объеме составляет порядка 80%). Пик оказания помощи Иордании был достигнут в 2021–2022 финансовых годах (1,65 млрд дол.), рост за период с 2017 финансового года составил порядка 34%.

Если в 2016 финансовом году по сравнению с предшествующим периодом падение данного показателя составило примерно 20%, то уже в 2017 финансовом году рост по сравнению с прошлым периодом составил 7,1%, в 2018 – 15,5%, после чего произошла стабилизация на уровне 1,525 млрд дол. Только в 2021 финансовом году был зафиксирован рост в 8,1%, до 1,65 млрд дол. Эта же сумма сохранилась и в 2022 финансовом году. Таким образом, повышательная тенденция носит устойчивый характер, и по состоянию на 2022 финансовый год Иордания продолжает оставаться вторым крупнейшим получателем помощи США, уступая только Израилю.

Основой для оказания помощи Иордании со стороны Вашингтона на период 2018–2022 финансовых годов являлся подписанный 14 февраля 2018 г. (т.е. при администрации Д. Трампа) меморандум о взаимопонимании сроком на 5 лет, предусматривающий обязательства США по выделению помощи в размере 1,275 млрд дол. в год. В сентябре 2022 г. администрацией Дж. Байдена был подписан новый меморандум (сроком на 7 лет), предусматривающий выделение в общей сложности 10,15 млрд дол., т.е. 1,45 млрд дол. ежегодно⁴.

Это указывает на рост значимости данной страны в рамках ближневосточной политики Вашингтона. Кроме того, Иордания остается близко расположенным к районам ведения боевых действий плацдармом в регионе, что дает возможность влияния на ситуацию как на юге Сирии, так и в Ираке (в частности, с помощью созданной США в 2017 г. на территории Сирии в районе иордано-ирако-сирийской границы военной базы Эт-Танф), а также, вероятно, и в отношении Ирана (учитывая антиамериканские настроения в Ираке и наблюдаемую с октября 2022 г. внутривосточную нестабильность в Иране).

⁴ Mathews S. US boosts assistance to Jordan with 'longest and largest' aid package. Middleeasteye.net. 16.09.2022. URL: https://www.middleeasteye.net/news/us-boost-aid-jordan-longest-and-largest-aid-package?fbclid=IwAR3CP5l2OiOf0PrNvStqG5KmlF6hyn5VfA2CRDu soo126-Lm5U_wcpLEBQc (date of access: 30.11.2022).

Подписание нового меморандума свидетельствует о понимании среди руководства и элит США негативных тенденций развития иорданского общества и экономики, что и побудило Белый дом пойти на данные меры, при этом речь, прежде всего, идет об увеличении невоенной помощи. Следует отметить, что ранее агентство Reuters сообщало о том, что между сторонами велись переговоры о заключении нового 5-летнего меморандума, который предполагал выделение общего объема средств в 6,4 млрд дол. [4]. Таким образом, наблюдается рост помощи США Иордании в реальном выражении. Более того, учитывая усиление проблем и вызовов на Ближнем Востоке для военно-политических позиций США, следует ожидать выделения со стороны Белого дома дополнительного финансирования, не предусмотренного рамками меморандума.

В целом финансирование Иордании со стороны США распределяется следующим образом:

1) экономическое направление – в основном, через Фонд экономической помощи (Economic Support Fund, ESF); объем финансирования за рассматриваемый период стабильно превышает 1 млрд дол. в год (оно идет по линии Государственного департамента США, при этом значительная его часть выделяется из бюджета США напрямую);

2) военное направление – Программа оказания финансовой военной помощи зарубежным государствам (Foreign Military Financing, FMF); объем финансирования за рассматриваемый период составляет 425 млн дол. в год (идет по линии министерства обороны США)⁵.

То есть оказываемая США помощь носит, в основном гражданский, а не военный характер (с соотношением примерно 80 : 20). Иордания является единственным крупным союзником США в регионе, которому Вашингтон оказывает преимущественно гражданскую помощь: Израиль и Египет получают военную помощь, доля которой в общем объеме помощи США данным странам стремится к 100% (Израиль). При этом, как отмечают в CRS, бюджетная поддержка США (не включая военную помощь) составляет 6% бюджета Иордании (который по состоянию на 2022 г. составлял 15 млрд дол.)⁶.

Значение Иордании для США начало расти в начале 2010-х гг., что можно объяснить обострением, вызванным «арабской весной» –

⁵ Sharp J. Jordan: Background and U.S. Relations, CRS, 2022. Sgp.fas.org. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33546.pdf> (date of access: 30.11.2022).

⁶ Sharp J., Humud C., Collins S. U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request, CRS, 2021. Sgp.fas.org. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R46344.pdf> (date of access: 30.11.2022).

и конфликт в Сирии прямо называется причиной увеличения военной помощи со стороны США или связывается с ее увеличением, при этом американская помощь могла идти на подготовку некоторых группировок умеренной сирийской оппозиции [3]⁷. Также следует обратить внимание и на т.н. «египетский фактор», а именно дестабилизацию вследствие «арабской весны» внутривосточной ситуации в Египте, вследствие чего значимость последнего как союзника США снизилась (что означает увеличение роли других союзников США в регионе). При этом, учитывая текущую динамику американо-египетских отношений, вряд ли можно говорить, что они вернулись на тот уровень, который был до событий «арабской весны».

В 2012 г. между США и Иорданией был подписан первый трехлетний меморандум о взаимопонимании, который предусматривал выделение значительных объемов помощи. 3 февраля 2015 г. стороны подписали меморандум о взаимопонимании, согласно которому ежегодный объем помощи со стороны США увеличивался с 0,66 до 1 млрд дол.

Об активизации сотрудничества в середине 2010-х гг. также говорят и двухсторонние визиты, при этом ключевой фигурой с иорданской стороны, определяющей «проамериканский» характер внешней политики, является король Абдалла II (что неудивительно, учитывая, в частности, его учебу в Джорджтаунском университете). Это, например, видно по его визитам в Вашингтон (табл. 2). В частности, в ходе визита в США в 2015 г. он запросил поставки оружия (включая ракеты класса «воздух–земля», авиабомбы, противотанковые средства, запчасти и т.д.). Как правило, до 2013 г. король совершал 1–2 визита в США (в основном, это были рабочие визиты, реже – визиты для участия в каких-либо международных мероприятиях, например, в саммите по вопросам ядерной безопасности в 2010 г.).

Таблица 2

Визиты короля Иордании Абдаллы II в США, с 2014 г.

Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Количество визитов	3	1	3	2	1	0	0	1	1

Источник: сайт Государственного Департамента США (state.gov).

⁷ См. также: Sharp J., Humud C., Collins S. U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request, CRS, 2021. Sgp.fas.org. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R46344.pdf> (date of access: 30.11.2022).

Как показывает представленная на основании данных Государственного департамента США динамика визитов иорданского короля, их пик пришелся на период 2014–2016 гг. (что, в частности, можно объяснить обострением ситуации вокруг Сирии) с последующей тенденцией к снижению, которую можно объяснить акцентом администрации Дональда Трампа на развитие отношений с Саудовской Аравией и Израилем (что привело к отходу Иордании на второй план). Так, в 2019 г. король Абдалла II впервые с начала своего правления в 1999 г. не посетил США, а королевские визиты возобновились с 2021 г. (интересно, что король Абдалла II стал первым из числа лидеров арабских стран, который нанес визит в США после избрания Джо Байдена (19 июля 2021 г.)), при этом их частота упала до 1 в год, что можно связать со снижением для США приоритета ближневосточного направления в целом и Иордании в частности.

Переходя к рассмотрению двухстороннего сотрудничества в военной сфере, одному из ключевых направлений, следует отметить, что Иордания для США является значимым партнером (так, действует американо-иорданская объединенная военная комиссия). В 1996 г. она получила статус основного союзника США вне НАТО, между сторонами было заключено Соглашение о статусе войск США на территории Иордании, в 2006 г. – Соглашение о поставках и взаимном обслуживании, в 2021 г. – Соглашение о военном сотрудничестве. В стране дислоцируется контингент ВС США численностью в 3 тыс. чел.⁸ Ежегодная военная помощь США составляет 20% военного бюджета Иордании⁹.

Иордания является третьим крупнейшим в мире получателем средств по программе FMF, по объемам финансирования (425 млн дол. в год), уступая только Израилю и Египту (первое и второе места соответственно). Страна также участвует в Программе обучения и подготовки военнослужащих зарубежных стран (IMET), Программе по продаже военной техники и имущества иностранным государствам (FMS), принимает участие в организуемых США военных учениях и оказывает США различного рода помощь, включая участие в международных коалициях и т.п.

Так, в частности, иорданские военно-воздушные базы (например, Муваффак Салти в Азраке) использовались и продолжают использоваться США для дислокации летательных аппаратов различных ведомств (включая беспилотники), проведения разведки, обнаружения

⁸ Sharp J. Jordan: Background and U.S. Relations, CRS, 2022. P. 1. Sgp.fas.org. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33546.pdf> (date of access: 30.11.2022).

⁹ Sharp J. Jordan: Background and U.S. Relations, CRS, 2022. P. 21. Sgp.fas.org. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33546.pdf> (date of access: 30.11.2022).

целей в Сирии и Ираке, совершения боевых вылетов. Именно на территорию Иордании были частично выведены закрытые к июлю 2022 г. ключевые военные базы США в Катаре.

Что касается участия в международных коалициях, то Иордания входила в их состав (например, против террористических группировок «Исламское государство», «Аль-Каида» и др.) и среди прочих осуществляла следующие виды активности:

- боевые вылеты ВВС Иордании для нанесения ударов по позициям террористов;
- выполнение ВВС Иордании разведывательных и иных небоевых задач, в т.ч. по обнаружению и идентификации целей;
- подготовка и обучение (с привлечением иорданских спецслужб и американских инструкторов) боевиков для борьбы против режима Б. Асада и выполнения иных задач;
- материально-техническое обеспечение подразделений указанных боевиков, а также иных подразделений, в т.ч. ВС США (включая базу Эт-Танф);
- предоставление ВС США военных баз и объектов для базирования и выполнения боевых и небоевых задач (например, для боевых и разведывательных вылетов ВВС США) [3].

Иордания также активно участвует в международных и двухсторонних мероприятиях и учениях (в т.ч. военных), организуемых и проводимых министерством обороны США и иными ведомствами (всего порядка 70 в год). В частности, с 2011 г. на территории страны ежегодно (кроме 2020 и 2021 гг. из-за пандемии коронавируса) проводятся двухнедельные многосторонние учения Eager Lion, которые являются крупнейшими военными учениями, проводимыми США на Ближнем Востоке (масштабнее, чем Bright Star в Египте, в которых Иордания также принимает участие). Краткая характеристика военных учений приведена в табл. 3.

Рассмотрение данных по учениям Eager Lion показывает резкий рост численности принимающих участие военнослужащих и довольно быстрый переход данных учений в многосторонний формат (уже на втором году их проведения). В 2014 г. был достигнут максимальный показатель участия – более 13 тыс. военнослужащих из 22 стран. Однако затем произошло изменение тенденции: с одной стороны, количество стран-участников продолжило расти (достигнув максимума в 30 государств в 2019 и 2022 г.), с другой – число принимающих участие военнослужащих начало в целом сокращаться, достигнув в 2022 г. минимума с 2012 г. – 4491 солдат.

Таблица 3

Параметры военных учений Eager Lion

Год	Всего стран	Численность участвующего личного состава				Основные задачи / виды деятельности
		ВС США	ВС Иордании	ВС других стран*	Всего	
2011	2	Нет данных	Нет данных	–	Около 3000	<ul style="list-style-type: none"> • Повышение уровня координации действий ВС двух стран • Отработка тактики антитеррористической и противоповстанческой деятельности • Отработка взаимодействия сил специальных операций • Отработка навыков по обнаружению и нейтрализации самодельных взрывных устройств
2012	19	Нет данных	Нет данных	Нет данных	11 000–12 000	<ul style="list-style-type: none"> • Отработка навыков совместного пилотирования вертолетов • Отработка контактов со стороны ВВС • Танковые стрельбы
2013	19	4500	3000	500	Около 8000	<ul style="list-style-type: none"> • Совместные боевые стрельбы ВВС США и Иордании • Имитация/моделирование боевых действий • Спасение заложников с захваченного пиратами корабля
2014	22	Более 6800	3000	3200	Более 13 000	<ul style="list-style-type: none"> • Отработка антитеррористических навыков • Выполнение задач по обеспечению безопасности • Отработка противоповстанческих мероприятий • Боевые стрельбы

2015	18	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Около 10 000	<ul style="list-style-type: none"> • Вылеты дальних бомбардировщиков (B-52) – впервые • Обеспечение защиты государственной границы • Освобождение захваченного боевиками корабля • Антитеррористическая деятельность
2016	2	3000	3000	–	6000	<ul style="list-style-type: none"> • Вылеты дальних бомбардировщиков (B-52) с территории США для отработки нанесения бомбовых ударов • Перехват воздушных целей • Отражение киберугроз • Обеспечение безопасности государственных границ • Реагирование на применение биологического оружия
2017	24	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Около 7400	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение безопасности государственных границ • Обеспечение киберзащиты и отражение киберугроз • Повышение уровня координации при реагировании на угрозы, включая терроризм • Отработка задачи по нанесению глобального удара (global strike mission) с использованием бомбардировщиков B-1B (впервые) • Отработка применения систем реактивной артиллерии HIMARS
2018	23	Около 3600	Нет данных	Нет данных	7200	<ul style="list-style-type: none"> • Вылеты дальних бомбардировщиков • Обеспечение киберзащиты и отражение киберугроз • Проведение учений ВМС • Освобождение гражданских от террористов • Отработка реагирования на применение оружия массового поражения (впервые) – химического оружия

Окончание табл. 3

Год	Всего стран	Численность участвующего личного состава				Основные задачи / виды деятельности
		ВС США	ВС Иордании	ВС других стран*	Всего	
2019	30	3700	Нет данных	Нет данных	Более 8000	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение региональной безопасности на оперативном уровне • Нейтрализация беспилотных летательных аппаратов, используемых террористами для совершения теракта • Отражение киберугроз
2022	30	1700	2200	591	4491	<ul style="list-style-type: none"> • Вылеты дальних бомбардировщиков (B-52) • Отражение киберугроз • Отработка межведомственного взаимодействия и координации • Повышение эффективности контртеррористической деятельности • Синхронизация работы систем ПВО и ПРО • Реагирование на чрезвычайные ситуации • Оказание гуманитарной помощи

* Как правило, личный состав ВС других стран принимает участие в таких учениях в качестве наблюдателей.

Составлено автором по данным открытых источников: сайт посольства США в Иордании (jo.usembassy.gov), сайт Сухопутных войск США (army.mil), газета "The Jordan Times", материалы CRS.

Как показал представленный мониторинг (см. табл. 3), в рамках проводимых учений отрабатывался постоянно расширяющийся круг задач, что обуславливалось как текущей региональной конъюнктурой (в частности, войной в Сирии), так и стратегическими соображениями, связанными, исходя из декларируемых заданий, с сохранением высокого уровня террористической угрозы в данной части Ближнего Востока, реализация которой может привести к чрезвычайной ситуации и, как следствие, необходимости оказания гуманитарной помощи. Также следует отметить, что, несмотря на совместные в рамках учений задания с участием американских и иорданских военнослужащих, возникает вопрос, насколько эффективно будут действовать последние в условиях реальной боевой обстановки без поддержки подразделений ВС США.

Рассматривая перспективы дальнейшего проведения данных учений, следует отметить высокую вероятность их сохранения в текущем масштабе как с точки зрения выполняемых задач и участия (т.е. на уровне 3–5 тыс. человек с обеих сторон с привлечением некоторого числа международных наблюдателей из числа союзников США). Такое сокращение масштаба можно объяснить снижением глобальной стратегической важности региона Ближнего Востока. Но в то же время у США остается необходимость продемонстрировать уровень своего присутствия в регионе и не допустить заполнения вакуума, который может образоваться при трансформации региона во второстепенное направление.

Оценивая текущую ситуацию в сфере двухсторонних отношений, можно сказать, что с приходом администрации Байдена не зафиксировано снижения финансирования Иордании (и ближневосточного направления в целом), чего можно было бы ожидать в свете роста в начале 2020-х гг. актуальности угроз со стороны России и Китая. Однако здесь следует иметь в виду следующие моменты:

1) по сравнению с предыдущим 5-летним меморандумом увеличение обязательств США по оказанию помощи составило 13,7% в год, что говорит о росте в реальном выражении;

2) в период действия предыдущего меморандума США направляли Иордании значительные объемы помощи вне его рамок; так, в 2018–2020 финансовых годах превышение достигало почти 20%, а в 2021 и 2022 финансовых годах – почти 30%; соответственно, можно предположить, что США продолжают выделять Амману дополнительные объемы помощи, не предусмотренные меморандумом, поскольку проблемы, с которыми сталкивается Иордания, остаются нерешенными.

В пользу сохранения и даже увеличения размера средств, направляемых на помощь Иордании, играет общее ослабление позиций США на Ближнем Востоке, которое, в частности, выражается, в ухудшении отношений со считавшейся на протяжении длительного времени союзником США Саудовской Аравией, с Ираном (что ставит под вопрос перспективы подписания соглашения по ядерной программе Тегерана) и т.д. Фактически, на середину 2023 г. можно говорить, что у США в регионе остался один серьезный союзник – Израиль, однако отношения текущей администрации с ним оставляют желать лучшего.

Это можно объяснить тем, что перспективы сохранения тесных отношений Белого дома с Саудовской Аравией, которая ранее считалась важным партнером Соединенных Штатов в регионе, находятся под вопросом – как минимум, до возвращения Республиканской партии США к власти по итогам президентских и парламентских выборов 2024 г. В настоящий момент отношения в значительной степени «заморожены» из-за позиции демократической администрации, при этом попытки последней наладить отношения успехом не увенчались. Конечно, следует отметить, что двухсторонние отношения, проблематика которых выходит за рамки данного исследования и которые требуют отдельного анализа, неоднократно переживали взлеты и падения.

Однако ряд признаков указывают на то, что в этот раз ситуация может быть принципиально иной. В частности, следует обратить внимание на следующие факторы:

1) динамика показателя инвестиций КСА в государственные облигации США, которая в последние 2 года демонстрирует тенденцию к снижению с 182,9 млрд дол. в январе 2020 г. до 121,6 млрд дол. в июле 2022 г.¹⁰ (наиболее существенное снижение, составившее порядка 60 млрд дол., наблюдалось в марте-апреле 2020 г.);

2) динамика объемов двухсторонней торговли товарами¹¹ (демонстрирует устойчивую нисходящую тенденцию): с 27,885 млрд дол. в 2019 г. данный показатель упал до 24,847 млрд в 2021 г.; и хотя в январе-октябре 2022 г. фиксируется рост объемов двухсторонней торговли товарами, учитывая нестабильность на мировом рынке нефти, пока вряд ли можно говорить о том, что данная тенденция к росту носит устойчивый характер;

3) снижение активности в сфере военных контрактов;

¹⁰ Данные Министерства финансов США. По состоянию на момент написания работы данные за период с июля 2022 г. отсутствуют, что можно объяснить особенностями обработки и публикации соответствующих статистических данных.

¹¹ Источник: Census.gov

4) переход на расчеты в юанях при продаже нефти Китаю, для которого КСА является самым крупным мировым поставщиком нефти;

5) визит главы КНР Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию 7–9 декабря 2022 г. и т.д.

Таким образом, исходя из текущей динамики ситуации в регионе, можно сформулировать предварительный вывод о том, что в интересах Вашингтона укреплять связи с теми государствами Ближнего Востока, с которыми у него хорошие отношения, в т.ч. и с Иорданием.

Но в США наблюдается накопление финансово-экономических проблем (так, общий долг США превысил 31 трлн дол.), что в свете полученного республиканцами по итогам ноябрьских выборов в Конгресс большинства в Палате представителей может стать фактором пересмотра в сторону сокращения бюджета на 2024 финансовый год и далее (в т.ч. и бюджета на оказание международной помощи).

Специфическим фактором, обуславливающим потенциал сокращения помощи странам Ближнего Востока со стороны администрации США вне зависимости от ее партийно-политической ориентации, является сохранение тенденции к снижению значимости данного региона в рамках внешнеполитического курса (в частности, в силу необходимости продолжения концентрации усилий против России и Китая).

В целом, благоприятные и неблагоприятные факторы по Иордании можно суммировать в рамках SWOT-анализа (табл. 4).

Проведенный SWOT-анализ позволяет говорить о наличии у Иордании существенного количества слабых сторон и угроз (многие из них пересекаются). Их усиление и активизацию следует ожидать как в кратко-, так и долгосрочной перспективе в свете нарастания кризисных тенденций комплексного характера, проявляющихся в глобальном масштабе, но имеющих региональную специфику. У страны практически нет сильных сторон и возможностей, что говорит о высоком уровне риска. Однако имеющаяся сильная сторона (удачное географическое расположение) обеспечивает ей уникальное преимущество, поскольку дает доступ к Сирии и к Ираку (чего нет у других союзников США в регионе: Турцию к таковым отнести не представляется возможным в силу проводимого президентом Турции Р.Т. Эрдоганом внешнеполитического курса).

Вместе с тем, текущая ситуация, заключающаяся в фактическом сокращении присутствия США на Ближнем Востоке и в дистанцировании от них традиционных союзников (в частности, Саудовской Аравии (КСА), Катара) и потенциальных партнеров, обеспечивает Иорданию расширение коридора возможностей как в кратко-, так и долгосрочной перспективе и повышает ее значимость для внешней политики

администрации США в регионе (вне зависимости от партийно-политической ориентации), поскольку даже в случае возвращения в 2024 г. на пост президента США кандидата от республиканцев отношения с союзниками не имеют потенциала восстановления до прежнего уровня (так, отношения между КСА и США в период администрации Трампа были в значительной степени обусловлены личными и неформальными контактами).

Таблица 4

**SWOT-анализ по Иордании
с точки зрения внешней политики США в регионе**

<i>Сильные стороны</i>	<i>Слабые стороны</i>
<p>Относительно удачное географическое расположение в рамках региона (в частности, граница с Сирией, Ираком, Израилем, Саудовской Аравией, выход к Красному морю)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Малый размер ВВП (45 млрд дол. в 2021 г.) • Негативная динамика ВВП (падение на 1,6% в 2020 г.; восстановительный рост в 2021 г. составил 2%, отсутствие предпосылок для экономического роста) • Отсутствие экономических ресурсов, что обуславливает зависимость от Запада и ресурсов арабских стран • Высокая безработица: 24,7% в IV кв. 2020 г. (в т.ч. среди молодежи – 50% в IV кв. 2020 г.) • Рост национального долга (в 2021 г. он превысил 40 млрд дол.; в 2022 г. может достичь 100% ВВП) • Сохранение политической нестабильности (примером чему является попытка государственного переворота в 2021 г.) • Коррупция • Проблемы с водоснабжением • Рост дефицита текущего счета (до 8% ВВП в 2020 г.).
<i>Возможности</i>	<i>Угрозы</i>
<p>Сохранение использования Иордании в качестве логистического центра, центра подготовки различного рода военизированных подразделений, проведения учений, центра снабжения Вооруженных сил США в регионе и т.д.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Сохранение раскола внутри королевской семьи по поводу политического курса страны • Периодические протесты (2011, 2013, 2018 гг.) • Резкий рост населения (примерно в 2 раза с 1999 г.) • Рост цен на сырьевые товары, на топливо и продовольствие • Низкий уровень обеспеченности водой • Значительное число сирийских беженцев (674 тыс. на апрель 2022 г.) • Низкий уровень доступности воды • Стагнация экономики • Сохранение тенденции к росту безработицы среди молодежи • Рост расходов на обслуживание госдолга

Составлено автором на основании открытых источников.

В свете сокращения на Ближнем Востоке числа баз ВС США на территории Иордании в силу тесных отношений с Вашингтоном могут быть размещены новые военные базы США, скорее всего, на основе действующих баз ВС Иордании с возможностью их расширения и модернизации (примером является вывод баз ВС США из Катара в 2022 г.).

Переходя к более подробному рассмотрению слабых сторон и угроз, следует указать на их перманентный характер, что обуславливает как минимум необходимость сохранения финансирования Иордании со стороны США для их нейтрализации. Это связано с тем, что в случае снижения размеров помощи политическая и экономическая ситуация в Иордании может обостриться и стать более нестабильной, что может способствовать ухудшению позиций США в регионе. Однако в силу усиления в самих Соединенных Штатах кризисных тенденций как экономического, так и внутривнутриполитического характера сложно сделать однозначный вывод о том, будет ли американская администрация сохранять присутствие на Ближнем Востоке – и если да, то в каком именно виде или формате.

Пока в рамках нового меморандума в отношении Иордании предполагается сохранение уровня помощи на текущем уровне, однако есть сомнения, что этого будет достаточно для сдерживания угроз и слабых сторон. Можно предположить, что имеющее место усиление кризисных тенденций в глобальном масштабе будет способствовать обострению угроз для Иордании и ее слабых сторон. В частности, речь идет о сохранении тенденции к росту долгового бремени, высокой безработицы среди населения (в т.ч. молодежи), росте вероятности экономического кризиса в стране и т.д. То есть в стране высока вероятность ухудшения общественно-политической и экономической ситуации, что актуализирует выработку комплекса соответствующих мер с помощью других стран и международных институтов по причине дефицита ресурсов на национальном уровне.

При этом, как отмечают, А. Захаров и Л. Исаев, а также М. Сардарова, власти страны на протяжении длительного времени осознавали угрозы и проблемы в экономике, однако проведенные в период 2010-х гг. реформы (успешные, по оценке А. Захарова и Л. Исаева) не привели к сколько-нибудь существенному улучшению внутривнутриполитической и экономической ситуации [1; 4]. При этом А. Захаров и Л. Исаев указывают, что экономическая ситуация в Иордании резко ухудшилась после начала войны в Сирии из-за притока беженцев из этой страны, что повысило зависимость от внешних спонсоров, включая США [1]. По мнению, Т. Николаичевой, еще одним негативным фактором для Иордании, главному торговому партнеру Сирии в регионе, оказались

введенные Белым домом санкции против Сирии, а также, в частности, принятие США в 2019 г. т.н. закона «Цезаря о защите гражданского населения Сирии» (Caesar Syria Civilian Protection Act), что привело к подрыву трансграничной торговли – с Турцией и Европой (впоследствии администрация Дж. Байдена согласилась смягчить соответствующие ограничения) [2].

В силу явной недостаточности выделяемой Вашингтоном экономической помощи (несмотря на ее увеличение и на помощь стран Персидского залива, проблемы в экономике Иордании обострились) вероятным ответом, не считая реформ (которые могут нарушить имеющийся хрупкий баланс), могло бы стать как дополнительное выделение средств со стороны Вашингтона (как по программам в рамках меморандума о взаимопонимании, так и в рамках специально инициируемых единовременных программ, наподобие программы по борьбе против коронавируса), а также выделение средств со стороны контролируемых США международных институтов, включая Всемирный банк. Кроме того, речь может идти и о дополнительном финансировании со стороны стран региона: в частности, в 2018 г. Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт уже предоставляли Иордании 2,5 млрд дол. в виде помощи после охвативших страну массовых протестов из-за резкого ухудшения уровня жизни [5].

Подводя итоги, можно сформулировать следующие выводы. Как показывает динамика финансирования программ помощи со стороны США, важность ближневосточного направления для внешней политики Белого дома в настоящее время в целом снизилась и отошла на второй план – при этом данное снижение сохранится как на кратко-, так и долгосрочную перспективу.

Но, учитывая ухудшение отношений США с Саудовской Аравией и другими традиционными союзниками в регионе, значение других стран Ближнего Востока, включая Иорданию, возрастает. На начало 2023 г.¹² можно говорить о том, что у Вашингтона на Ближнем Востоке из крупных союзников остался только Израиль. Что касается Иордании, то ее значение хотя и выросло, но она продолжает (и продолжит) оставаться второстепенным союзником США в регионе, позволяющим решать в большей степени вспомогательные задачи – в частности, выступающим транспортно-логистическим узлом и центром, обеспечивающим снабжение базы Эт-Танф, а также ведение разведки и материально-техническое обеспечение подразделений ВС США в регионе.

¹² Ситуация не изменилась и к середине 2023 г. – *От редакции.*

В то же время внутренняя ситуация в стране характеризуется хрупкостью и потенциалом нестабильности как в кратко- так и долгосрочной перспективе, что для США актуализирует необходимость ее мониторинга с целью недопущения возникновения политического или экономического кризиса, который в значительной степени обесценит роль страны как плацдарма на Ближнем Востоке и сузит возможности по реагированию на возникающие вызовы. Сокращение финансирования Иордании со стороны США представляется маловероятным, поскольку это может поставить под удар внутривнутриполитическую и экономическую стабильность страны. Что касается более долгосрочной перспективы, то можно говорить о потенциале существенного снижения (или оптимизации) военно-политического присутствия США в Иордании (и на Ближнем Востоке в целом), включая вывод военной базы Эт-Танф.

Итак, за последние годы США укрепили отношения с Иорданией. Специфика роли последней в рамках внешнеполитического курса Белого дома заключается в том, что, хотя страна и является союзником США в регионе, обладающим второстепенным значением и высокой зависимостью от Вашингтона (и других внешних акторов), ее преимущество, состоящее в уникальном геополитическом положении, обеспечивающее США плацдарм для действий в Сирии, Ираке (и, возможно, в Иране), только усиливается, особенно в свете ухудшения отношений между США и традиционными региональными союзниками (в частности, Саудовской Аравией). С высокой долей вероятности Иордания сохранит (и даже нарастит) свое значение для внешней политики США на Ближнем Востоке как в кратко-, так и долгосрочной перспективе.

Библиографический список / References

1. Захаров А., Исаев Л. «Последнее прибежище вчера в мире завтра»: Иордания до и после «арабской весны» // Неприкосновенный запас. 2022. № 4. С. 96-133. [Zakharov A., Isaev L. "Yesterday's last refuge in tomorrow's world": Jordan before and after the "Arab Spring". *Neprikosnovenny zapas*. 2022. No. 4. Pp. 96-133. (In Rus.)]
2. Николаичева Т.Е. «Акт Цезаря»: американские санкции против Сирии // Восточный альманах. 2022. № 6. С. 87-99. [Nikolaicheva T.E. "Caesar's Act": American sanctions against Syria. *Vostochnyy almanakh*. 2022. No. 6. Pp. 87-99. (In Rus.)]
3. Павлова В.Ю. Внешняя политика Иордании в условиях сирийского кризиса // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2018. № 2 (16). С. 136-147. [Pavlova V.Yu. Foreign policy of Jordan in the context of the Syrian crisis. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii*. 2018. No. 2 (16). Pp. 136-147. (In Rus.)]

4. Сардарова М.А. Иордания после «арабской весны» // Восточный альманах. 2019. № 3. С. 75–85. [Sardarova M.A. Jordan after the “Arab Spring”. *Vostochnyy almanakh*. 2019. No. 3. Pp. 75–85. (In Rus.)]
5. Хлебникова Л.Р. США и проблемы обеспечения стабильного развития иорданского Хашимитского королевства в исторической ретроспективе // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. № 3. С. 79–120. [Khlebnikova L.R. The US and the problems of ensuring the stable development of the Hashemite Kingdom of Jordan in historical retrospective. *Lomonosov World Politics Journal*. 2018. No. 3. Pp. 79–120. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 07.11.2022, принята к публикации 27.03.2023
The article was received on 07.11.2022, accepted for publication 27.03.2023

Об авторе / About the author

Савченко Евгений Олегович – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры экономики и менеджмента, Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Evgeny O. Savchenko – PhD in Political Sciences; associate professor at the Department of Economics and Management, Smolensk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: savchenko_eugene@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-151-156

УДК: 929

М.В. Батшев¹, С.А. Трифонова²

¹ Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
129366 г. Москва, Российская Федерация.

² Архив Российской Академии наук,
117218 г. Москва, Российская Федерация

Я в первый раз делаю путешествие, и впредь наука

Рецензия на книгу: Сергей Иванович Тургенев.
Поездка в Голландию в 1811 году.
СПб.: Нестор-История, 2022

Историю общественной жизни России первой половины XIX в. невозможно представить себе без братьев Тургеневых. Введение в научный оборот их архива началось более 100 лет тому назад. Размеры их документального собрания, удачно названного первым публикатором «Архивом братьев Тургеневых», весьма значительны. Многие его материалы до сих пор неизвестны исследователям.

Начало процессу публикации писем и дневников положил средний брат Николай Иванович Тургенев, подготовивший вышедшие в 1872 г. в Лейпциге адресованные ему письма брата Александра за 1826–1828 гг. В издание вошли письма только за три года. «Они представляют собой “обрывки” или “выписки” лишь из одного портфеля; между тем, как вся его корреспонденция с братом, по словам Николая Ивановича, составляет

10 портфелей. Тут же Николай Иванович сообщал, что, кроме писем от Александра Ивановича, осталось столько же портфелей его журнала¹. Архив, собравшийся у прожившего почти полвека в эмиграции Николая Ивановича Тургенева, был передан в Академию наук его сыном Петром Николаевичем в начале XX в. Отделение русского языка и словесности Академии наук образовало специальную комиссию для обработки полученных документов. «Комиссия постановила, во-первых, ускорить составлявшееся описание Архива, и, во-вторых, не дожидаясь окончания описания, приступить к частичному изданию Архива, дав ему общее название “Архив братьев Тургеневых”»².

Основную массу документов, опубликованных в издании «Архив Братьев Тургеневых», составляют письма и дневники двух братьев: Александра и Николая. В первом томе напечатаны «Дневники и письма» А.И. Тургенева за 1802–1804 гг., а также его письма к братьям и близкому другу А.С. Кайсарову за 1805–1811 гг. В следующем томе помещены дневники и письма его брата Н.И. Тургенева за 1806–1811 гг. В третьем томе – дневники Н.И. Тургенева за 1816–1824 гг. Два следующих тома составляют материалы А.И. Тургенева: часть переписки с кн. П.А. Вяземским и письма из путешествия в 1804 г. по славянским землям. К этому же изданию примыкает выпущенный в 1936 г. сборник писем Н.И. Тургенева, адресованный С.И. Тургеневу³.

После этого в издании последовал почти столетний перерыв, и в 2017 г. в издательстве «Нестор-История» вышел еще один том архива, включающий дневники и письма Н.И. Тургенева за 1824–1825 гг. Вслед за ним последовало вышедшее в 2022 г. издание «Сергей Иванович Тургенев. Поездка в Голландию в 1811 году». Здесь впервые публикуется дневник младшего из Тургеневых, который он вел в сентябре-октябре 1811 г. Кроме дневника, в книге представлены записи и выписки, относящиеся к этому времени, письма Сергея Ивановича Тургенева, адресованные разным корреспондентам, и письмо старшему брату Александру Ивановичу, написанное уже после возвращения из путешествия по Голландии обратно в Гёттинген. Кроме произведений младшего из братьев Тургеневых, в книгу включены вступительная статья М.Ю. Королевой и Е.О. Ларионовой, комментарии к дневнику и письмам и именной указатель. Составители позиционируют свою книгу как вышедшую в серии «Архив российской словесности», но, на наш взгляд,

¹ Истрин В. Архив братьев Тургеневых // Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 гг. СПб., 1911. С. VII.

² Там же. С. X.

³ Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936.

нынешнее издание выглядело бы более интересным, если бы продолжило серию «Архив братьев Тургеневых».

Как видим, Сергей Иванович Тургенев до настоящего времени находился в тени своих братьев и не пользовался вниманием публикаторов. Основные этапы его биографии были похожи на жизнь его старших братьев. Он родился в 1792 г. Как и его старшие братья, поступил в Благородный пансион при Московском университете. Во время учебы был записан актуариусом в Московский архив Коллегии иностранных дел. После окончания пансиона в 1807 г. был произведен в архиве в переводчики. По стопам братьев Сергей Иванович смог отправиться для продолжения образования в Гёттинген только в 1810 г.

Наряду с учебой в университете, Сергей Иванович, по примеру братьев, совершает разные поездки, в т.ч. путешествие по Гарцу. «Посещение Гарца входило в своего рода “обязательную программу” гёттингенских студентов. Ранее там побывали старшие братья Сергея: Александр – осенью 1803 г., Николай – в мае 1809-го»⁴. Гарц был далеко не единственным местом, посещавшимся студентами. Сергей Иванович поначалу хотел совершить поездку по Рейну, но, по совету братьев, передумал и отправился Гамбург и Голландию. Для него поездка в Гамбург и Голландию стала первым самостоятельным вояжем. Соответственно, перед нами дневник молодого человека, который совершает первую большую самостоятельную поездку.

Представленный на суд читателей дневник, отразивший впечатления от поездки в Гамбург и Голландию, является самым ранним из сохранившихся дневников младшего Тургенева. «Наряду с ним, сохранились журнал трехдневной поездки с товарищами-гёттингенцами в Пирмонт в июле 1812 г. под заглавием “Скачка в Пирмонт”, дорожный дневник возвращения из Гёттингена в Россию под заглавием “Mein Zurückreisen im Jahr 1812”⁵, тетрадь с дневниковыми записями с мая 1813 по май 1814 г., парижский дневник за июль-октябрь 1815 г. и 16 тетрадей непрерывных журналов за 1815–1827 гг.»⁶.

Опубликованный текст «Дневника» начинается с авторских размышлений о смысле путешествия: «Путешествие есть энциклопедия. Это наука узнавать людей с *первого лица* (выделено в тексте. – М.Б., С.Т.)» (с. 31). В дальнейшем мы встречаем в дневнике преимущественно впечатления от увиденного во время поездки, с вкраплениями нечастых

⁴ Корнеева М.Ю., Ларионова Е.О. Сергей Иванович Тургенев // Сергей Иванович Тургенев. Поездка в Голландию в 1811 году. СПб., 2022. С. 8.

⁵ «Мое обратное путешествие в 1812 году» (нем.).

⁶ Корнеева М.Ю., Ларионова Е.О. Сергей Иванович Тургенев // Сергей Иванович Тургенев. Поездка в Голландию в 1811 году. СПб., 2022. С. 24.

маргиналий. Сергей Иванович видит свое путешествие в русле типичной практики европейских путешествий, сформулированной в знаменитом романе Л. Стерна «Сентиментальное путешествие»: «Я заметил, что, по Стерну, принадлежу я к разыскивающим путешественникам, *inquisitive travelers*⁷, хотя вместе и к чувствительным, и может более, потому что расспросы мои и опыты – дело постороннее, а собственное удовольствие – главное» (с. 48).

Увиденные по пути из Гёттингена в Амстердам города описаны в дневнике. Первый крупный город, который он посещает в ходе поездки, – Гамбург. Ему в записях уделено много места. Подъезжая к Гамбургу, С.И. Тургенев удивляется малому количеству увиденных кораблей, восхищается красотой гамбургского пригорода Альтоны. Он сравнивает увиденное в нем с Петербургом и с Гёттингеном: «Здесь разносчики кричат лучше геттингенских, похоже на наших» (с. 33). Обдумывая все увиденное в городе, пытается теоретизировать: «Кажется, что большие города и их тон везде одинаковы» (с. 38). Заканчивая свое пребывание в Гамбурге, Тургенев рассказывает о том, как ведет дневник и что при этом думает: «Буду писать, думаю, на лоскутах и разной бумаге. Такой беспорядок представит мне живее мое положение» (с. 46).

Направляясь из Гамбурга в Голландию, Тургенев попадает в разные приключения. В одном из трактиров, где он менял деньги, его обманули, дав за 1 луидор не 60, а только 50 прусских грошей. В другой раз он дал извозчику больше чаевых, чем полагалось. Записав в своем дневнике все эти случаи, молодой путешественник заключает: «Но это все к лучшему, ибо я впредь, если не буду глуп, то справлюсь и о деньгах, и о таксе» (с. 49).

Оказавшись в первом же голландском городе, Тургенев восхищается увиденным: «Мужики ездят в таких одноколках, как наши щеголи, а избы снаружи так чисты, как лучшие дома в Гамбурге. Вчера, увидев все это в первый раз, я был в восхищении» (с. 49). Как типичный турист в Голландии, Сергей Иванович жалуется в дневнике, что не смог пойти на прогулку из-за дождя, но, когда с погодой все хорошо, то осматривает разные достопримечательности, и в т.ч. посещает греческую православную церковь: «Как приятно было быть в своей церкви» (с. 50).

На погоду в Голландии он жалуется далеко не все время, иногда он ею восхищается: «Уже мрачный октябрь – пора по домам, греться у своего камина, в беседе приятельской. Здесь и октябрь чуть-чуть не лето. Еще солнце сияет и греет, морские ветра приносят дрожь, хотя не скроешь от глаз, что осень на дворе» (с. 60).

⁷ Пытливым путешественникам (англ.).

Наряду с достопримечательностями, Сергей Иванович уделяет внимание и различным социальным учреждениям. Осмотрев работные и воспитательный дома, Тургенев потом много размышлял в дневнике над увиденным: «Из всех заведений мне больше всего понравился работный дом» (с. 66). Посещает домик Петра Великого в Саардаме (Зандаме), в котором тот жил во время своего заграничного путешествия. Увиденное в нем вызывает у путешественника восторг: «В жилище Мастера Петра (Bass Peter). Я был в восхищении, хватался за всякий предмет в избе, долго смотрел на его кровать в стене, сорвал портрет его, целовал оный, не мог наглядеться» (с. 64).

В Голландии русскому путешественнику беспрепятственно давали осмотреть самые разные объекты, в т.ч. военные, такие как Адмиралтейство, где он наблюдал за строительством военных кораблей.

Находясь в путешествии, автор помнит про матушку, которая овдовела за несколько лет до его путешествия. Записывая в дневнике о планах брата Николая вернуться вскоре в Россию, он добавляет: «Думаю, что ей (матушке. – М.Б., С.Т.) не очень приятно, что я в чужих краях» (с. 90).

Одной из главных тем, занимавших Голландию во время путешествия туда Сергея Ивановича, был приезд французского императора Наполеона Бонапарта. Восторг перед покорителем Европы, который был характерен для местных жителей, раздражает геттингенского студента. Записывая в дневнике свой разговор с одним из местных жителей, который наблюдал, как хорошо императора принимали в Утрехте, он не скрывает своего отвращения: «Он видел, как кушал его имп[ераторское] велич[ество]. Я желал ему видеть, как он какает, и сказал на ухо это хозяйке» (с. 77). Несмотря на неприязнь к Наполеону, любопытство путешественника берет верх, и он, вместе с местными жителями, отправляется встречать Наполеона: «Ну видел и Наполеона, и жену его. Императора лучше, чем ее, хотя и его черты лица не мог разобрать в отдалении; но надеюсь еще хорошо видеть. Луиза⁸ не показывалась, и даже народу не кланялась. Он был в простом синем мундире с красными отворотами, золотыми эполетами и красною лентою; на маленькой белой лошади с хвостом, убранный отлично от прочих. Небольшая свита, но довольно гвардии» (с. 78).

Значительное место в дневнике занимают впечатления Сергея Ивановича от увиденного в театре. Он посещал театральные спектакли, в которых были заняты самые знаменитые театральные актеры начала XIX в.: Ф.-Ж. Тальма и мадемуазель Жорж (М.-Ж. Веймер). «Играл

⁸ Имеется в виду вторая жена Наполеона – Мария-Луиза.

Тальма Вандома. Боже! Сколько раз хотел я плакать. Жорж меня так не трогала. Что Жорж! Какое чувство» (с. 67).

Во второй части издания опубликованы различные записки и выписки С.И. Тургенева, которые дополняют картину интеллектуальной жизни русского геттингенца. Мы видим здесь выписки из произведений разных авторов, от Горация до Адама Смита. Опубликованное здесь же письмо к брату Александру, написанное уже после возвращения в Гёттинген, представляет собой отчет с рассказом обо всем путешествии в Гамбург и Голландию.

Учитывая, что в настоящее время фонд братьев Тургеневых в отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) находится на переработке и не доступен для читателей, выход данного издания способен хоть немного утолить интерес исследователей к документам данного фонда.

Сведения об авторах / About the authors

Батшев Максим Владимирович – старший научный сотрудник, руководитель Центра информационного обеспечения и документации наследия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, г. Москва

Maxim V. Batshev – Senior Researcher, Head at the Center for Information Support and Documentation of the Heritage, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow

E-mail: bmv@list.ru

Трифонова Светлана Александровна – научный сотрудник отдела учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской Академии наук, г. Москва

Svetlana A. Trifonova – researcher at the Department of Accounting and Documents Preservation, Archive of Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: trifonova_s@mail.ru

А.Н. Бурлаков

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Клио на Парнасе**Рецензия на книгу: Молодяков В.Э.
Фроцкий, или Заговор Мефистофеля.
Историческая разгадка. СПб., 2023**

В научных изданиях не принято публиковать рецензии на романы, но исторический роман Василия Элинарховича Молодякова достоин исключения. С одной стороны, в книге много достоверной, выверенной информации, которая может пригодиться и в научной работе, а с другой стороны, высказана гипотеза о скрытых мотивах исторических лиц и событий, хотя и в весьма карнавальной форме, чего автор не скрывает.

По сути дела, рецензент идет вслед за издательством «Нестор-История», выпускающим только научную литературу, и впервые, наверное, опубликовавшим исторический роман. Стратегическая линия издательства вполне понятна. Как правило, литераторы, специализирующиеся на исторической тематике, не являются профессиональными историками, вольно обращаются с источниками и фактами, следуют завету Александра Дюма-отца: «Для меня история – это гвоздь, на который я вешаю свою картину». С другой стороны, ученый, пишущий романы на историческую тему, сегодня большая редкость. Увы, сейчас в сообществе гуманитариев широко распространено мнение, будто научный язык – это особый язык «посвященных» и будто о сложных вещах нельзя писать просто и доходчиво. В результате значительная часть отечественных научных книг написаны на этом лишенном жизни «новоязе» с множеством псевдонаучных терминов и понятий. Такая манера выхолащивает всякое творческое начало, превращает поле научного исследования в безжизненную пустыню и отбивает охоту к истории

© Бурлаков А.Н., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

у читающей публики. Как говорил И.-В. Гёте устами Мефистофеля, «суха, мой друг, теория везде, но древо жизни пышно зеленеет».

Книга В.Э. Молодякова совсем из другого разряда. Я бы назвал ее научной реконструкцией исторических событий, облеченной в художественную форму и обладающей лихо закрученным сюжетом. Увлеченно следуя за перипетиями событий, читатель одновременно знакомится с общественно-политической жизнью Франции межвоенного периода, а также с видными политическими и государственными деятелями конца Третьей республики. И все сюжетные линии этого художественного произведения основаны на прочном научном базисе источников и фактов.

Знакомство с реалиями межвоенной Франции для большинства читателей, любителей и профессионалов, станет неожиданным откровением. Дело в том, что в нашей отечественной историографии, посвященной этому периоду французской истории, очень мало правды. В первую очередь, это касается событий 6 февраля 1934 г., когда парижане, возмущенные разгулом коррупции, воровства и прочих безобразий в высших эшелонах власти, вышли на улицы и двинулись к резиденции Палаты депутатов. В результате столкновений демонстрантов с полицией было много раненых и убитых с обеих сторон. Отечественная историография, вслед за западными левыми и либеральными историками, окрестила эти события фашистским путчем, направленным против демократических устоев Третьей республики. В.Э. Молодяков – один из немногих современных российских историков, кто в своих книгах и статьях опроверг версию о существовании «фашистского заговора»¹. Во французской и, в целом, западной историографии сейчас немало ученых, которые придерживаются такой же точки зрения. Однако в своем романе Василий Элинархович пошел дальше других, высказав мнение, которое если где и встречается, то только полусловом, полунамеком.

Что же говорит в своем романе В.Э. Молодяков? Да, заговор был! Но заговорщиков нужно искать вовсе не там, где их обычно находят идеологически ангажированные историки. В.Э. Молодяков выдвигает гипотезу, согласно которой существовал заговор некоммунистической левой оппозиции в лице радикалов и, возможно, социалистов. Вообще идея сильной исполнительной власти, может быть даже авторитарной, вместо бессильной, погрязшей в коррупции, кумовстве и закулисных интригах парламентской системы Третьей республики, буквально витала в воздухе. К тому же над Францией нависала, с каждым годом

¹ См.: Молодяков В.Э. Шарль Моррас и «Action française» против Третьего Рейха. СПб., 2021.

вырастая в размерах, зловещая тень нацистской Германии. Инстинкт самосохранения нации требовал концентрации власти и твердой политической воли, чтобы успешно противостоять внутренним и внешним угрозам. Потребность в сильной эффективной власти и авторитарном управлении в эти сложные времена ощущали представители самых разных политических сил, прежде всего правых (А. Тардье, Ф. де ля Рок). Однако и некоммунистической левой, социалистам и радикалам, не были чужды подобные настроения. В их руках было Министерство внутренних дел, они обладали большими, чем правые партии, возможностями в осуществлении подобного сценария.

Ситуация в стране была крайне благоприятной: общество буквально кипело от негодования, вопиющие факты коррупции и воровства были налицо, готовых вывести людей на акции протеста с лихвой хватало среди лидеров крайне правых и националистических организаций. Дело было за малым – умело воспользоваться народными волнениями, объявить военное положение, арестовать политических конкурентов из числа правых, добиться от парламента чрезвычайных полномочий и временно передать власть политику, способному навести порядок в стране.

По мнению В.Э. Молодякова, роль исполнителя такого плана добровольно взял на себя молодой перспективный министр внутренних дел Эжен Фро, авантюрист по натуре. Особое внимание автор уделяет вопросу, кто же стоял за Фро? У Фро, несомненно, были связи с социалистической партией (СФИО, Французская секция Рабочего интернационала), ряды которой он покинул в 1932 г. вслед за своим патроном Жозефом Поль-Бонкуром. Последний являлся видным политическим деятелем Третьей республики, занимавшим в разные годы посты военного министра, главы правительства и министра иностранных дел. Поль-Бонкур поддерживал отношения и с социалистами, и с радикалами. Вполне возможно, что Э. Фро, его протеже, не будучи политическим тяжеловесом, опирался на поддержку своего патрона. Неудивительно, что в рассматриваемый период у Фро сложились крепкие связи с левым крылом радикалов (Фро входил в близкое к радикалам республиканско-социалистическое движение, как и его патрон). По мнению В.Э. Молодякова, самый интересный момент возможного заговора состоит в том, что его участники сознательно вышли за пределы партийных рамок. И это во Франции – классической стране политических партий! Кстати, Ж. Поль-Бонкур, на мой взгляд, как раз являл собой персонифицированный образчик политика, не раз выходившего в своей деятельности за рамки партийных границ внутри левоцентристского лагеря. Добавлю также как повод для размышления: Поль-Бонкур очень

гордился своим внешним сходством, так ему казалось, с Максимилианом Робеспьером, известным своей диктаторской политикой в годы Французской революции.

Но что-то пошло не так, и афера не удалась. У меня есть своя версия того, что «пошло не так», но это отдельная тема для разговора, выходящая за рамки жанра рецензии. Дело удалось замять, благо пост, который занимал Фро, открывал для этого много возможностей; да и радикалам, и бывшим однопартийцам (социалистам), позиционировавшим себя защитниками демократии, такой скандал был не нужен. Но то, что молодой, перспективный политик Э. Фро после этих событий вдруг исчезает с политической авансцены (а ведь через два года радикалы и социалисты составят правительство Народного фронта), толькошний раз подтверждает гипотезу В.Э. Молодякова. Левоцентристская элита назначила Фро стрелочником-«расстрельщиком», благо такими прочными позициями в политическом истеблишменте, как, например, Даладьё, молодой политик не обладал. Дело замаяли, но взамен фигурант должен был уйти с политической арены, чтобы не дискредитировать тех, кто стоял за ним.

Роман построен на диалогах Эжена Фро со своим другом и адвокатом Луи Гитаром, который вел дела бывшего министра и пытался докопаться до истины. Чтобы составить такие диалоги, необходимо не только прекрасно знать биографию своего «героя», но и понять его менталитет и психологию. Автору это удалось в полной мере: беседы политика и юриста настолько убедительны и правдоподобны, что читатель наверняка попадет в ловушку, расставленную автором: примет все сказанное за чистую монету и забудет, что перед ним не научный труд, а роман. И только в конце книги автор признается, что перед нами художественная реконструкция исторических событий. В.Э. Молодяков достраивает недостающие элементы конструкции и получается очень убедительная версия, основанная не на фантазии и прихоти автора, а на прекрасном знании людей и событий той эпохи, а также на логике исторического процесса. В результате получился захватывающий роман, написанный прекрасным литературным языком, с подлинной исторической основой, увлекательной авантюрной интригой (в истории всегда есть место тайне) и неожиданной развязкой. Именно такие книги нужны не только для знатоков, но и для любителей истории, ибо они не только просвещают, но и формируют хороший вкус у читающей образованной публики.

Особого восхищения заслуживает уникальный иллюстративный ряд книги. В.Э. Молодяков – известный российский библиофил, что не могло не найти отражение в оформлении романа. На его страницах представлены фото книжных инскриптов многих исторических

персонажей эпохи, в том числе трехтомник мемуаров Поль-Бонкура, где первый том подписан Фро, а второй и третий – Гитару. Не говоря уже о великолепных карикатурах Ральфа Супо. Все это помогает погрузиться в межвоенную эпоху, ощутить дыхание Истории.

Хочется верить, что булгаковские слова о том, что рукописи не горят, окажутся и в данном случае пророческими: найдутся утерянные бумаги Эжена Фро, и тогда исторический роман В.Э. Молодякова обернется научным предвидением.

Сведения об авторе / About the author

Бурлаков Александр Николаевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexander N. Burlakov – PhD in History; associate professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: an.burlakov@mpgu.su

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2023.2

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 26.06.2023 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10,13 п. л. Тираж 1000 экз.